НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНЫ І ІНФАРМАЦЫЙНА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

2011 2(24)

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ПРАВАВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ

БІП - ІНСТЫТУТ ПРАВАЗНАЎСТВА

МІНСК

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ПРАВАВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ

НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНЫ І ІНФАРМАЦЫЙНА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

2’2011

Заснавальнік і выдавец –
прыватная ўстанова адукацыі
«БІП – Інстытут правазнаўства»

Выдаецца з удзелам

Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Інстытута гісторыі НАН Беларусі

Часопіс зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь.

Пасведчанне аб рэгістрацыі № 1120

Выдаецца штоквартальна з верасня 2005 г.

Часопіс уключаны ў Пералік навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па юрыдычных і эканамічных навуках.

Адрас рэдакцыі: вул. Караля, 3, 220004, г. Мінск. Тэл. / факс 2110158

Мінск 2011

Галоўны рэдактар –
доктар эканамічных навук **С. А. Самаль**

Рэдакцыйная калегія:

Я. М. Бабосаў, акадэмік НАН Беларусі, доктар філасофскіх навук, прафесар

В. К. Банько, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт

М. П. Бяляцкі, доктар эканамічных навук, прафесар

У. А. Вітушка, доктар юрыдычных навук, прафесар

намеснік галоўнага рэдактара –
А. Ф. Вішнеўскі, доктар гістарычных навук, прафесар гісторыі, прафесар права

А. А. Каваленя, доктар гістарычных навук, прафесар

В. С. Камянкоў, доктар юрыдычных навук, прафесар

І. В. Катляроў, доктар сацыялагічных навук, прафесар

А. М. Літвін, доктар гістарычных навук, прафесар

У. А. Мельнік, доктар палітычных навук, прафесар

В. Ф. Мядзведзеў, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар эканамічных навук, прафесар

С. В. Рашэтнікаў, доктар палітычных навук, прафесар

А. М. Сарокін, доктар гістарычных навук, прафесар

В. І. Семянкоў, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар юрыдычных навук, прафесар

С. Ф. Сокал, доктар юрыдычных навук, прафесар

Г. А. Хацкевіч, доктар эканамічных навук, прафесар

В. Г. Ціхіня, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар юрыдычных навук, прафесар

Л. Ф. Яўменаў, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар філасофскіх навук, прафесар

Адказны сакратар Т. Кугейка
Камп'ютарная вёрстка, дызайн М. Лебедзеў
Карэктар В. Юшкевіч
Падпісана ў друк 17.06.2011.
Папера афсетная. Друк афсетны. Фармат 70х100 1/16.
Ум.-друк. арк. Ул.-выд. арк. Тыраж 300 экз. Заказ №
Надрукавана ў друкарні
з дыяпазітываў заказчыка.
Ліцэнзія
г. Мінск

ЗМЕСТ *

НАВУКОВЫ ПОШУК

4 *Бабосов Е. М.*
Масштабы, причины и пути преодоления коррупции в Беларуси: социологический анализ

19 *Вишневский А. Ф., Кучинский В. А.*
Право и законодательство: допустимо ли противопоставление?

ДЫСКУСІІ

41 *Евменов Л. Ф.*
Концептуальные основы политической философии объединенных наций Европы

ПРАСТОРА ПРАВА

54 *Сокол С. Ф., Стрижак М. С.*
Теоретико-практическое содержание понятий, используемых в законодательном регулировании ювенальных правоотношений

72 *Мельников А. П.*
Терроризм как средство политики в современном мире

91 *Паращенко В. В.*
Об оптимальном балансе диспозитивных и публично-правовых начал в гражданском судопроизводстве

99 *Кибак И. А.*
Социальная потребность использования психологических знаний в законотворчестве

111 *Степанов О. В.*
Регулирование труда трудящихся-мигрантов в Республике Беларусь: проблемы реализации правовых норм

121 *Маджаров Р. В.*
Приостановление предварительного расследования: история, современность, перспективы

ЭКАНОМІКА І КІРАВАННЕ

136 *Чаховский Ю. Н.*
Вексельное обращение в Росии и Беларуси: исторические аспекты

150 *Бочкова Е. В.*
Сущностные аспекты кластеризации экономики страны (на примере России)

168 *Солодовников С. Ю.*
Гносеологические проблемы формирования новой парадигмы инновационного развития Республики Беларусь

182 *Енин Ю. И., Лавров Л. С.*
Развитие торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь и Сибирского федерального округа

195 *Тихомиров А. О.*
Экспортный потенциал: факторы формирования, методы оценки и анализа

204 *Кузьменко Т. В.*
Социальное самочувствие сельского населения: социологический анализ

215 ***ЮБІЛЯРЫ***

217 ***РЕЗЮМЕ***

221 ***SUMMARY***

* Усе артыкулы рэцэнзуюцца
Рэдакцыя можа не падзяляць пазіцыі аўтараў апублікаваных прац

© Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні

УДК 328.185

Е. М. Бабосов

МАСШТАБЫ, ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бабосаў Яўген Міхайлавіч *– доктар філасофскіх навук, прафесар, акадэмік НАН Беларусі, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі, Заслужаны дзеяч навукі РБ, загадчык аддзела палітычнай сацыялогіі і інфармацыйных тэхналогій Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі. Аўтар больш чым 800 навуковых прац, у тым ліку больш чым 34 манаграфій па розных галінах сацыялогіі і філасофіі.*

Вступление Беларуси во второе десятилетие XXI века побуждает непредвзято и самокритично оценить то, что достигнуто (а достигнуто немало) трудом нашего народа за последние годы, и те проблемы, которые пока еще существуют в белорусском обществе. Среди вторых, несомненно, серьезного научного анализа и принятия специальных мер заслуживает неоднократно зафиксированная социологическими исследованиями неудовлетворенность большинства граждан деятельностью правоохранительных органов. На необходимость принятия принципиальных и решительных мер по наведению порядка в правоохранительной системе обратил внимание Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в декабре 2010 года в докладе на четвертом Всебелорусском народном собрании. Одним из наиболее важных недостатков в деятельности этой системы широкая общественность нашей страны считает низкую эффективность борьбы с коррупцией.

Чтобы представить себе реальные масштабы коррупции в Беларуси, сравним коррупционную ситуацию в нашей стране и в других странах. Здесь вполне уместно принять во внимание составленный международной организацией «Transparency International» рейтинг стран, в которых более или менее часто берут взятки. Уровень коррумпированности составители данного рейтинга определяют достаточно субъективно: на основании результатов опросов среди экспертов и деловых людей. Тем не менее такие рейтинги дают представление о преобладающих тенденциях в развитии коррупционной ситуации в той или иной стране. В 2010 году в рейтинге

коррумпированных стран Польша, Литва и Латвия предстают менее коррумпированными, чем наша страна, занимая соответственно 49, 52 и 56 место, а Беларусь оказалась на 139 месте из 180 вошедших в список государств. Среди европейских стран коррупционная преступность более масштабна и интенсивна только в Азербайджане (143 место), Украине и России (обе занимают 146-ю позицию). Отметим, что в рейтингах 2006–2008 годов Беларусь размещалась на 150–151 местах, а в 2010 году в преодолении коррупции сумела улучшить свое положение и поднялась на 12 ступеней, заняв 139-ю позицию. Прогресс существует, но относительный, если вспомнить, что в конце 90-х годов XX века Беларусь входила в число наименее коррумпированных стран мира.

Не дают оснований для оптимистичной оценки коррупционной ситуации и данные статистики. За первое полугодие 2010 года, по сравнению с аналогичным периодом 2009 года, в Минской области увеличилось количество выявленных коррупционных преступлений со 192 до 270, т. е. в 1,4 раза. В сфере таких преступлений в указанный период количество крупных хищений путем злоупотребления служебным положением возросло с 47 до 70, фактов взяточничества – с 55 до 90, служебных подкупов – с 70 до 86. Увеличилось также число выявленных лиц, совершивших коррупционные преступления, с 91 до 151 и количество госслужащих, привлеченных за коррупционные деяния к уголовной ответственности, с 63 до 101. Работники правоохранительных органов связывают рост выявленных коррупционных сделок с усилением контроля и ужесточением мер борьбы с коррупцией. В этом, конечно, существует доля правды, но объяснять увеличение интенсивности коррупции только возросшей раскрываемостью случаев взяткополучательства было бы опрометчиво.

ПО ИТОГАМ ДЕВЯТИ МЕСЯЦЕВ 2010 ГОДА ПО ВСЕЙ СТРАНЕ БЫЛО ЗАРЕГИСТРИРОВАНО 3224 ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

К сожалению, коррупционная ситуация в Беларуси продолжает оставаться напряженной. По итогам девяти месяцев 2010 года по всей стране было зарегистрировано 3224 преступления коррупционной направленности. Наибольшее количество такого рода деяний было выявлено в Гомельской области – 710, в Минске – 485, а в Брестской области – 314 коррупционных сделок. Причем почти половина таких преступлений связаны с вымогательством и получением взяток. Так, в частности, из 771 коррупционного преступления, совершенного в Гомельской области, 305 касаются получения взяток.

Коррупционные преступления приобретают особо крупные масштабы, когда их совершают высокопоставленные руководители тех организаций, в которые поступают значительные бюджетные финансовые средства. Так, например, во время реконструкции Национального академического театра оперы и балета Беларуси в результате преступных действий, совершенных руководством оперной дирекции, была похищена огромная сумма (преимущественно из бюджетных средств), исчисляемая 5,8 млрд. белорусских рублей.

Примерно такой же размер ущерба, причиненного государству (6 млрд. рублей), нанесла коррупционная деятельность преступной группы в Минске, которая в течение пяти лет занималась организацией госзакупок материалов и оборудования за рубежом[1].

[1] *Коррупционные преступления в Беларуси все чаще совершаются группами…*

Вызывает тревогу проникновение коррупции в правоохранительные органы страны, в частности, финансовую милицию. Достаточно вспомнить, что в 2010 году были привлечены к уголовной ответственности пять подполковников, служащих в органах финансовых расследований Комитета госконтроля, за получение путем прямого вымогательства крупных взяток, измеряемых десятками тысяч долларов, от бизнесменов, замешанных в финансовых махинациях.

Разумеется, в процессе реализации Государственной программы борьбы с коррупцией в последние 2–3 года получены некоторые положительные результаты. Наученные активными действиями по пресечению коррупционной преступности в таких ведомствах, как КГБ, ГКГК, МВД, чиновники среднего уровня, рядовые сотрудники ГАИ, преподаватели вузов, врачи стали гораздо меньше брать взятки, чем раньше. И все-таки в этих сферах поток взяткополучательства и взяткодательства не иссякает. В той же Гомельской области в октябре 2010 года в суд было передано дело в отношении преподавателя дорожно-строительного колледжа, который на протяжении нескольких лет получил более двухсот взяток.

БОЛЕЕ ОПАСНЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОДРЫВА НРАВСТВЕННЫХ И ПРАВОВЫХ УСТОЕВ ОБЩЕСТВА КРУПНЫЕ КОРРУПЦИОННЫЕ СДЕЛКИ, СОВЕРШАЕМЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ

Более опасны с точки зрения подрыва нравственных и правовых устоев общества крупные коррупционные сделки, совершаемые государственными служащими. Так, например, за 9 месяцев 2009 года в системах министерств, подчиненных правительству, по данным Генпрокуратуры Беларуси, было зарегистрировано 912 коррупционных преступлений (за весь 2007 год – 915, за 2008 – 854). Это означает, что почти каждый рабочий день оказываются задержанными

за коррупционную деятельность 4–5 человек, которые находятся на госслужбе, обладают определенной властью и полномочиями, но используют их в корыстных целях.

Значительную роль в выявлении реальной картины коррупционной ситуации в стране и оценке вреда коррупции для нормальной жизнедеятельности рядовых граждан и управленческих структур выполняют социологические исследования.

Актуальность социологического исследования коррупции и оценки ее общественным мнением обусловлена тем, что на протяжении последнего десятилетия при характеристике социально-экономической ситуации в Беларуси как органами государственной власти, так и исследователями очень часто констатируется негативный факт распространенности коррупции и ее разрушающего воздействия на стабильность и устойчивость социально-экономического развития страны. Особую опасность для нормального развития общества представляет тот факт, что коррупционные преступления все чаще совершаются группами и приобретают тем самым системный характер, становятся дефектом системы государственной службы, правовой системы, системы нравственности. В таком понимании коррупция предстает как своеобразная *энтропия* общественной системы, как мера ее внутренней неупорядоченности, как дефект деятельности системы управления, т. е. как мера социальной неэффективности. В связи с тем, что в общественном мнении часто отождествляется коррупция и взяточничество, следует более четко разграничить эти понятия.

КОРРУПЦИЯ – ЭТО ПРЯМОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ПРАВ, СВЯЗАННЫХ С ЕГО ДОЛЖНОСТЬЮ В ЦЕЛЯХ ЛИЧНОГО ОБОГАЩЕНИЯ, ЕГО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ В КОРЫСТНЫХ ЦЕЛЯХ

Коррупция – это прямое использование должностным лицом прав, связанных с его должностью в целях личного обогащения, его злоупотребление служебным положением в корыстных целях. Нередко должностное лицо, участвующее в коррупционной деятельности, отстаивает не только свои интересы, но и интересы другой стороны (другого должностного лица, представителя бизнеса, конкретного гражданина). Если такие действия совершаются за определенное вознаграждение, которое не предусмотрено существующими в обществе нормами и скрывается участниками сделки от общественности, возникает такое проявление коррупции, которое называется *взяточничеством*.

Существуют различные формы оплаты услуг в рамках коррупционной сделки:

- денежные средства;

- дорогостоящие подарки;
- значительные скидки на приобретение чего-либо;
- оказание бизнесом различных услуг (например, строительство бюджетного жилья);
- участие чиновников или их родственников в бизнесе (например, в форме введения названных лиц в советы директоров с возможностью получения части прибыли).

Еще одно отличие коррупции от взятки заключается в том, что *коррупция* – это такая взятка, которая дается представителю государственной службы, если последний злоупотребляет вверенными ему полномочиями, для получения выгоды в личных целях. *Взятка* – это подкуп в любой ситуации и любого работника, не только госслужащего, например, врача, преподавателя, рядового сотрудника дорожно-патрульной службы или таможни.

Кроме взятки существует несколько иных форм коррупции, в частности, фаворитизм, протекционизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, вымогательство, предоставление льготных кредитов, знаменитый «блат» (использование личных контактов для доступа к определенным ресурсам – товарам, услугам, источникам доходов, оплате различных услуг родственникам, друзьям, знакомым) и др.

Коррупция подразделяется на два основных вида. *Деловая коррупция* возникает в результате взаимодействия должностных лиц и предпринимателей, когда последние стремятся решить проблемы своего бизнеса (например, пресловутый «откат»). *Бытовая коррупция* проявляется в результате такого взаимодействия должностных лиц и граждан, когда последние решают свои повседневные проблемы с помощью взяток.

Многоликость мздоимства, осуществляемого недобросовестными, коррумпированными группами должностных лиц, детерминирована разнообразными факторами и причинами, порождающими коррупционные действия в нашем обществе.

Первая группа факторов и причин – *социально-психологические*. Они воплощаются в стремлении чиновников всеми правдами и неправдами получить дополнительный доход или другую материальную выгоду. Официально осуждаемые многими госслужащими, в нужных ситуациях коррупционные схемы ими же достаточно часто используются.

Вторая группа факторов и причин, детерминирующих коррупционную деятельность, – *правовые.* Они выражаются в несовершенстве законодательства, в частых изменениях

постановлений, регулирующих хозяйственно-экономическую деятельность, и вытекающей отсюда возможности коррупционеров избежать наказания за свои деяния.

Третья группа причин – *социально-экономические*. Они проявляются в недостаточном финансово-материальном вознаграждении людей, осуществляющих свою служебно-трудовую деятельность в бюджетной сфере, значительную часть которых занимают должностные лица управленческих структур.

Четвертая группа причин, обусловливающих распространение коррупции, – *организационно-управленческие*. Они коренятся в отсутствии четкой регламентации должностных обязанностей служащих госаппарата, в слабой эффективности контроля деятельности госслужащих, в неудовлетворительной работе правоохранительных органов, низкой компетентности значительной части госслужащих, следствием чего являются должностные злоупотребления, в том числе и криминально-имущественного характера.

Пятая группа причин и факторов, детерминирующих распространение коррупции, – это *образовательно-нравственные.* К ним относится низкий уровень нравственной и правовой культуры населения, в том числе и значительной части сотрудников управленческих структур, недостаточно широкое освещение в средствах массовой информации деятельности, направленной на пресечение и преодоление коррупции.

Сложность противодействия коррупции обусловлена комплексом внутренне присущих ей качеств, которые превращают ее в выгодное дело для тех, кто прибегает к ее услугам. Для должностных лиц она довольно часто является источником дополнительного дохода. Для рядового гражданина взятка нередко является единственным надежным способом решить жизненно важную проблему, в том числе возникающую на вполне законном интересе. Для предпринимателя взятка чиновнику помогает получить лицензию, организовать выгодное дело, обойти конкурентов, наконец, повысить прибыльность своего бизнеса.

В разработке и реализации конкретных мероприятий, ориентированных на преодоление коррупции, большое значение имеет выяснение общественного мнения как о масштабах коррупционной преступности, так и о действиях правоохранительных органов по ее пресечению. Проведенное в октябре и ноябре 2010 года Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси репрезентативное

общереспубликанское исследование, осуществленное по методике и инструментарию, которые разработал автор данной статьи, показало, что в общественном мнении существуют различные, сильно отличающиеся друг от друга оценки сущности и распространенности коррупции среди должностных лиц. Каждый пятый из опрошенных граждан Беларуси (20,4%) считает, что в коррупционную деятельность вовлечена примерно половина должностных лиц. Чуть меньшее количество (18,9%) опрошенных полагает, что коррупционная деятельность присуща большинству должностных лиц. И только каждый шестой из респондентов (15,5%) считает, что лишь незначительная часть должностных лиц вовлечена в коррупцию. Если принять во внимание все названные суждения, то оказывается, что более половины граждан Республики Беларусь (почти 55%) убеждены, что в коррупционную преступность вовлечена значительная часть должностных лиц. Причем такие суждения распространены среди горожан значительно больше (59,1% от общего количества опрошенных), чем в сельской местности (45,4%).

БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ПОЧТИ 55%) УБЕЖДЕНЫ, ЧТО В КОРРУПЦИОННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ ВОВЛЕЧЕНА ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ. ПРИЧЕМ ТАКИЕ СУЖДЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНЫ СРЕДИ ГОРОЖАН ЗНАЧИТЕЛЬНО БОЛЬШЕ (59,1% ОТ ОБЩЕГО КОЛИЧЕСТВА ОПРОШЕННЫХ), ЧЕМ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ (45,4%)

Среди общего контингента опрошенных около половины (48,5%) утверждают, что им приходилось делать подарки (конфеты, шампанское и т. д.) должностным лицам, причем среди городских жителей о таких действиях говорят 51% от общего количества опрошенных, а среди сельчан – 43%. Значительно меньшее число респондентов (21,6%) признаются в том, что они были вынуждены выплачивать материальные вознаграждения должностным лицам. Социальные механизмы и мотивы таких действий различны. Каждый десятый из числа респондентов (в целом – 11,1%, в городе – 12,4%, в сельской местности – 8,4%) утверждает, что он делал материальные подношения (деньги, ценные подарки и др.) должностным лицам, так как в нашем обществе сложилась и стала обычным явлением практика «вознаграждения» за положительное решение того или иного вопроса. В 8,4% случаев взяткодательства сами граждане по собственной инициативе решили отблагодарить должностные лица за положительное решение интересующей их проблемы. А 6,7% опрошенных сообщили, что само должностное лицо либо его представитель предложили или намекнули им, что материальное вознаграждение будет способствовать положительному решению волнующего их вопроса.

Существенный интерес представляет отношение наших граждан к материальному вознаграждению (прежде всего в форме взятки) должностных лиц. Почти третья часть респондентов (29,4 %) убеждены, что подобного рода деяния недопустимы ни в коем случае. Некоторые граждане (в целом – 21,8 %, в городе – 23,4 %, в селе – 18,1 %) считают, что приходится это делать, иначе ничего не добьешься, а еще 19,8 % полагают, что если вопрос решен в их пользу, то они должны отблагодарить то должностное лицо, которое приняло данное решение. Из анализа приведенных суждений вытекает очень тревожный вывод, согласно которому четверо из десяти опрошенных граждан (41,6 %) терпимо относятся к коррупционным деяниям. Именно в такой *примиренческой позиции коренятся основные трудности преодоления коррупционной преступности в нашем обществе*. Поэтому так важно все усилия государственных структур и правоохранительных органов по борьбе с коррупцией органично связать с процессом дебюрократизации, на что обратил особое внимание Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в докладе на четвертом Всебелорусском народном собрании.

ЧЕТВЕРО ИЗ ДЕСЯТИ ОПРОШЕННЫХ ГРАЖДАН (41,6 %) ТЕРПИМО ОТНОСЯТСЯ К КОРРУПЦИОННЫМ ДЕЯНИЯМ

В процессе проведения социологического исследования существенное внимание было уделено выяснению того, какие категории работников, по мнению населения, чаще всего берут взятки. Оказалось, что наибольшее количество опрошенных (в целом – 44,5 %, в городе – 46,8 %, в сельской местности – 39,2 %) убеждены в том, что чаще всего берут взятки врачи; за ними по убыванию следуют работники милиции (так считают 35,7 % респондентов); сотрудники таможни (34,4 %); ответственные работники государственной власти и управления (25,9 %); работники исполнительных органов местной власти (в целом – 22,5 %, в городе – 26,3 %, в сельской местности – 15,3 %); работники налоговой службы (в целом – 20,6 %, в городе – 24,3 %, в сельской местности почти вдвое меньше – 12,3 %). Значительный интерес представляет выяснение различий в отношении к масштабам и адресности коррупционных сделок между представителями различных социальных групп белорусского общества. Если в общем массиве опрошенных граждан 18,9 % считают, что большинство должностных лиц вовлечено в коррупцию, то в среде руководителей высшего звена такие суждения высказывают 14,9 % респондентов, в среде предпринимателей (которые чаще других имеют коррупционные взаимодействия с госслужащими) почти вдвое

большее количество респондентов – 26,1 %, в среде служащих без специального образования – 28 %, а в среде рабочих, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов – по 25,7 % опрошенных. Уверены, что чаще всего берут взятки врачи, 39 % руководителей высшего звена, 61,1 % руководителей низшего звена, 52,3 % рабочих, 50,8 % крестьян, 26,9 % работников правоохранительных органов.

Особенно настораживает тот факт, что наиболее компетентные работники, имеющие более квалифицированные суждения о распространенности коррупции (руководители разного ранга), убеждены в том, что чаще всего получают взятки руководители исполнительных органов местной власти. Именно такие суждения и оценки высказывают 32 % опрошенных руководителей высшего звена, 30,5 % руководителей среднего звена и 37,35 % руководителей низшего звена.

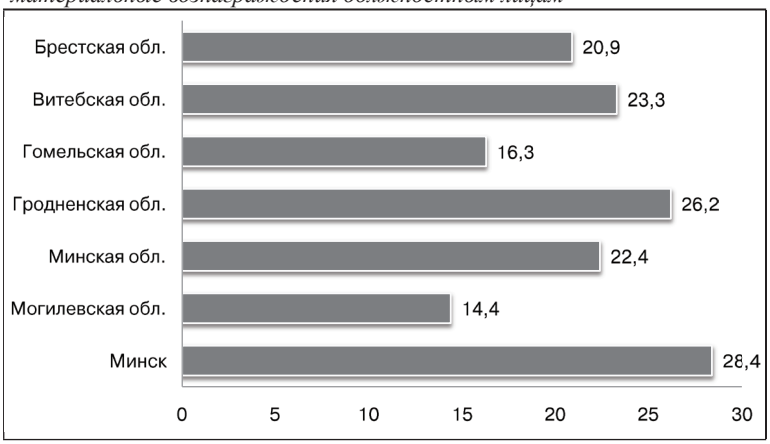
НАСТОРАЖИВАЕТ ТОТ ФАКТ, ЧТО НАИБОЛЕЕ КОМПЕТЕНТНЫЕ РАБОТНИКИ, ИМЕЮЩИЕ БОЛЕЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ СУЖДЕНИЯ О РАСПРОСТРАНЕННОСТИ КОРРУПЦИИ (РУКОВОДИТЕЛИ РАЗНОГО РАНГА), УБЕЖДЕНЫ В ТОМ, ЧТО ЧАЩЕ ВСЕГО ПОЛУЧАЮТ ВЗЯТКИ РУКОВОДИТЕЛИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ

Существенные различия в оценках масштабов распространения коррупции в Беларуси зависят не только от социального статуса респондентов и их места жительства (горожане либо сельчане). Значительное дифференцирующее влияние на содержание и остроту критичности суждений граждан о коррупционной деятельности должностных лиц оказывает территориально-региональная специфика различных областей, имеющая и экономические, и социальные, и этно-религиозные, и социокультурные компоненты. Все эти компоненты, воздействуя на индивидуальное и групповое сознание и поведение различных групп граждан, сказываются существенным образом на их отношении к коррупции и их оценках данного социального явления. Общая картина регионально-территориальной дифференциации в оценках респондентами масштабов распространения коррупции отражена на рисунке 1.

Сопоставление зафиксированных на данном рисунке показателей позволяет сделать вывод о том, что, по мнению опрашиваемых граждан, наибольший размах коррупционное «лихоимство» должностных лиц приобрело в Минске. В столице более двух третьих (69,2 %) опрашиваемых считают коррупцию в той или иной степени распространенным явлением, а 24,3 % убеждены, что в коррупцию вовлечено большинство должностных лиц.

Большое значение приобретает выяснение вопроса об инициаторе коррупционной сделки, является ли им сам гражданин,

Рисунок 1.
Высказывания респондентов о том, приходилось ли им выплачивать материальные вознаграждения должностным лицам



обратившийся к должностному лицу с просьбой решить волнующую его проблему, либо чиновник занимается при удобном случае вымогательством взятки. Социологический опрос, проведенный во всех регионах Беларуси, показал, что чаще всего занимаются вымогательством взяток госслужащие в Витебской и Гомельской областях (в них свидетельствуют о таких вымогательствах соответственно 9,8% и 8,6%), а менее всего в Брестской и Гродненской областях (соответственно 4,1% и 5,5%). Следует отметить в качестве положительного явления тот факт, что по сравнению с 2005 годом количество вымогательств взяток чиновниками в 2010 году, по оценкам респондентов, сократилось почти вдвое. Если пять лет назад жаловались на вымогательство материальных вознаграждений должностными лицами 13,3% от общего количества опрошенных граждан, то социологические опросы, осуществленные в 2010 году, зафиксировали такие жалобы только у 6,7% респондентов.

ПО СРАВНЕНИЮ С 2005 ГОДОМ КОЛИЧЕСТВО ВЫМОГАТЕЛЬСТВ ВЗЯТОК ЧИНОВНИКАМИ В 2010 ГОДУ, ПО ОЦЕНКАМ РЕСПОНДЕНТОВ, СОКРАТИЛОСЬ ПОЧТИ ВДВОЕ

Проведенное в октябре – ноябре 2010 г. социологическое исследование зафиксировало не очень высокую оценку общественным мнением эффективности деятельности органов власти по борьбе с коррупцией. Считают эту борьбу в той или иной мере эффективной 41,6% от общего количества опрошенных, а неэффективной вдвое меньшее количество респондентов (18,5%). Дифференциация этих оценок в разных регионах Республики Беларусь не очень сильно выражена (таблица 1).

Зафиксированное во всех областях большое количество людей, которые затруднились ответить (от одной трети

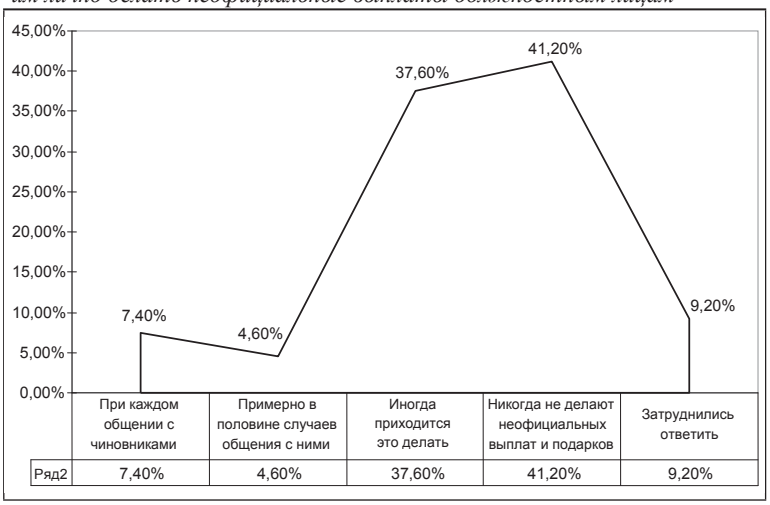
Таблица 1.
Оценка общественным мнением эффективности деятельности органов власти по борьбе с коррупцией, %

Оцените эффективность деятельности органов власти по борьбе с коррупцией	Количество ответивших						
	Брест. обл.	Вит. обл.	Гом. обл.	Гродн. обл.	Минск	Мин. обл.	Могил. обл.
Нет ответа	1,0	1,0	2,2	0,9	0,7	3,0	1,6
Высокоэффективна	8,5	3,3	25,0	12,9	7,9	3,1	12,0
Малоэффективна	33,0	35,7	22,1	28,2	37,2	31,7	30,4
Неэффективна	16,4	30,8	16,5	15,3	19,3	19,8	9,6
Затрудняюсь ответить	41,1	29,2	34,2	42,7	34,8	42,4	46,5

в Минске, Витебской и Гомельской областях до 46,5 % – почти половины – в Могилевской области), свидетельствует о необходимости более широкого освещения в средствах массовой информации материалов об успехах в антикоррупционной работе властных структур и правоохранительных органов.

В процессе проведенного исследования была выяснена характерная особенность в дифференциации оценок успехов в борьбе с коррупционными сделками. Если среди руководителей высшего звена считают высокой эффективность деятельности органов власти по борьбе с коррупцией 26,6 % от общего количества опрошенных, то в среде предпринимателей и фермеров, которым чаще других социальных групп приходится делать материальные подношения чиновникам, подобную оценку дают только 8,7 % респондентов, т. е. втрое меньшее количество (в соответствии с рисунком 2).

Рисунок 2.
Распределение ответов предпринимателей на вопрос, приходилось ли им лично делать неофициальные выплаты должностным лицам



Самым положительным является тот факт, что количество предпринимателей, которые в половине случаев общения с должностными лицами вынуждены были делать неофициальные выплаты чиновникам, за период с 2005 по 2010 годы снизилось с 17,9% до 4,6% от количества опрошенных.

Если среди сотрудников правоохранительных органов каждый третий из числа опрошенных (35,9%) считает получение взяток должностными лицами недопустимым явлением, то среди руководителей высшего и среднего звена такую оценку коррупционной деятельности дают 29–30% респондентов, в предпринимательской среде – 21,8%, а в группе неработающих пенсионеров считают недопустимым явлением коррупционные сделки 40,8% опрошенных.

Большое значение также имеет выяснение мнений различных социальных групп о необходимых мерах по усилению борьбы с коррупцией (таблица 2).

Как видно из приведенной таблицы, наиболее решительные меры по борьбе с коррупцией считают необходимым предпринимать руководители высшего звена (49,4%), служащие и специалисты производственной сферы (48,5%), рабочие (60,8%), неработающие пенсионеры (50,0%) и сотрудники правоохранительных органов (55,0%).

НАИБОЛЕЕ РЕШИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ СЧИТАЮТ НЕОБХОДИМЫМ ПРЕДПРИНИМАТЬ РУКОВОДИТЕЛИ ВЫСШЕГО ЗВЕНА (49,4%), СЛУЖАЩИЕ И СПЕЦИАЛИСТЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ (48,5%), РАБОЧИЕ (60,8%), НЕРАБОТАЮЩИЕ ПЕНСИОНЕРЫ (50,0%) И СОТРУДНИКИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (55,0%)

На вопрос о том, приходилось ли Вам выплачивать материальное вознаграждение должностным лицам, чаще других давали утвердительный ответ предприниматели. Из их числа практически половина (49,5%) утверждает, что приходилось давать взятки чиновникам, причем 7,4% из них говорят, что делать это приходится при каждом обращении к должностным лицам. Гораздо реже дают взятки чиновникам (по признанию опрашиваемых) специалисты производственной сферы – 23,7%, специалисты непроизводственной сферы – 29,5%, рабочие – 23,5%, крестьяне – 14,7%. Очень редко делают подношения должностным лицам неработающие пенсионеры – всего 1,6%. Но они же и наиболее решительно настроены против взяточников.

Таковы общие контуры отражения в общественном мнении различных социальных и территориально-региональных групп населения коррупционной ситуации в Беларуси и мерах, принимаемых властными структурами и правоохранительными органами, по борьбе с коррупционными преступлениями. Эти контуры не остаются неизменными, большинство наших

Таблица 2.
Совокупность мер, которые, по мнению респондентов, необходимо принять для повышения эффективности антикоррупционной деятельности, %

	Нет ответа	Усилить координацию действий правоохранительных органов, общественных объединений, направленных на борьбу с коррупцией	Ужесточить ответственность за коррупционные правонарушения	Усилить ответственность должностных лиц за допущенные недостатки в пресечении коррупции	Шире освещать в средствах массовой информации проблемы коррупции и взяточничества и борьбы с ними
Нет ответа	8,8	20,4	37,7	37,2	40,6
Руководитель высшего звена	7,6	27,3	49,4	26	37
Руководитель среднего звена	3,1	27	42,7	53,6	38
Руководитель низшего звена	5,8	30,1	40,7	35,3	42,4
Предприниматель, фермер	1,6	29,4	34,6	39,9	39,7
Спец. произв. сферы	2,4	30,3	48,5	35,6	37,8
Спец. непроизв. сферы	3	39,3	46,9	41,8	40,9
Рабочий	2,7	36,3	60,8	43,3	34,3
Крестьянин	3,8	37,3	60,6	43,3	34,9
Сотрудник правоохр. органов		55,2	55	53,3	21,2
Безработный	30	56,7	38,3	36,9	9,2
Домохозяйка	33,9	55,2	50,8	34,2	6,8
Учащийся, студент	4	33	51,6	40,9	29,2
Работающий пенсионер	3,7	31,1	50,4	35,3	44,3
Неработающий пенсионер	10,2	28,5	50	38,1	29,9
Итого	4,3	33,2	52,5	40,5	35,2

сограждан считают, что уровень коррупционной преступности в стране снижается, а меры по ее пресечению становятся более эффективными.

Проведенные социологические исследования показали, что на высказывания респондентов и их оценку случаев коррупции, особенно взяточничества, оказывает влияние то

обстоятельство, что коррупционные правонарушения носят латентный, скрытый характер: ведь не признаются в участии в таких правонарушениях не только те, кто берет взятки, но и те, кто делает крупные или мелкие подношения должностным лицам. Общение с различными группами населения убеждает: изучение коррупции затрудняется тем, что при общей негативной ее оценке населением в частных, конкретных обстоятельствах прибегнуть к помощи взяток в решении своих проблем готовы многие люди. Особенно это касается бытовой коррупции.

НА ВЫСКАЗЫВАНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ И ИХ ОЦЕНКУ СЛУЧАЕВ КОРРУПЦИИ, ОСОБЕННО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА, ОКАЗЫВАЕТ ВЛИЯНИЕ ТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ЧТО КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ НОСЯТ ЛАТЕНТНЫЙ, СКРЫТЫЙ ХАРАКТЕР

Обобщая приведенный эмпирический материал, можно сформулировать несколько рекомендаций по усилению действий, направленных на борьбу с коррупцией.

1. Для сужения сферы коррупционной деятельности и повышения эффективности противодействия ей необходимо улучшить координацию действии правоохранительных органов, общественных организаций, исследовательских учреждений и средств массовой информации в борьбе с коррупцией.
2. Важным фактором, сужающим возможности и каналы вовлечения людей в коррупционные взаимодействия, должно стать придание гласности фактам коррупции с раскрытием их экономического, морального, психологического, политического ущерба, наносимого обществу, государству, благосостоянию граждан.
3. Необходимо разработать и последовательно осуществлять на практике меры повышения эффективности правоохранительной и правоприменительной деятельности, направленной на снижение уровня коррумпированности, включая ужесточение правовых норм, борьбы с коррупционной преступностью, существенно сузить возможный круг людей, склонных вступать в коррупционные взаимодействия.
4. В процессе реализации Госпрограммы по преодолению коррупции пристальное внимание должно быть обращено на создание условий для повышения правовой культуры населения, в первую очередь подростков и молодежи, включая широкую пропаганду правовых знаний, совершенствование правового образования учащихся и студентов, выработку у них практических навыков реализации своих прав и отстаивание законных интересов в различных организациях и учреждениях.

5. В средствах массовой информации, в идейно-воспитательной работе в учебных заведениях, трудовых коллективах, по месту жительства граждан, в деятельности общественных организаций следует аргументированно доказывать необходимость переориентации общественного мнения от снисходительного отношения к коррупции к антикоррупционной направленности сознания и повседневного поведения наших сограждан.

В заключение подчеркнем еще раз первоочередную важность повышения правовой культуры населения, особенно в ее деятельностно-практическом аспекте. Если граждане, используя знание законов и навыки их практического применения в различных жизненных обстоятельствах, научатся решать возникающие перед ними проблемы, не прибегая к использованию взятки, то это резко сузит масштабы существующих рынков коррупционных услуг и превратится в важное антикоррупционное средство, которое государство и его правоохранительные органы смогут активно и целенаправленно использовать в противодействии коррупции.

Список использованных источников

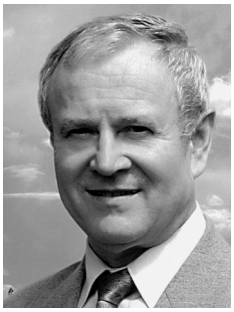
1 Коррупционные преступления в Беларуси все чаще совершаются группами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.21.by/society/2010/02/09/53063.html.

Дата паступлення ў рэдакцыю 15.03.2011.

УДК 340

А. Ф. Вишневский
В. А. Кучинский

ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ДОПУСТИМО ЛИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ?



Вішнеўскі Аляксей Фёдаравіч *– прафесар права, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь. Аўтар больш 165 навуковых прац, у тым ліку 8 манаграфій і 15 вучэбных выданняў.*

Кучынскі Уладзімір Аляксандравіч *– кандыдат юрыдычных навук, прафесар права, працуе на кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь. Аўтар больш чым 150 навуковых прац, у тым ліку 10 манаграфій і вучэбных выданняў па пытаннях канстытуцыйнага права і агульнай тэорыі дзяржавы і права.*

Фундаментальным, исходным вопросом юриспруденции является вопрос о понятии права. В зависимости от его решения трактуются и определяются все другие правовые категории, их понятия и значимость в механизме правового регулирования. Это касается, в частности, правовых отношений, правоприменительной деятельности, юридической ответственности и в особенности содержания законности и правопорядка. Однако в течение тысячелетий своего развития правовая наука так и не выработала словесного определения права, которое бы получило всеобщее признание. Тем не менее обилие такого рода определений, наиболее широко распространенных в современной правовой литературе, приемлемо укладывается в рамки четырех известных основных типов понимания права.

1. Юридический нормативизм (позитивизм), трактующий право как системную совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных государством.
2. Социологическая юриспруденция (социологический позитивизм), характеризующая право как реальные общественные отношения, складывающиеся не только на основе правовых норм, но и решений правоприменительных органов и даже по воле договаривающихся субъектов права.
3. Теория естественного права (нравственная школа права), согласно которой важнейшим, определяющим содержанием права считается не совокупность установленных государством

правил поведения, а его духовное, идейное, нравственное начало. Право выводится из высшего разума, а за человеком признаются врожденные и неотъемлемые права и свободы, существующие независимо от государства и предшествующие ему. Правовые же нормы лишь отражают, воплощают в себе эти идеи, причем либо истинно, либо искаженно, а иногда и просто ошибочно.

4. Либертарно-юридическая (философская) теория права сводится к трактовке его как юридически определяемой свободы: право устанавливает сферы и меры свободы человека, поскольку она не безгранична, а означает осознанное и разумное в социальном смысле поведение[1].

Приведенные концептуальные подходы к трактовке права основаны на определенных критериях, относящихся к каждому из них соответственно: 1) на нормах поведения, установленных компетентными государственными органами; 2) на реальных отношениях, приобретающих юридическую значимость; 3) на неотъемлемых правах и свободах человека, выводимых из разума или природы; 4) на философски трактуемой свободе (свободен лишь тот, кто не посягает на свободу других). Исходя из этих критериев, современные исследователи обратили внимание на то, что юридический и социологический позитивизм придает праву вполне реальное содержание (либо только нормы, либо нормы и отношения, влекущие юридические последствия), т. е. рассматривает право таким, каким оно существует и реализуется в действительности. Последние же две концепции носят отвлеченный, сугубо теоретический, философский характер, «исходя из того, каким право должно быть»[2].

Несмотря на столь существенные различия между названными правовыми концепциями, во второй половине XX столетия стало проявляться стремление к объединению в одном определении права присущих этим концепциям различных принципов и критериев. Даже такой последовательный сторонник нормативной трактовки права, как М. И. Байтин[3], призвал к «сближению… позиций и взаимопониманию в целях хотя бы приближения к выработке единого понятия права»[4]. Примером такого «приближения» может служить определение права, предложенное Г. В. Мальцевым: «Право как нормативно-регулятивная система есть совокупность норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемый средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения»[5].

[1] *Лейст О. Э. Три концепции права; Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? Вишневский А. Ф. Общая теория государства и права…*

[2] *Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? С. 13.*

[3] *Байтин М. И. О современном нормативном понимании права. С. 98–107.*

[4] *Байтин М. И. Сущность права. С. 5.*

[5] *Мальцев Г. В. Понимание права… С. 7.*

Такой подход к пониманию права сейчас принято называть интегративным, по сути, производным, поскольку он допускает сочетание в различных соотношениях разнородных принципов, лежащих в основе четырех названных выше подходов к трактовке права. При таком подходе в одном понятии объединяются различные элементы механизма правового регулирования, исполняющие в нем самостоятельные роли – от собственно регулятивных до исполнительных, и даже идеологических. Ведь при интегративном подходе в определение права включаются и нормативные акты, и акты применения правовых норм, и правовые отношения, и даже правосознание, т. е. представления о том, *какими должны быть правовые нормы, как они должны реализовываться.* Следовательно, при всей соблазнительности интегративной трактовки права она весьма уязвима с научной и, прежде всего, логической точки зрения. И, что, пожалуй, самое главное, она едва ли осуществима на практике, поскольку правореализующие субъекты ставятся в весьма трудное положение: чем же на самом деле руководствоваться – четко сформулированной правовой нормой или же субъективным представлением о ней, идеей, не получившей, по их мнению, должного нормативного выражения?

При этих обстоятельствах, т. е. при безуспешности попыток выработать единое подлинно научное понятие права и сохранении плюрализма его определений, среди большинства правоведов на постсоветском пространстве сохраняется взаимное непонимание, а порой и нетерпимость в ходе поиска единого, универсального понятия права, фактически исключающего, делающего абсолютно ненужным все другие типы его определений. К сожалению, взаимная критика традиционных, упомянутых выше мнений на сей счет становится иногда не только неубедительной, но и неоправданно резкой. Так, встречаются утверждения о том, что юридический позитивизм «характерен для тоталитаристских, диктаторских, этатистских подходов к праву»[6], представляет собой «нормативное выражение авторитаризма»[7].

Как ни странно, наиболее непримиримыми со своими оппонентами являются сторонники естественно-нравственных, идеологических, философских трактовок права. Особенно жесткую форму противопоставление позитивного права естественно-нравственной его трактовке приобрело в статье Л. В. Петровой «О естественном и позитивном праве». Касаясь, в частности, юридического образования, она утверждает, что «только антипозитивистски воспитывая и обучая, можно

[6] *Юридическая энциклопедия. С. 785.*

[7] *Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. С. 34.*

надеяться, что будущие юристы не смогут стать социально опасными для общества»[8].

[8] *Петрова Л. В. О естественном и позитивном праве… С. 33.*

Мягко реагируя на такого рода высказывания, известный сторонник нормативного понимания права М. И. Байтин пишет: «Трудно согласиться и с неоправданным противопоставлением естественного и позитивного права, что само по себе не соответствует, на наш взгляд, сути естественно-правовой теории, хотя на это противопоставление постоянно ссылаются сторонники “различия права и закона”. В самом деле, естественно-правовая теория никогда не проявляла отрицательного отношения к позитивному праву, а боролась лишь с такими его конкретными проявлениями, которые противоречили естественно-нравственным требованиям неотчуждаемости прирожденных прав и свобод человека. Что же касается оценки естественного права со стороны нормативистов, то ими всегда отмечалось, что составляющие его нравственные идеалы, принципы и требования сами по себе еще не являются правом в юридическом смысле, а представляют собой ближайшую и необходимую идейную предпосылку и основу собственно юридического права»[9]. И действительно, обосновывая приоритет прирожденных прав человека, естественно-правовая теория всегда выступала и выступает за создание и развитие в конкретных государствах такого позитивного права, которое основывалось бы на этом фундаменте. В этом заключается ее прогрессивное историческое значение.

[9] *Байтин М. И. О современном нормативном понимании права. С. 106.*

Следует отметить, что категорическое противопоставление естественного права позитивному присуще не всем последовательным сторонникам первого. В частности, Р. З. Лившицем высказана весьма конструктивная идея о возможном сближении естественного и позитивного права на общей для них конституционной базе. Ведь именно в современных конституциях, относящихся к позитивному праву, содержатся нормы, признающие приоритет естественных прав и свобод человека[10].

[10] *Лившиц Р. З. О противоречивой двуединой природе права. С. 288.*

Тем не менее приведенные попытки сблизить естественно-правовые и позитивные представления о праве, предпринимаемые в постсоветской юридической литературе, носят спорадический, исключительный характер. Противостояние сторонников нравственных и философских правовых концепций правопонимания, с одной стороны, и позитивистов нормативистского и социологического направлений, с другой, не ослабевает и даже усиливается в преподавании общей теории права в юридических учебных заведениях. В результате

у выпускников этих вузов складываются весьма противоречивые представления о праве и особенно о его соотношении с законодательством.

Иная ситуация складывается в западной юриспруденции. В последние десятилетия, как отмечает профессор О. В. Мартышин, там наблюдается заметное сближение различных направлений правовой мысли, в первую очередь позитивистского и естественно-правового. В качестве подтверждения такого рода тенденции им приводятся весьма убедительные высказывания известных западноевропейских правоведов. Так, отмечается, что Р. Шайнер в книге «Норма и природа» доказывает, что юридический позитивизм, по мере того как он становится более утонченным и реагирует на критику, неизбежно движется к позициям, близким к теории естественного права, а теория естественного права, в свою очередь, развивается в направлении юридического позитивизма[11]. При этом западная юриспруденция избегает однозначного или единого, универсального определения права, признавая существенную значимость оценок различных его сторон. Поскольку доминируют позитивистские (в нормативистском и социологическом вариантах) и естественно-правовая концепции, достаточно определенно подчеркивается не их несовместимость, а их взаимодополняемость. Более того, высказываются суждения о парном характере понятий «позитивное право» и «право естественное». Так, профессор Университета в Сиене (Италия) Л. Джианформаджио полагает, что они неразрывны, недостаточны и немыслимы друг без друга, «ибо естественное право справедливо, но не реализуемо само по себе, а позитивное право реализуется, но вовсе не обязательно является справедливым. Лишь в единстве они совершенны, а все назначение естественного права состоит в том, чтобы сделать действующие нормы (позитивного права – *А. В., В. К.*) лучше»[12].

[11] *Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? С. 14.*

[12] *Там же. С. 14–15.*

Такая позиция, доминирующая в западной юриспруденции, но находящаяся лишь в зачаточном состоянии в правовой науке постсоветских государств, представляется очень важным шагом не только на пути к достижению объективной истины, но и к признанию ее практической значимости. Ведь есть веские основания полагать, что, двигаясь именно по этому пути, можно будет преодолеть бесплодные попытки противопоставить право и действующее законодательство. Противопоставление законодательства праву, допустимое, по мнению некоторых теоретиков права, всегда ставит в двойственное положение практикующих юристов, нередко вызывает у них

недоумение при оценке юридической значимости тех или иных нормативных актов с точки зрения их соответствия идеальному праву. Поскольку противопоставление права и законодательства не прекращается ни в научной литературе, ни в преподавательской деятельности, попробуем внимательнее разобраться в его основаниях.

Прежде всего, нельзя не признать, что противоположные подходы к вопросу о соотношении права и законодательства гносеологически обусловлены метафизическим рассмотрением существенных различий между нормативной концепцией права и другими его трактовками (естественно-правовой, философской (либертарно-юридической) и социологической). И понять это можно, если исходить из того, что нормативные акты имеют отношение к праву лишь в том случае, когда они выражают и обеспечивают в должной мере естественные права и свободы человека (естественно-правовой подход) или когда они справедливы и обеспечивают свободу индивида (философский подход). Но выше уже отмечалось, что при таких подходах противопоставляется идейное и реальное в праве, должное и сущее как необходимые его стороны.

Что же касается социологической трактовки права, то она признает нормативную значимость не только за законодательством, но и за правоприменительными актами, правоотношениями, правосознанием. При этом законодательство трактуется как застывшее, «мертвое» право. Но столь широкая трактовка нормативности права может иметь практическое значение только в случае ее конкретного признания в законодательстве (подобно тому, как признается аналогия в праве, нормативность договоров).

В ПЕРИОДЫ СТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА БОЛЕЕ ПРОЧНОЙ ОКАЗЫВАЕТСЯ ПОЗИЦИЯ НОРМАТИВИСТОВ. В ПЕРИОДЫ ЖЕ УСИЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ ПРЕВАЛИРУЮТ АРГУМЕНТЫ СТОРОННИКОВ НЕСООТВЕТСТВИЯ ПРАВА И ЗАКОНА

Тем не менее, в отличие от нормативизма, который исходит из тождества права и законодательства, все иные правовые концепции так или иначе проводят различия между ними. Характерно, что в периоды стабилизации общественных отношений, укрепления законности и правопорядка более прочной оказывается позиция нормативистов. В периоды же усиления социальной напряженности, возникновения авторитарных или тоталитарных режимов, когда действующие законы воспринимаются значительной частью населения как несправедливые, превалируют аргументы сторонников несоответствия права и закона. В связи с этим представления о принципиальных различиях между правом

и законодательством нередко связываются с революционными или иными серьезными социальными преобразованиями, но при этом сами по себе они никогда не отличались строгой юридической обоснованностью.

Рассматривая проблему соотношения права и законодательства, нельзя не учитывать того, что она неразрывно связана с вопросом соотношения права и государства. И здесь противостоят друг другу два различных подхода к этому вопросу. Один из них заключается в том, что государство и право возникают одновременно, не могут существовать друг без друга (в философском смысле это парная категория), что санкционируемые государством обычаи, принимаемые им законы, соответствующие им иные (подзаконные) нормативные правовое акты и являются правом[13]. Другой подход заключается в том, что право и законодательство (юридическое право) имеют разные источники формирования, что право как всеобщая справедливость предшествует государству, а с его возникновением определяет его волю и содержание законодательства[14].

[13] *Вишневский А. Ф. Общая теория государства и права… С. 166–170.*

[14] *Дробязко С. Г. Общая теория права… С. 149–154.*

Таким образом, согласно второму подходу к вопросу о соотношении государства и права государство не только не рассматривается в качестве источника права (его источником является гуманистическая идея всеобщей справедливости), а, наоборот, представляется обусловленным правом, производным от него политическим явлением. Допускается, правда, что государство выступает творцом законов, других нормативных юридических актов («юридического права»), но не истинного права. А это означает, что законодательные акты могут соответствовать праву, т. е. быть правовыми, но могут и противоречить ему, т. е. признаваться неправовыми. Но если подходить к рассмотрению такой позиции строго юридически, то возникает, по меньшей мере, два существенных вопроса: во-первых, кто может, должен или способен признавать те или иные акты законодательства справедливыми или несправедливыми (т. е. правовыми или неправовыми), и, во-вторых, как поступать с теми актами, которые будут каким-то образом считаться несправедливыми до официальной утраты ими юридической силы – исполнять их или не исполнять?

Удовлетворительные ответы на эти и некоторые другие, связанные с ними вопросы до настоящего времени найти не удается. Предпринимаемые на сей счет попытки относятся к нравственной, социологической, политической сферам, но никак не к юридической. Например, один из наиболее последовательных сторонников различия права и законодательства

Р. З. Лившиц пишет: «Критериев правового или неправового характера закона много: учет в нем интересов людей; применимость, реализуемость закона; отношение к нему общественного мнения; уровень общей и правовой культуры общества; научная оценка закона и др.»[15]. Но тут же добавляет: «В обществе с разноречивыми интересами однозначная характеристика закона как правового или неправового невозможна»[16]. Кроме того, автор приведенных строк признает, что «для одних групп людей тот или иной закон олицетворяет равенство и справедливость, он правовой, а для других групп – нет. Поэтому общего однозначного критерия отличия правового закона от неправового не существует»[17]. Казалось бы, все ясно, но вслед за этим делается более чем странный с научной точки зрения вывод: «В этом, возможно, слабость исходной позиции, а возможно, ее истинность, ее адекватность современному противоречивому обществу»[18]. Возможно, Р. З. Лившиц полагает, что концепция разграничения права и законодательства станет безупречной после того, как в обществе исчезнут внутренние противоречия. Но, что это за общество, и возможно ли такое общество без противоречий? Р. З. Лившиц все-таки отыскивает критерий, который позволяет, с его точки зрения, отграничить правовой закон от неправового: «Если закон отвечает интересам большинства людей в обществе, то он правовой для общества в целом на данном этапе его развития»[19]. Но как можно с этим согласиться? Получается, что если на референдуме 51 % голосующих высказывается в пользу какого-то закона, а 49 % – против, то этот закон правовой, справедливый. Но ведь половина граждан думает иначе. Кроме того, может ли такой закон быть правовым, если он к тому же явно противоречит фундаментальным, правовым идеям современности (требованиям разделения властей, презумпции невиновности, недопустимости обратной силы закона, устанавливающего юридическую ответственность, необходимости отмены смертной казни и т. п.)?

Следовательно, едва ли с предложенным подходом к определению правового характера закона можно согласиться, даже если учесть оговорку, что такой закон может быть признан правовым «на данном этапе» развития общества. Более того, выдвижение в качестве единственного критерия признания закона правовым мнения (воли) большинства населения страны вопреки мнению меньшинства (нередко значительного) служит, скорее, подтверждением недопустимости разграничения закона и права, а не возможности такого разграничения.

[15] *Лившиц Р. З. Теория права… С. 72.*

[16] *Там же.*

[17] *Там же. С. 71.*

[18] *Там же.*

[19] *Там же.*

Нередко в качестве аргумента против признания недопустимости противопоставления права и законодательства выдвигается предположение о том, что сторонники их единства (нормативисты) настаивают тем самым на верности, справедливости любого законодательного акта независимо от его содержания. Но такое предположение просто не соответствует действительности. Во-первых, современные нормативисты отнюдь не считают, что все нормативные правовые акты, составляющие право, обеспечивают всеобщую справедливость. Ведь правовые нормы, желает того законодатель или нет, уравнивают всех субъектов права, на которых они распространяются, в правах и обязанностях. Но субъекты эти чрезвычайно разнообразны по своему социальному положению, по своим политическим, нравственным, религиозным убеждениям, наконец, по культурному уровню и личным пристрастиям. Следовательно, уже по сути своей законодательство не может быть в желаемой степени одинаково справедливым для всех. Еще В. И. Ленин отмечал: «Всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому “равное право” есть нарушение равенства и несправедливость»[20].

[20] *Ленин В. И. Государство и революция. С. 93.*

Во-вторых, современные нормативисты, в отличие от позитивистов XIX века отнюдь не исключают существенных недостатков в определенных действующих нормативных актах (противоречивость, «пробельность», даже социальную несправедливость). Наиболее конкретно и обоснованно это проявляется в решениях Конституционного Суда Республики Беларусь и в его ежегодных посланиях Президенту, Палате представителей Национального собрания, Совету Республики Национального собрания о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь.

Однако, не отрицая необходимости отражения (закрепления) в законодательстве социальной справедливости, сторонники нормативистской трактовки права отчетливо осознают относительность возможности решения этой задачи, ибо социальная справедливость в государственно-организованном обществе никогда не может быть абсолютной и одинаково воспринимаемой всеми. Да, законы бывают несправедливыми в отношении определенных социальных групп, слоев населения, могут быть и ошибочными, т. е. плохими. Но и право в какой-то своей части может быть плохим, во всяком случае, с точки зрения некоторой части населения, его групп, слоев. Идеальное (в равной степени справедливое для всех) право

существует лишь в сознании отдельных лиц, причем у разных – разное. Тем не менее по мере развития общественного производства, повышения благосостояния населения, обеспечения социального равенства, все большего гарантирования прав и свобод человека закрепляемая в законодательстве социальная справедливость будет, видимо, все более приближаться к желаемому идеалу.

Нет сомнений в том, что сторонники разграничения права и закона как в периоды тоталитаризма, так и сегодня руководствовались и продолжают руководствоваться замечательными устремлениями отстоять гуманное и демократическое право, добиться всеобщего равенства и социальной справедливости, способствовать укреплению законности и правопорядка. Они, видимо, полагают, что их методом будут пользоваться только добропорядочные и высококвалифицированные поборники справедливости и стабильного правопорядка. Однако в жизни все происходит чаще наоборот: игнорировать и даже видоизменять законы под предлогом несоответствия их «истинному праву» склонны более всего те, кому по душе не гуманизм и демократия, законность и справедливость, а авторитарная, выходящая за пределы правопорядка власть. Подобными примерами чрезвычайно богата история XX века.

ИДЕАЛЬНОЕ (В РАВНОЙ СТЕПЕНИ СПРАВЕДЛИВОЕ ДЛЯ ВСЕХ) ПРАВО СУЩЕСТВУЕТ ЛИШЬ В СОЗНАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ, ПРИЧЕМ У РАЗНЫХ – РАЗНОЕ

По сути, игнорируя такого рода политические реалии, сторонники естественно-правовых и либертарно-юридических представлений о праве пытаются обосновать его превосходство над законодательством, и даже возможность существования правовых норм независимо от государства. «Право по своей сущности и, следовательно, по своему понятию, – полагает В. С. Нерсесянц, – это исторически определенная и объективно обусловленная форма свободы, форма бытия свободы, формальная свобода». В отличие от права, закон – это «официальная форма общеобязательного нормативного признания или непризнания объективно сложившихся мер этой свободы и равенства». Посредством закона происходит лишь формирование «в виде норм законодательства уже сложившихся или явно складывающихся форм и норм права (мер свободы)». При этом «право… в его соотношении с законом… выступает как источник, олицетворение и критерий справедливости»[21].

Из таких представлений о праве трудно понять, в каком самостоятельном значении право выступает, реально существует. Способно ли оно само по себе выполнять регулятивную роль?

[21] *Нерсесянц В. С. Право и закон. С. 342–343.*

Любопытно, что Г. Гегель, на философские представления которого опирается В. С. Нерсесянц, на сей счет высказывался более определенно: « … право, лишь становясь законом, обретает не только *форму* своей всеобщности, но и свою истинную определенность»[22]. И далее: « … обязательно как *право* лишь то, что есть *закон*»[23].

Исходя из этого, Г. Гегель утверждал: «Представлять себе различие между естественным или философским правом и позитивным правом таким образом, будто они противоположны и противоречат друг другу, было бы совершенно неверным»[24]. Небезынтересно, что и К. Маркс, связывая свободу с правом, видел ее социальное выражение в законодательстве: «Законы – это положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. Свод законов есть библия свободы народа»[25].

Тем не менее некоторые современные правоведы, недостаточно корректно толкуя соотношение понятий естественного и позитивного (объективного) права как должного и сущего, пытаются обосновать свои субъективные суждения о «хорошем естественном праве» и не соответствующих ему «плохих законах»[26]. «Такой взгляд, – обоснованно полагает профессор М. И. Байтин, – создает весьма расплывчатое представление о праве, ибо отождествляемые с ним высокие, но абстрактные идеалы при всей их значимости сами по себе не могут заменить властного нормативного регулятора отношений между людьми, служить критерием правомерного и неправомерного поведения»[27].

Ошибочность разграничения права и закона заключается в самих основаниях такого разграничения, на что особое внимание обратил академик В. Н. Кудрявцев: «Неверно выхолащивать социальное содержание из понятия закона, превращать его в пустую формальность и насыщать этим содержанием только понятие права. Еще более неправильно представлять это содержание односторонне – только позитивным, всегда гуманным, справедливым и демократическим. В действительности содержание любой правовой системы обусловлено историческими закономерностями и не является однозначным. Думается, нигде нет только “хорошего права” (и только “плохих законов”). В каждой правовой системе есть то и другое, иначе мы отходим от принципа историзма и конструируем чисто искусственные умозрительные эталоны, не соответствующие действительной жизни»[28]. К тому же право не может

[22] *Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 247.*

[23] *Там же. С. 250.*

[24] *Там же. С. 62.*

[25] *Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага… С. 63.*

[26] *Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. С. 7.*

[27] *Байтин М. И. О современном нормативном понимании права. С. 105.*

[28] *Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности. С. 6.*

сводиться к абстрактным идеологическим категориям, быть чем-то аморфным, «не может существовать помимо своего институционного, “знакового” выражения в определенных юридических источниках, принимаемых представительным (законодательным) органом на основании конституционно закрепленной демократической процедуры…»[29].

[29] *Байтин М.И. Сущность права. С. 105.*

При этом, естественно, нельзя не признать, что полное право на существование имеют и идеальные модели правовых систем, могут и должны разрабатываться научные принципы и постулаты права, всемерно пропагандироваться прогрессивные и подвергаться критике консервативные правовые концепции, законопроекты и действующие нормативные правовые акты. «Но профессиональному юристу… должна быть присуща четкая и определенная позиция: никакое пожелание, убеждение или мнение не могут рассматриваться как правовая норма, коль скоро они не выражены в юридическом акте, принятом надлежащим образом»[30].

[30] *Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности. С. 6.*

В связи с рассмотренной выше бесперспективностью противопоставления идеологически трактуемого права и его юридического (нормативного) выражения, с одной стороны, и невозможностью выработки интегративного (компромиссного) определения его понятия, с другой, стали превалировать попытки теоретически более жестко связать право со справедливостью в различных ее трактовках – социальной, нравственной, политической. Одновременно стало все шире допускаться разграничение законов на правовые и неправовые (несправедливые). Несправедливые законы, хоть они и относятся к действующему праву, характеризуются как неправовые и могут, по-видимому, не исполняться. И действительно, известный немецкий правовед В. Радбрух утверждает: «Если законы сознательно отрицают волю к справедливости, например, произвольно отказывают в гарантии прав человека, то такие законы не имеют действия, народ не обязан послушаться им, и юристам тоже надо найти мужество отрицать их правовой характер»[31].

[31] *Radbruch W. Rechts philosophie. P. 336.*

Гораздо мягче высказывается на сей счет белорусский правовед С.Г. Дробязко: « … истинной сущностью права как регулятора верховенствующего, общесоциального, интегративного является общесоциальная (общечеловеческая) справедливость (баланс интересов всех социальных групп, личности и общества)…». И далее: «Законодателю, правотворцу да и каждому человеку объективно необходимо видеть в праве… регулятор в высшей степени справедливый, интегрирующий

в себе достоинства всех социальных регуляторов, особенно нравственности, а потому официально признанный верховенствующим, охраняемым государством. Сущность права как политическая справедливость является основой совершенствования правового законодательства»[32].

[32] *Дробязко С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства... С. 17–18.*

Высочайшая нравственность приведенных высказываний несомненна. Но беда заключается в том, что по-прежнему остаются без ответа вопросы о том, кто именно может (вправе) определять правомерность или неправомерность законов (даже в тех случаях, когда по этому поводу имеются заключения Конституционного Суда), как поступать с законами, которые, по мнению какой-то части населения, рассматриваются как неправовые? Если каждому желающему предоставить возможность такого разграничения, то в стране может возникнуть обстановка хаоса и произвола, и еще хуже – правового беспредела. Ведь, если перефразировать Л. Н. Толстого, сколько умов, столько и представлений. С рассмотренных выше позиций допустимость признания того или иного закона неправовым представляла бы собой моральное основание для различных субъектов права не исполнять «неправовой закон».

Весьма образно по поводу стремлений придать праву значимость всеобщей нравственной или политической справедливости, а законам признаков правовых и неправовых высказался А. Я. Берченко: «Для райских кущей, вероятно, это подходит, а к условиям нашей сложной действительности, к сожалению, – нет, ибо зачастую Российское государство (и не только российское – *А. В., В. К.*), как и прежде, под давлением обстоятельств вынуждено идти на непопулярные акции, затрагивающие интересы миллионов своих граждан и даже принимать «силовые меры», не соответствующие полностью принципу справедливости и другим атрибутам естественного права»[33].

[33] *Берченко А. Я. Еще раз о проблеме права и закона. С. 77.*

Характерно, что предлагаемое различие между правом, признаваемым абсолютно справедливым, и законами, которые могут быть правовыми и неправовыми (несправедливыми), приводит сторонников такого различия к теоретическим выводам, существенно отличающимся от сложившихся в правовой науке и имеющим существенное практическое значение, в частности, об обусловленности отраслей законодательства отраслями права[34]. Так, С. Г. Дробязко настаивает на принципиальных различиях между системой права, состоящей из его отраслей, охватывающих правовые нормы, регулирующие определенные роды общественных отношений, и структурными

[34] *Лившиц Р. З. Отрасль права – отрасль законодательства. С. 26–32.*

частями законодательства, состоящими из правил поведения, регулирующих разнородные общественные отношения. Поэтому, по его мнению, количество кодексов, никак не связанных якобы с отраслями права, может быть бесчисленное множество[35].

[35] *Дробязко С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства… С. 19–20.*

Рассмотренные даже в самых общих чертах представления о праве как о политической, социальной или нравственной справедливости, а о законодательстве как совокупности правовых и неправовых законов едва ли по сути своей отличаются от прямого противопоставления права и закона, присущего естественно-правовой концепции. В лучшем случае это попытка как-то закамуфлировать, скрыть такое противопоставление. На самом же деле как теоретически, так и практически разделять, а тем более противопоставлять понятие права и понятие законодательства, как мы уже отмечали, недопустимо. Заметим, что отечественная юридическая наука до настоящего времени, как правило, не разграничивает право и законодательство. Об этом свидетельствует весь ее понятийный аппарат, в том числе такие юридические категории, как система права, правоприменение, толкование права (правовых норм), правоотношения, правонарушения, правовая (юридическая) ответственность и т. д. При рассмотрении всех этих юридических категорий речь идет о праве как о законодательстве. Можно ли себе представить, к чему привели бы попытки заменить в приведенных терминах словосочетания «право» на «закон»? Так стоит ли изменять всю сложившуюся веками юридическую терминологию только для того, чтобы подтвердить идеологическое (но не реалистическое) обоснование принципиальных различий между правом и законом?

И дело, конечно, не только в том, что противопоставление права и закона, правовых и неправовых законов не оправдано ни исторически, ни лингвистически. Ведь любая попытка практической реализации постулата о правовых и неправовых законах опасна разрушением всего правового пространства, снижением уровня правосознания не только населения, но и работников государственных органов, усилением правового нигилизма: «Возможность подобной классификации ослабляет творческую роль права, политический авторитет государства, вносит элементы путаницы в юридическую науку»[36].

[36] *Берченко А. Я. Еще раз о проблеме права и закона. С. 81.*

Полагаем, что в решении проблемы соотношения права и закона немаловажное, даже решающее практическое значение должна иметь трактовка права в действующем законодательстве. В настоящее время она изложена в ст. 1 Закона

«О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О нормативных правовых актах Республики Беларусь”»: «Право – система общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений»[37]. Понятно, что все субъекты права в стране и в первую очередь работники юрисдикционных органов в своей практической деятельности должны исходить именно из такой, нормативной трактовки права, опирающейся на подлинно демократические принципы, в том числе на принцип социальной справедливости[38]. Не исключено, что в приведенное нормативное определение права могут быть внесены некоторые уточнения, скажем, предусматривающие принятие норм права путем всенародного голосования, включение в национальное право норм ратифицированных международных договоров и т. п. Но такие уточнения ни в коем случае не должны подменять нормативную значимость права положениями об абстрактной нравственной, общесоциальной или политической справедливости, которые неизбежно приведут к допущению произвольной трактовки тех или иных нормативных правовых актов как «правовых» или «неправовых» со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе разрушающими правопорядок и стабильность в обществе.

[37] *О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь...*

[38] *Вишневский А. Ф. Общая теория государства и права... С. 177–183.*

ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО – ЭТО ДВЕ СТОРОНЫ, ДВЕ НЕОБХОДИМЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-РЕГУЛЯТИВНОГО, НОРМАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Стремясь обосновать недопустимость противопоставления права и законодательства, мы ни в коем случае не пытаемся доказать однозначность этих юридических категорий. Но если составляющие естественное право нравственные и философские идеалы, принципы, требования сами по себе не являются правом, а социологические (прагматические) его трактовки придают значение права ненормативным юридическим явлениям вопреки так называемому «мертвому праву», т. е. противопоставляют идеологически трактуемое право законодательству, то мы попытаемся показать, что право и законодательство – это две стороны, две необходимые составляющие государственно-регулятивного, нормативного воздействия на общественные отношения.

Как и всякое объективно существующее социальное явление, государственное регулирование общественных отношений обладает своей сущностью и ее внешним выражением (явлением). В этой связи можно говорить и о наличии в нем специфического содержания и особой формы выражения. Использование названных философских категорий при

рассмотрении поставленного вопроса обусловлено не только их научной значимостью, но и тем обстоятельством, что сторонники противопоставления права и законодательства, используя в этих целях социологическую и философскую терминологию, абсолютно игнорируют названные действительно научные парные понятия.

Сущность и явление – философские категории, отражающие соотношения важнейших и необходимых сторон всех объективно происходящих процессов в мире. Содержание – совокупность глубинных связей объективно действующих законов (закономерностей), определяющих внешние черты и тенденции развития материальных и социальных систем. Явление – конкретные проявления, очевидные процессы, выражающие внешние стороны той или иной сущности, с исследования которых начинается движение к ее познанию. Категории сущности и явления, к какому бы процессу они ни относились, всегда неразрывно связаны между собой. В мире нет такой сущности, которая не обнаруживалась бы вовне и была непознаваемой, как нет и явления, которое не содержало бы в себе никакой информации об определенной сущности. Но единство сущности и явления не означает их совпадения, так как сущность всегда скрыта за поверхностью явления, и чем глубже она находится, тем более трудным и длительным оказывается ее познание: « … если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня…»[39].

[39] *Маркс К. Капитал… С. 384.*

Приведенные суждения о соотношении категорий сущности и явления в полной мере относятся к уяснению соотношения права и законодательства. Тысячелетиями философы и правоведы ищут сущность государственного регулирования общественных отношений, осуществляемого посредством различных форм юридического воздействия. Эти поиски на самом деле сводятся к попытке обнаружить идеальные истоки законодательства, которые никогда не соответствовали его фактическому содержанию. Так, в частности, и в наши дни в качестве обоснования суждений о том, что сущностью права является всеобщая справедливость (нравственная, политическая и др.) приводятся иногда высказывания древнегреческих философов (Сократа, Платона, Аристотеля) и древнеримских юристов (Цицерона, Папиниана, Ульпиана, Павла, Модестина, Гая) о том, что «право есть сила разума, добра, справедливости». В этих же целях упоминаются представления известного средневекового богослова Фомы Аквинского о том, что право

и справедливость тождественны, что человеческие законы – это всего лишь конкретизация естественного права, отражения его человеческим разумом, и человек должен подчиняться только законам справедливым, т. е. преследующим общие цели, общие интересы[40].

Любопытно, однако, что справедливость в понимании названных выше философов, юристов и богословов была довольно своеобразной, односторонней: в древности она признавала естественным бесправие и ничем не ограниченную эксплуатацию рабов; во времена средневековья – «кулачное» право сословных привилегий, бесправие закрепощенного крестьянства и третьего сословия; после политической победы буржуазии, пришедшей к власти путем успешного использования прекрасных постулатов естественного права, – эксплуатацию широких пролетарских масс населения. Такое понимание справедливости допускало массовое уничтожение сопротивлявшихся бесчеловечному к ним отношению рабов, силовое подавление выступавших за свои права крестьян, сожжение на кострах инквизиции тысяч религиозно и научно инакомыслящих людей. На эту проблему особое внимание обратил известный исследователь истории европейского права Э. Аннерс[41].

Характерно, что о всеобщей справедливости говорилось и в законодательных актах на протяжении всех социально-антагонистических периодов человеческой истории – и в законах царя Хаммурапи, и в законах Ману, и в средневековых правдах, и в актах эпохи Ренессанса (например, Статутах ВКЛ), и в первых конституциях буржуазных государств. Но реальной, не говоря уже об идеальной, справедливости в них-то и не было.

Что же в действительности было скрыто в праве предыдущих формаций и этапов человеческих цивилизаций, что было и теперь является сущностью действующего законодательства? Едва ли можно отрицать, что это воля государства, а точнее, воля обладающих государственной властью социальных групп, сословий, тиранов, деспотов, царей, кланов, политических партий, обладающих большинством голосов в парламентах, хунт, президентов при самых различных политических режимах. Это довольно отчетливо обнаруживается и в современных демократических социально-правовых государствах. Скажем, принятие законов о повышении пенсионного возраста в современной Франции или о значительном увеличении платы за обучение в Англии и Германии, вызвавших многотысячные

[40] *Дробязко С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства... С. 15–17.*

[41] *Аннерс Э. История европейского права. С. 153–154.*

протестные демонстрации, разве следует рассматривать как несправедливые, государственную деятельность как неправовую, а законы эти не исполнять? Но ведь это проявление воли избранных народами названных стран парламентов, их президентов, правительств!

Конечно, воля эта, как правило, не произвольна. Она обусловлена объективными, прежде всего, материальными обстоятельствами: уровнем и состоянием общественного производства, его развитием или стагнацией, вызванной экономическими или финансовыми кризисами, политической обстановкой, внешними угрозами и т. п. Соответственно этим обстоятельствам принимаются волевые государственные решения, в том числе в виде законодательства, которое представляет собой внешнее выражение, реальное явление права. В силу объективных обстоятельств и соответствующей воли государственных органов оно далеко не всегда может быть достаточно справедливым с точки зрения отдельных слоев и групп населения.

В целях определения соотношения права и законодательства представляется не менее целесообразным использование таких философских категорий, как содержание и форма. Эти научные категории отражают взаимосвязь двух сторон объективно существующих природных или социальных реальностей: с одной стороны, определенным образом организованное, упорядоченное и относительно самостоятельно функционирующее содержание, а с другой – способы существования, выражения вовне этого содержания, его различные модификации, способные видоизменяться (форма). В процессе развития того или иного явления его содержание и форма постоянно взаимодействуют между собой.

В ЦЕЛЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ НЕ МЕНЕЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАКИХ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ, КАК СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

Во взаимосвязи содержания и формы содержание представляет собой определенную, ведущую сторону, которая изменяется, модифицируется в зависимости от изменения объективных и конкретных условий его существования. В свою очередь форма оказывает существенное обратное воздействие на содержание, обеспечивая их соответствие.

Форма, соответствующая сложившемуся уровню содержания, способствует его успешному функционированию, ускоряет его развитие, тогда как форма, переставшая соответствовать изменившемуся содержанию, тормозит дальнейшее его развитие. Единство содержания и формы относительно преходяще; в ходе развития возникают противоречия между

ними. В результате появляется несоответствие между содержанием и формой явления, которое в конечном счете разрешается «сбрасыванием» старой и возникновением новой формы, соответствующей изменившемуся содержанию. Все это в полной мере относится к содержанию и форме государственно-правового регулирования общественных отношений – праву и законодательству.

К содержанию права по общему признанию относятся правовые нормы, т. е. нормы политического характера. По мере исторического развития права его нормы дифференцируются, группируются соответственно развивающимся и постепенно разграничивающимся общественным отношениям. Так, на Европейском континенте в связи с рецепцией римского права получило признание деление правовых норм на нормы публичного и частного права. С развитием буржуазных общественных отношений выделились отрасли гражданского и уголовного права. В XX веке количество отраслей права в связи с дифференциацией общественных отношений на различные группы (виды, роды) превысило десяток. Наряду с отраслями права, в его структуре в настоящее время выделяют подотрасли и институты.

Одновременно и соответственно развитию содержания права как государственного регулятора общественных отношений происходили изменения в его форме, или, как еще принято говорить, в его источниках. В начальный период формирования права основной его формой являлись правовые обычаи (обычаи, которым государством придавалась юридическая значимость). Постепенно их вытесняли юридические прецеденты и нормативные правовые акты. В результате содержание права становилось все более цивилизованным и эффективным. В древних и средневековых странах немаловажную роль в качестве формы (источника) права играли юридические доктрины, но и они с переходом к буржуазному гражданскому обществу были вытеснены нормативными правовыми актами, а затем и нормативными договорами. Религиозные формы (источники) права, которые на некоторых этапах истории, предшествующих современному, конкурировали с государственными, в настоящее время теряют свое былое значение. Таким образом, в том или ином объеме главной формой современного права является законодательство.

ГЛАВНОЙ ФОРМОЙ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА ЯВЛЯЕТСЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Следовательно, как бы мы ни рассматривали соотношение права и законодательства (с философских или юридических

позиций, в том числе с использованием таких научных категорий, как сущность и явление, содержание и форма), понятия права и законодательства не только не могут противопоставляться, но и должны рассматриваться в неразрывном единстве как две стороны одного и того же юридического явления – государственного нормативного регулирования общественных отношений. Выступая в виде законодательства или иных источников права, форма права придает ему определенность, ясность, четкость, которые необходимы для обеспечения правопорядка и законности. Как и любая форма, она выступает в виде реального бытия права (forma dat esse rei – форма дает бытие вещи). Пренебрежение формой права (законодательством) ведет к правовому нигилизму, к беззаконию. При этом сущность и содержание права являются определяющими в отношении различных его проявлений и форм существования. Например, обусловленная его сущностью отраслевая структура права, в свою очередь, предопределяет форму (структуру) законодательства, а не наоборот.

К СОЖАЛЕНИЮ, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ ПРОВОДИТСЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЗ ДОЛЖНОГО УЧЕТА ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ПРАВА. ТАК, КОЛИЧЕСТВО КОДЕКСОВ УЖЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ВДВОЕ ПРЕВЫШАЕТ КОЛИЧЕСТВО ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

К сожалению, в настоящее время в нашей стране проводится систематизация законодательства без должного учета отраслевой структуры права. Так, количество кодексов уже более чем вдвое превышает количество отраслей права. В научной литературе вносятся без достаточного обоснования предложения по дальнейшему увеличению их числа путем разработки кодексов о банкротстве, о культуре, о населении, об источниках права и т. п.[42] Речь, таким образом, идет о создании кодификационных нормативных актов без учета такой формообразующей основы, как отраслевая система права, и при условиях, когда возможна и целесообразна систематизация актов законодательства посредством простой их консолидации.

[42] *Дробязко С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства… С. 19–21.*

При рассмотрении права и законодательства как двух сторон единого по своей природе явления (государственного нормативного регулирования общественных отношений) ощущается потребность в использовании общего юридического термина, выражающего, обозначающего это единство. Но, видимо, в силу долговременного научного противопоставления права и законодательства такой термин, во всяком случае в русском и белорусском языках, выработан не был. При таких обстоятельствах наиболее целесообразным понятийным термином, охватывающим как сущностные и содержательные, так и внешне выраженные

черты государственного регулирования общественных отношений, является само право. В этом смысле именно право представляет собой систематизированную совокупность правил поведения, устанавливаемых и санкционируемых компетентными государственными органами, а также принимаемых путем всенародного голосования и содержащихся в официально издаваемых нормативных правовых актах в целях регулирования общественных отношений и выражающих в ходе исторического развития первоначально волю определенных господствующих экономически и политически классов, слоев населения, а по мере стирания социальных различий и демократизации политических систем общества – волю большинства народа с учетом интересов меньшинства, реализация которых (правовых норм) обеспечивается государством. Безусловно, понимаемое таким образом право определяет и гарантирует объективно достигнутый уровень социальной свободы, выражает социально воспринимаемую и все более обеспечиваемую справедливость во всех ее проявлениях – политической, экономической, нравственной и др.

Список использованных источников

1. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс; пер. со швед. – М., 1996.
2. Байтин, М. И. О современном нормативном понимании права / М. И. Байтин // Журнал российского права. – 1999. – № 1. – С. 98–107.
3. Байтин, М. И. Сущность права / М. И. Байтин. – Саратов, 2001.
4. Берченко, А. Я. Еще раз о проблеме права и закона / А. Я. Берченко // Журнал российского права. – 1999. – № 3–4. – С. 75–82.
5. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права: учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский; под общ. ред. В. А. Кучинского. – Минск, 2009.
6. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1990.
7. Графский, В. Г. Основные концепции права и государства в современной России (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) / В. Г. Графский // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 5–33.
8. Дробязко, С. Г. Общая теория права: учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 2-е изд. – Минск, 2007.

9. Дробязко, С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование / С. Г. Дробязко // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Минск, 2010. – Вып. 5. – С. 11–22.
10. Кудрявцев, В. Н. О правопонимании и законности / В. Н. Кудрявцев // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 3–8.
11. Лейст, О. Э. Три концепции права / О. Э. Лейст // Советское государство и право. – 1991. – № 12. – С. 3–11.
12. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 33. – С. 1–120.
13. Лившиц, Р. З. О противоречивой двуединой природе права / Р. З. Лившиц // Подготовка и принятие законов в правовом государстве. – М., 1998.
14. Лившиц, Р. З. Отрасль права – отрасль законодательства / Р. З. Лившиц // Советское государство и право. – 1984. – № 2. – С. 26–32.
15. Лившиц, Р. З. Теория права: учебник / Р. З. Лившиц. – М., 1994.
16. Мальцев, Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. – М., 1999.
17. Маркс, К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 1. – С. 30–84.
18. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – Кн. 3: Процесс капитализации производства, взятые в целом // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 25, ч. 2. – С. 3–551.
19. Мартышин, О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 13–21.
20. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. – М., 1999.
21. Нерсесянц, В. С. Право и закон / В. С. Нерсесянц. – М., 1983.
22. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 7. – 2 / 830.
23. Петрова, Л. В. О естественном и позитивном праве (критические заметки по поводу учебника С. С. Алексеева) / Л. В. Петрова // Государство и право. – 1995. – № 2. – С. 32–41.
24. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь, Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь, Совету Республики Национального собрания Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2009 году // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2010. – № 1. – С. 20–36.
25. Четвернин, В. А. Современные концепции естественного права / В. А. Четвернин. – М., 1988.
26. Юридическая энциклопедия. – М., 2001.
27. Radbruch, W. Rechts philosophie / W. Radbruch. – Heidelberg, 1983.

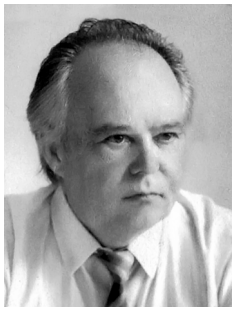
Дата паступлення ў рэдакцыю 12.01.2011.

УДК 321

Л. Ф. Евменов

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ЕВРОПЫ

Всякое поистине значимое явление прогрессивного общественного развития начинается с разработки общих теоретико-методологических, концептуальных оснований, его главных философских категорий и понятий. К примеру, согласно французскому мыслителю 18–19 вв. Клоду Анри де Сен-Симону, идолопоклонничество представляло собой идейную основу первобытного строя; политеизм – становления античного рабовладения; смена политеизма монотеизмом в форме христианства – свидетельство становления феодального общества; развитие христианства и позитивного научного знания связывается им с «индустриальным обществом», т. е. с общественной системой капитализма. С этими суждениями Сен-Симона нельзя не согласиться. Особенно если иметь в виду европейские реальности.



Яўменаў Леанід Фёдаравіч *– член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар філасофскіх навук, прафесар. Галоўны навуковы супрацоўнік Інстытута філасофіі НАН Беларусі. Аўтарытэтны даследчык разнастайных сацыяльных і палітычных праблем, адносін паміж асобай і дзяржавай, філасофіі і аховы правоў чалавека.*

Диалектика отрицания отрицания как закон истории. Идея конвергенции

Упоминая Сен-Симона, невольно обращаешься к советской марксистской критике в его адрес, которая была уничижительной из-за «идеализма» философа, за принадлежность , не терпящую возражений, к утопическому социализму и за его работу «Новое христианство», в которой якобы просматриваются «реакционные тенденции», связанные с утверждением о том, что материальные стимулы, вызывающие необходимость улучшения участи пролетариата, должны быть увязаны также с моральными стимулами самой властной над людьми силы, «силы религиозного веления»[1].

1. *Философская энциклопедия. С. 583–587.*

Краткий анализ этих «обвинений» философского мышления Сен-Симона дает право для следующих суждений.

Первое. Думается, что только с позиций иллюзорного сознания основополагающие идеи Сен-Симона о ведущей роли в обществе экономической деятельности, промышленного и сельскохозяйственного производства, различных форм собственности, социальных классов; идеи о том, что каждая общественная система, сменяя существующие ранее формы собственности, выдвигает новые господствующие силы в экономической, политической и духовной жизни[2] можно отнести к идеализму. Наоборот, это чистейшей воды МАТЕРИАЛИЗМ. Более того, зачатки научного исторического материализма, научных материалистических взглядов на историю развития общества.

[2] *Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. 1. С. 433, 434.*

В своих работах «Организатор», «Индустриальное общество», «Новое христианство» он закладывает основы диалектической концепции исторического развития, представляя общественный прогресс как схему эпох созидания и эпох кризиса, которая на основе новых научных и философских идей ведет к построению более разумного общественного строя, делающего «жизнь людей, составляющих большинство общества, наиболее счастливой, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей»[3]. Это возможно, согласно Сен-Симону, через увеличение производительных сил общества на основе применения научных принципов нового времени, при «превращении политики в позитивную науку о производстве, а государства из орудия управления людьми в орудие управления производством, управления вещами»[4].

[3] *Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. 2. С. 247.*

[4] *Там же.*

Второе. Трудно найти в утверждениях Сен-Симона и то, что, строго говоря, позволило бы отнести его к утопическому социализму. Разве соответствуют идеи, изложенные выше, моровской УТОПИИ, которая в переводе с греческого означает «НИГДЕНИЕ», т. е. место, которого нигде нет? Разве то, о чем писал Сен-Симон, не отражало объективных реальностей его «Индустриального общества», в котором он жил и творил? Да, он выступал как социалист. Но социалист реалистического, а не утопического толка. Не случайно ведь Карл Маркс пишет, что в последнем своем труде «Новое христианство» Сен-Симон « … прямо выступил от лица рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений»[5]. Не случайно и то, что Энгельс относит его к «основателям социализма»[6].

[5] *Маркс К. Капитал. Т. 3. С. 619.*

[6] *Маркс К. Сочинения. Т. 19. С. 196.*

При этом великий Энгельс считает вышеприведенные идеи утопичными[7], как и идеи о мирном сосуществовании буржуазии и пролетариата; о том, что, согласно Сен-Симону, буржуа должны стать «чем-то вроде общественных чиновников, доверенных лиц всего общества»; утверждение о формировании в социалистическом обществе всемирной ассоциации, всемирного объединения народов, где будет господствовать всеобщий мир и будут сняты государственные границы.

[7] *Маркс К. Сочинения. Т. 19. С. 195.*

Но как можно эти идеи Сен-Симона относить к утопическому социализму, если кажется, что они написаны не сотню с лишним лет тому, а как будто сегодня, в наше время? Ведь именно над реализацией всех этих гениальных идей бьется ныне весь развитый, весь прогрессивный мир. Думается, приведенные оценки Энгельса «грешат» логической непоследовательностью, противоречивостью: понятия «социалист-утопист» и «основатель социализма» в устах классика марксистской философии не могут быть идентичными.

КАК МОЖНО ИДЕИ СЕН-СИМОНА ОТНОСИТЬ К УТОПИЧЕСКОМУ СОЦИАЛИЗМУ, ЕСЛИ КАЖЕТСЯ, ЧТО ОНИ НАПИСАНЫ НЕ СОТНЮ С ЛИШНИМ ЛЕТ ТОМУ, А КАК БУДТО СЕГОДНЯ, В НАШЕ ВРЕМЯ?

Третье. Соглашаясь с Сен-Симоном в том, что религия, христианство – самая властная для своего времени (особенно для рабочего люда) идеальная, духовная сила, оказывающая наряду с материальными стимулами серьезное влияние на улучшение участи пролетариата, считаем необоснованным отнесение этой мысли к «реакционной тенденции». Признавая при этом, что с точки зрения советского большевистского марксизма иной характеристики быть не могло. Это же относится к уничижительным определениям других приведенных выше идей в качестве идеалистических и утопических.

Действительно, как мог и классический, и особенно большевистский марксизм, с одной стороны, отсутствие в мышлении Сен-Симона идей диктатуры пролетариата, революционного насилия пролетариата над буржуазией, с другой – обоснование идеи мирного существования буржуазии и пролетариата в одном индустриальном обществе, идеи о том, что религия не является чем-то реакционным (опиумом для народа), и идеи всемирного объединения народов характеризовать как **не идеализм**, **не утопизм**, как **проявление не реакционных тенденций**?

Если бы было иначе, марксизм просто не существовал бы. Именно этот набор идей (диктатура пролетариата, всеобщее революционное насилие, религия – опиум для народа)

представлял собой ПЕРВОЕ ОТРИЦАНИЕ концептуальных основ социальной философии Сен-Симона.

Исходя из сегодняшних политико-экономических реалий напрашивается вывод: ИДЕАЛИСТИЧНЫМИ и УТОПИЧНЫМИ оказались идеи Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата как основной силе построения социализма, идея советского большевистского марксизма о возможности и необходимости пролетарской революции как основном средстве его построения, идея о религии как об однозначно реакционной силе и тенденции.

ИСХОДЯ ИЗ СЕГОДНЯШНИХ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ НАПРАШИВАЕТСЯ ВЫВОД: ИДЕАЛИСТИЧНЫМИ И УТОПИЧНЫМИ ОКАЗАЛИСЬ ИДЕИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА И РЕЛИГИИ

Но история развивалась не по схеме дихотомии: ТЕЗИС (в данном случае взгляды Сен-Симона на развитие человеческого общества и социальная реальность, предсказываемая ими) – АНТИТЕЗИС (взгляды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и социальная реальность, представляемая ими). История развивалась по закону ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ, гениально разработанному Гегелем и на материалистической основе теми же Энгельсом и Лениным. История развивалась по закону, который включает в себя три неразрывно связанных элемента, части, этапа развития: ТЕЗИС (в данном случае взгляды Сен-Симона и реальности, отражаемые ими) – АНТИТЕЗИС (взгляды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и реальности, представляемые ими) – ДВОЙНОЙ АНТИТЕЗИС, ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ «КАК ЯКОБЫ ВОЗВРАТ НАЗАД» к идеям и социальному положению, отраженному в ТЕЗИСЕ (в данном случае – к идеям Сен-Симона и гениально предвиденным им социальным реальностям).

Почему «ЯКОБЫ ВОЗВРАТ», а не однозначно ВОЗВРАТ? Потому что этап ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ – это нечто «новое… более высокое, более богатое… чем предыдущее… и содержит больше, в себе более, чем только его, и есть единство его и противоположности»[8].

[8] *Гегель В. Ф. Наука логики. Т. 1. С. 108.*

Для этапа отрицания отрицания, или «якобы возврата назад», характерно развитие самых сильных качественных особенностей ТЕЗИСА и снятие самых слабых, ущербных черт ПЕРВОГО ОТРИЦАНИЯ – АНТИТЕЗИСА, СХОЖДЕНИЕ ИХ В ЕДИНСТВЕ, доходящем до ТОЖДЕСТВА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ. Именно таким образом «БОЛЕЕ БОГАТЫЕ», «БОЛЕЕ ВЫСОКИЕ» качества капитализма «индустриального общества» Сен-Симона плюс «БОЛЕЕ БОГАТЫЕ», «БОЛЕЕ ВЫСОКИЕ» качества «развитого социализма» проложили в 60-е годы 20 столетия и продолжают прокладывать сегодня

путь к ИДЕЕ КОНВЕРГЕНЦИИ, т. е. СХОЖДЕНИЯ, СБЛИЖЕНИЯ, ЕДИНЕНИЯ различных, якобы совершенно противоположных социальных систем. Именно таким образом история делает свой выбор.

Теории конвергенции: схождение, синтез капитализма и социализма

История в конце первой половины 20 столетия делает свой первый шаг на пути перехода от тоталитарно-авторитарного сознания: человечество решительно отказывается от идеологии и общественной практики гитлеровского национал-социализма.

Победители фашизма создают Организацию Объединенных наций, чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны», «утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности… в равенство прав больших и малых наций…», «поддержать международный мир и безопасность…»[9].

[9] *Устав Организации Объединенных Наций. С. 7.*

Первыми документами, принятыми Генеральной ассамблеей ООН, являются «Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него» (9 декабря 1948 г.) и Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.). **Эти документы являются, по нашему глубокому убеждению, первыми свидетельствами серьезных изменений в мире капиталистической системы**.

Особенно Всеобщая декларация прав человека, которая, в сущности, представляет собой кодекс морально-правовых обязательств человечества, выстраданный им за восемь столетий со времени английской Великой хартии вольностей (1215 г.), созданный на основе классических социалистических идей, идей цивилизованного социализма, социализма «с человеческим лицом».

«КОНВЕНЦИЯ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО» И ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ЯВЛЯЮТСЯ ПЕРВЫМИ СВИДЕТЕЛЬСТВАМИ СЕРЬЕЗНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В МИРЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Об этих изменениях свидетельствуют не только морально-правовые нормы Всеобщей декларации прав человека, но особенно реализующиеся в развитых странах Западной и Северной Европы (Великобритании, Германии, Франции, Италии, Норвегии, Швеции, Финляндии и др.) такие социальные явления, как предоставление нуждающимся социального жилья, серьезное пенсионное обеспечение представителей рабочего класса, достойные пособия по безработице, бесплатное медицинское обслуживание, прогрессивное налогообложение, решающее проблему обобществления присвоения, и ряд других гуманитарных проблем.

Об этих качественных новациях говорят и многочисленные факты в области государственного управления в этих странах: приход к высшей власти социал-демократических, социалистических и демократических партий. Появление понятий «скандинавский социализм», «шведский социализм». Для Швеции в данном случае характерно, что, начиная, к примеру, с 1976 по 2006 год высшей государственной властью в стране обладали представители различных партий. Из них шесть человек – представители социал-демократической рабочей партии Швеции (Улоф Пальме, Ингвар Карлссон дважды). В этом плане можно говорить о германском, французском, швейцарском и др. социализме…

Отражая эти изменения, в Северной Америке и Западной Европе в конце 50-х и особенно 60-х годов 20 в. наблюдаются дружные «всходы» теорий конвергенции, т. е. схождения, единения, синтеза капитализма и социализма.

Уолтер Бэкингем: «Единая экономическая система» вбирает в себя от капитализма «во-первых, частную собственность на капитальные сооружения и оборудование… во-вторых, экономические стимулы и мотив прибыли… в-третьих, рыночная система повсюду утверждается в качестве главного механизма контроля над присвоением»; от социализма – бескризисность, планирование, высокие темпы экономического роста[10].

[10] *Buckingham W. S. Theoretical Economic Systems… P. 26.*

Питирим Сорокин: такая форма общественного устройства представляет собой «середину между капиталистическим и коммунистическим строем». Этот тип общества он называет ИНТЕГРАЛЬНЫМ. Смешанным типом а) вполне развитого свободного предпринимательства, основанного на частной собственности; б) корпоративной экономики; в) экономики, управляемой государством. Это значит, что он будет «включать позитивные моменты каждого, не воспринимая, не наследуя их дефекты»[11].

[11] *Sorokin P. A. The Basic Trend of our Times. P. 78, 120.*

Дж. К. Гэлбрайт: капитализм трансформируется естественным образом; «налицо многостороннее сближение индустриальных систем». В основе их трансформации лежат не идеология и политика, а «императивные требования технического и организационного порядка»[12].

[12] *Galbraith J. K. The New Industrial State. P. 11.*

Ян Тинберген говорит о схождении, синтезе элементов «капиталистической эффективности и социалистического равенства»; сегодня нет чистого капитализма на Западе, нет чистого социализма на Востоке; «чистый капитализм остался в 19 в. (в большей или меньшей степени); сейчас уменьшается мощь владельцев капитала; социалистические идеи проникли

во многие области (социальное страхование, налог с оборота, разные формы государственного планирования и т. д.)». Вывод: « … самый лучший строй представляет собой синтез некоторых элементов капиталистической эффективности и социалистического равенства»[13].

Франц Немшак: « … поскольку цели экономической и общественной политики… все больше сближаются, то и обе экономические структуры (капитализм и социализм – *Л. Е.*) будут развиваться в направлении какой-то оптимальной структуры. Оптимисты идут еще дальше и полагают, что взаимное сближение в экономической области в конечном итоге окажет воздействие и… на политику»[14].

Раймон Арон, развивая свою концепцию «индустриального общества», списывая ее с «индустриального общества» Сен-Симона, под индустриальным понимает «какой угодно коллективный труд, в котором применяются достижения науки»[15]. Постепенное схождение, конвергенция противоположных общественных систем – главная идея его «индустриального общества». Имея в виду конвергенцию в условиях капиталистического общества и конвергенцию в условиях социализма, он подвергает сомнению утверждения тех авторов, которые отводят в данном синтезе слишком большое место социализму и его институтам. «Советский режим, – пишет он, – открывает для себя значение рынка и цен в гораздо большей степени, чем западные режимы открывают достоинства глобального планирования. Если оба режима сольются, то возникающий в результате этого уклад гораздо больше позаимствует от западного, чем от советского»[16]. В нем, в этом конвергенционном укладе, согласно Арону, наиболее вероятным представляется постепенный отход от принципов жесткого централизованного планирования и все большее использование рыночных категорий и категорий свободной конкуренции.

Конец 20 в. История на пути своего социального выбора делает ВТОРОЙ ШАГ: разрушается, буквально разваливается СССР как оплот тоталитарно-авторитарного режима, «преобразуется» социалистическое содружество наций. Начинается бурный процесс КОНВЕРГЕНЦИИ противоположностей на СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ. Процесс СХОЖДЕНИЯ, ЕДИНЕНИЯ всего лучшего, разумного, эффективного в единую политико-экономическую, социально-политическую, духовно-нравственную систему.

До тех пор, пока не появились основания для того, чтобы не признать объективной реальностью факты, породившие

[13] *Тинберген Я. Идеология и научное развитие… С. 6.*

[14] *Немшак Ф. По ту сторону капитализма. С. 11.*

[15] *Aron R. Société industrielle... P. 8.*

[16] *Там же.*

понятия «СКАНДИНАВСКИЙ СОЦИАЛИЗМ», «ШВЕДСКИЙ СОЦИАЛИЗМ» (как и английский, германский, французский, швейцарский и прочие «социализмы»); до тех пор, пока бывшие республики СССР не стали на путь капитализации своего «развитого социализма», можно было подвергать сомнению теории конвергенции капиталистических и социалистических основ, выдвинутые в 50–60-е годы нашими идеологическими оппонентами. Теперь дискуссии на эту тему бессмысленны. История, ведя человечество по пути реализации ЗАКОНА ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ, дает однозначный ответ: на основе процессов конвергенции капиталистических и социалистических начал в современных развитых странах Запада, серьезно отличающихся от классического капитализма, мы имеем дело с НОВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ УКЛАДОМ и новым социально-политическим порядком. В бывшем содружестве социалистических стран и в странах СНГ мы имеем дело с развивающимся новым, более высоким экономическим укладом и новым, развивающимся общественным порядком, отличным от большевистского социализма и от порядка «развитого социализма».

НА ОСНОВЕ ПРОЦЕССОВ КОНВЕРГЕНЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЧАЛ В СОВРЕМЕННЫХ РАЗВИТЫХ СТРАНАХ ЗАПАДА, СЕРЬЕЗНО ОТЛИЧАЮЩИХСЯ ОТ КЛАССИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА, МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО С НОВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ УКЛАДОМ И НОВЫМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ПОРЯДКОМ. В БЫВШЕМ СОДРУЖЕСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН И В СТРАНАХ СНГ МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО С РАЗВИВАЮЩИМСЯ НОВЫМ, БОЛЕЕ ВЫСОКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ УКЛАДОМ И НОВЫМ, РАЗВИВАЮЩИМСЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ ПОРЯДКОМ, ОТЛИЧНЫМ ОТ БОЛЬШЕВИСТСКОГО СОЦИАЛИЗМА И ОТ ПОРЯДКА «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

Мы сегодня идем по пути поиска экономической, социально-политической, духовно-нравственной идентификации, по пути поиска и определения новых, БОЛЕЕ ВЫСОКИХ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ, СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ, КЛЮЧЕВЫХ ПРИНЦИПОВ.

Конвергенция – категория политической философии Европейского союза

В процессе ЕДИНЕНИЯ укладов и порядков история делает ТРЕТИЙ ШАГ в выборе дальнейшего пути развития: она материализует более столетия бродившую в умах европейцев идею создания ОБЪЕДИНЕННОЙ Европы. И это уже не «мистика супранациональной Европы»[17]. Лиссабонский договор (2007 г.), внесший изменения в основополагающий договор, можно считать завершающим юридическим актом о ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ, об объективизации идеи ее создания.

Более полстолетия понадобилось, чтобы ведущие страны Западной Европы «созрели» до кодификации основ своего политико-экономического ЕДИНЕНИЯ. Каковы же его

[17] *Les dictionnaires du savoire modern… P. 246.*

концептуальные идеи? По нашему мнению, в качестве главной в концептуальной системе Европейского союза выступает категория КОНВЕРГЕНЦИИ. Она отражает необходимость СХОЖДЕНИЯ, ЕДИНЕНИЯ, ИДЕНТИЧНОСТИ различных экономик, политик, культур, входящих в рамки ЕС. Она « … должна управлять Союзом в его решениях о прекращении нарушений государствами-членами»[18].

[18] *Traité de Lisbonne… P. 306/25.*

Не случайно в модификациях, предложенных в Лиссабонском договоре, делается акцент «на идентификации вопросов, представляющих общий интерес, и на РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕВОЗРАСТАЮЩЕЙ СТЕПЕНИ КОНВЕРГЕНЦИИ ДЕЙСТВИЙ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ (выделено мной – *Л. Е.*)[19].

[19] *Там же.*

Ясно, что сегодня (как и впредь) будут иметь место экономические и социальные, политические и культурные различия в жизни Германии и Греции, Великобритании и Литвы, Франции и Латвии и др. Но также должно быть ясно и то, что для успешной реализации стратегических целей союза (защиты мира, создания для граждан пространства свободы, безопасности и справедливости без внутренних границ, обеспечения им свободы передвижения, создания внутреннего рынка, условий для устойчивого развития и сбалансированного экономического роста, стабильности цен, создания социальной экономики рынка высокоразвитой конкуренции, ведущего к полной занятости и социальному прогрессу, обеспечения высокого уровня защиты и улучшения качества окружающей среды, научного и технического прогресса, борьбы с социальным неравенством и дискриминацией, активной защиты прав человека, уважения разнообразия культурного и лингвистического богатства, развития европейского культурного наследия и др.)[20] необходим процесс схождения, сближения, единения экономик, политических подходов и решений, взаимосвязь культур.

[20] *Там же. P. 306/11.*

Ясно, что страны, приглашенные в Программу «Восточное партнерство», серьезно отстают от Великобритании, Германии, Франции, Швеции и др. не только в экономическом развитии и благосостоянии своих граждан, но и в реализации проблем «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ», т. е. плюралистической демократии, прав человека, верховенства закона.

Кроме того, сегодня понятно, что эти страны, еще недавно «хвалившиеся» успехами в построении «развитого социализма», серьезно отстают от высокоразвитых стран современной Европы как раз в реализации основных позиций КЛАССИЧЕСКОГО, ЦИВИЛИЗОВАННОГО

СОЦИАЛИЗМА. К ним относятся высоко развитая эффективная экономика, обобществление присвоения, достоинство человеческой личности, права человека и гражданина, верховенство закона, плюралистическая демократия[21]. Не случайно ведь Михаил Горбачев выдвигал в качестве главной задачи перестройки советского социализма проблему «БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА».

[21] *Евменов Л. Ф. Объединенные нации Европы… С. 42–43.*

Ясно и то, что если Беларусь или любая другая страна имеет намерения войти в Европейский союз, то ею должны быть реализованы хотя бы те обязательства, которые вытекают из факта ее согласия быть участницей Восточного партнерства. Это означает, что стремление использовать только его экономические программы, полностью игнорируя ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ, т. е. весь спектр политико-правовых проблем, – явление, мягко говоря, НЕКОРРЕКТНОЕ и с точки зрения дипломатической процедуры, и с точки зрения политической морали.

ЕСЛИ БЕЛАРУСЬ ИЛИ ЛЮБАЯ ДРУГАЯ СТРАНА ИМЕЕТ НАМЕРЕНИЯ ВОЙТИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, ТО ЕЮ ДОЛЖНЫ БЫТЬ РЕАЛИЗОВАНЫ ХОТЯ БЫ ТЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, КОТОРЫЕ ВЫТЕКАЮТ ИЗ ФАКТА ЕЕ СОГЛАСИЯ БЫТЬ УЧАСТНИЦЕЙ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА

Решение проблем экономической интеграции в Европу, интеграции в мировую экономику должно быть тесно связано с реальной политической, правочеловеческой и правовой либерализацией и модернизацией путем ухода от тоталитарно-авторитарных методов управления делами общества и государства (т. е. путем реформирования «**ненадлежащего управления**») и сближения, схождения, единения с демократическими формами управления (т. е. путем усвоения и реализации правил «**надлежащего управления**»). И не только в области финансов, энергетических ресурсов, экономики в целом; во всех областях. Нужно понять, что они неделимы.

При этом необходимо заметить, что во всех без исключения правовых актах проблему ПОЛИТИЧЕСКОГО СХОЖДЕНИЯ, СБЛИЖЕНИЯ, ЕДИНЕНИЯ ЕС ставит в качестве ПЕРВОЙ, а это значит, ОСНОВНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Так, в общей декларации о «Восточном партнерстве», куда приглашены, естественно, в качестве «учеников» шесть бывших советских республик, серьезно отстающих от политических, правочеловеческих и правовых СТАНДАРТОВ развитых стран Евросоюза, утверждается: «Восточное партнерство предусматривает главным образом создание условий, необходимых для того, чтобы ускорить установление ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНЕНИЯ и углубление экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными

странами-партнерами»[22]. С этой целью Восточное партнерство предполагает поддержать «ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ СТРАН-ПАРТНЕРОВ, чтобы ОБЛЕГЧИТЬ СБЛИЖЕНИЕ с Европейским союзом»[23] (выделено мной – *Л. Е.*).

[22] *Declaration Commune adoptée lors du sommet de partneriat oriental. P. 6.*

[23] *Там же.*

Изложенное дает основания для вывода: ГЛАВНОЙ КАТЕГОРИЕЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ политической философии Европейского союза является КОНВЕРГЕНЦИЯ. Именно поэтому возникают возражения против уточнения, которое делает Лиссабонский договор, заменяющий фразу « … во имя обеспечения того, чтобы влияние Союза осуществлялось в наибольшей степени КОНВЕРГЕНЦИЕЙ (выделено мной – *Л. Е.*) их (государств – *Л. Е.*) действий» фразой « … во имя определения общих подходов (приближения, сближения)»[24].

[24] *Traité de Lisbonne… P. 306/29.*

Конвергенция, в свою очередь, базируется на целом ряде понятий, раскрывающих различные аспекты ее содержания и свидетельствующих о процессе ее реализации. Представляется возможным разделить эти понятия на три группы:

1) дополнительность и пропорциональность (понятия принципа внутренней жизнедеятельности ЕС); схождение, ассоциация или единение (в переводе с французского языка), сближение; сотрудничество (усиленное или ярко выраженное, систематическое, всестороннее, всестороннее усиленное, привилегированное); добрососедство, партнерство, солидарность;
2) интеграция, гармонизация, модернизация, либерализация, реформирование, координация, идентификация (интересов), надлежащее управление;
3) общие интересы, общее сближение, общая безопасность, общая защита, общая иммиграционная политика, идентичность.

Вывод: категория КОНВЕРГЕНЦИИ и ПОНЯТИЯ, раскрывающие и отражающие процесс ее реализации, представляют собой КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ политической философии Европейского союза. Ее схема может выглядеть следующим образом (рисунок 1).

Вместо заключения

А. Говоря о концепции Европейского союза или о концепции его мероприятий (конференций, круглых столов, симпозиумов, совещаний), в зависимости от содержания обсуждаемых проблем необходимо вести речь в той или иной степени в первую

очередь о категории КОНВЕРГЕНЦИИ и ПОНЯТИЯХ, раскрывающих ее содержание и отражающих уровень ее реализации. В противном случае дискуссии могут быть сведены к пустым *пурпарле* (pourparlers – фр.), т. е. к разговорам для разговоров.

Б. Социализм – это «не нечто категорически отличное от всех пережитых человечеством форм, формаций общественной организации, это слагаемое, это сущность, это сгусток всего самого гуманного и практически эффективного, всего наиболее жизнеспособного, наработанного историей…»[25].

[25] *Евменов Л. Ф. Сочинения… С. 7.*

Рисунок 1.
Структура категории конвергенции

Список использованных источников

1. Гегель, В. Ф. Наука логики / В. Ф. Гегель. – М., 1970. – Т. 1.
2. Евменов, Л. Ф. Объединенные нации Европы – политико-экономическое основание позитивной глобализации мира / Л. Ф. Евменов // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. –2010. – № 1.
3. Евменов, Л. Ф. Сочинения: в 5 т. / Л. Ф. Евменов. – Минск, 2010. – Т. 3.
4. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – 1955. – Т. 3.
5. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 19.
6. Немшак, Ф. По ту сторону капитализма / Ф. Немшак. – Белград: Международная политика, 1967.
7. Права человека: сб. междунар.-правовых док. – Минск, 1999.
8. Сен-Симон. Избранные сочинения / Сен-Симон. – М.-Л., 1948. – Т. 1; Т. 2.
9. Тинберген, Я. Идеология и научное развитие. Оптимальный строй / Я. Тинберген. – Белград: Международная политика, 1965.
10. Устав Организации Объединенных наций. – М., 1970.
11. Философская энциклопедия. – М., 1967.
12. Aron, R. Société industrielle: idéologie, philosophie / R. Aron. – Preuves, 1964.
13. Buckingham, W. S. Theoretical Economic Systems. A comparative Analysis / W. S. Buckingham. – New York, 1958.
14. Declaration Commune adoptée lors du sommet de partneriat oriental. – Prague, 2009.
15. Galbraith, J. K. The New Industrial State / J. K. Galbraith. – Boston, 1967.
16. Les dictionnaires du savoire modern. La philosophi / Centre d'Etude et de Promotion de la Lecture. – Paris, 1969.
17. Sorokin, P. A. The Basic Trend of our Times / A. P. Sorokin. – New Haven, 1964.
18. Traité de Lisbonne // Journale officiel de l'Union européenne. – 2007.

Дата паступлення ў рэдакцыю 24.01.2011.

УДК 340–053.2+343.85

С. Ф. Сокол
М. С. Стрижак

Сокал Сцяпан Фёдаравіч *– доктар юрыдычных навук, прафесар, заснавальнік БІП і старшыня яго назіральна-каардынацыйнай рады. Вядомы беларускі вучоны-правазнаўца, заснавальнік новага навуковага кірунку ў беларускай юрыдычнай навуцы – гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мае шматлікія працы па гісторыі і тэорыі права, грамадзянскаму праву і працэсу і інш.*

Стрыжак Марына Станіславаўна *– к. ю. н., дацэнт кафедры грамадзянскага права і працэсу БІП. Даследуе праблемы адказнасці непаўналетніх правапарушальнікаў. Мае 19 навуковых публікацый па дадзенай тэматыцы.*

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЮВЕНАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Международное сообщество и каждая страна в отдельности в последние годы разрабатывали свою законодательную базу по защите прав и интересов несовершеннолетних, используя соответствующий понятийный аппарат, четкость в определении которого влечет точное правоприменение. Сложилась определенная система и иерархия понятий, связанных с правовым регулированием действий несовершеннолетних, которые используются в отечественном и зарубежном законодательстве. При этом каждая отрасль права имеет свою содержательную специфику.

Для того чтобы исследовать сущность любого правового понятия, выявить его роль и место в понятийном аппарате правовой науки, необходимо определить содержание самого понятия права, указать основные черты того типа правопонимания, в рамках которого оно развивается в настоящий момент. Преобладающий тип правопонимания оказывает существенное влияние как на процесс выявления основополагающих характеристик права и его социального назначения в целом, так и на весь понятийно-категориальный аппарат юриспруденции.

Для определения правового статуса несовершеннолетнего в ряде зарубежных государств употребляется термин

«ювенальный». Этимологически он берет свое начало от латинского слова juvenis (junior), что означает «молодой, юный», а также «молодой человек, юноша, девушка». Ювенальные правоотношения выделены в правотворчестве и правоприменении в отдельный вид исходя из субъекта.

Ювенальные правоотношения – общественные отношения, одной из сторон в которых участвует или несовершеннолетний, или его законный представитель с целью защиты его интересов либо удовлетворения требований граждан, пострадавших от действий несовершеннолетнего. Данный термин возник в связи с особенностями правового регулирования однородных общественных отношений.

Ювенальные правоотношения являются комплексными, поскольку охватывают несколько сфер жизнедеятельности несовершеннолетнего. Они связаны с международными, конституционными, гражданскими, семейными, трудовыми, уголовными, административными, уголовно-исполнительными, гражданско-процессуальными, уголовно-процессуальными правоотношениями, касающимися правового регулирования статуса несовершеннолетнего.

Ювенальные правоотношения нашли свое закрепление в многочисленных нормативных правовых актах разных отраслей права.

ЗАБОТА ГОСУДАРСТВА ОБ УКРЕПЛЕНИИ СЕМЬИ, О ДЕТЯХ ВОЗВЕДЕНА В КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП. ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ ОСНОВУ РЕАЛИЗАЦИИ ДАННОГО ПРИНЦИПА В ОСНОВНОМ СОСТАВЛЯЮТ НОРМЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Забота государства об укреплении семьи, о детях возведена в конституционный принцип. Законодательную основу реализации данного принципа в основном составляют нормы семейного права, что обусловливается спецификой предмета правового регулирования. Прежде чем говорить о правовой охране семьи и несовершеннолетних семейным правом, необходимо рассмотреть основные положения о правоспособности и дееспособности, закрепленные нормами гражданского права.

Среди других конституционных прав несовершеннолетних право на труд и его безопасные условия находит закрепление в правовых актах международного и национального законодательства.

Предупреждение преступности в целом и ее искоренение во многом зависит от предупреждения преступности несовершеннолетних.

Государство устанавливает различные виды юридической ответственности в зависимости от характера совершенного правонарушения.

Согласно Конституции Республики Беларусь каждому гражданину гарантируется судебная защита его прав и свобод независимо от возраста.

Таким образом, системный анализ правового статуса несовершеннолетних привел к появлению следующих понятий: «ювенальная система», «ювенальная юстиция», «ювенальное право», «ювенальная ответственность».

Под ювенальной юстицией понимается, с одной стороны, правосудие в отношении несовершеннолетних, осуществляемое специфическими принципами, с другой – система специализированных судебных органов и вспомогательных служб ювенального профиля. Она направлена на обеспечение надлежащей защиты прав и интересов несовершеннолетних.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ ДОЛЖНА ОСНОВЫВАТЬСЯ НЕ ТОЛЬКО НА ЗАЩИТЕ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НО И НА ЗАЩИТЕ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

При этом содержательная правореализация ювенальной юстиции подверглась серьезной критике. Среди юристов, психологов есть немало противников внедрения в России и Беларуси западного варианта ювенальной юстиции, особенно современного подхода к наказаниям и воспитанию в семье и школе.

Главный принцип, на котором должна основываться ювенальная юстиция, – это принцип справедливости. По мнению В. С. Нерсесянца, понимание права как равенства (как общего масштаба и равной меры свободы людей) включает в себя с необходимостью и справедливость[1]. Также «гражданин всегда заинтересован в уважении его чести и достоинства как неотъемлемого и никем непоколебимого права, возникающего с момента рождения»[2].

[1] *Нерсесянц В. С. Философия права… С. 28.*

[2] *Сокол С. Ф. Защита чести и достоинства гражданина в судебном порядке. С. 4.*

Ювенальная юстиция должна основываться не только на защите прав и интересов несовершеннолетних, но и на защите прав и интересов граждан, пострадавших от противоправных действий несовершеннолетних.

При этом Аристотель «выделял два вида справедливости: уравнивающую и распределяющую. Уравнивающая справедливость исходит из принципа «арифметического равенства». Сфера ее применения – область гражданско-правовых сделок, возмещение вреда, наказание и так далее.

Второй тип справедливости – распределяющая, которая обусловлена делением общих благ по достоинству. Здесь уже присутствует распределение благ (власти, почестей, денег). Данный вид справедливости реализуется и в судебной деятельности, поэтому ее можно назвать судебной

справедливостью. Закон видит разницу размеров потерь и считает всех людей равными. Если же человек поступил несправедливо, а кто-то иной пострадал от этого, или же кто-то причинил ущерб кому-то – вред возмещается. Несправедливость в подобном смысле является неравенством, которое судья пытается уравнять с помощью наказания, при применении которого неравенство уменьшается. Термин «выгода», используемый в таких случаях, может быть не совсем точным, так как говорит не о выгоде причинителя вреда, а о возмещении потерь потерпевшему»[13].

[3] *Сокол С. Ф. Зарождение и становление Европейской юриспруденции… С. 14–15.*

Поэтому разумно и логично то, что с появлением понятия «ювенальная юстиция» возникло и понятие «ювенальная ответственность», обозначающее новый вид ответственности, субъектом которой являются дети и подростки. К одной из мер ювенальной ответственности относится возмещение ущерба самостоятельными трудовыми усилиями несовершеннолетних.

«По мнению В. С. Нерсесянца, в контексте различения права и закона справедливость входит в понятие права, право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.).

Поэтому всегда уместный вопрос о справедливости или несправедливости закона – это, по существу, вопрос о правовом или неправовом характере закона, его соответствии или несоответствии праву. Но такая же постановка вопроса неуместна и не по адресу применительно к праву, поскольку оно (уже по понятию) всегда справедливо и является носителем справедливости в социальном мире.

И по смыслу, и по этимологии справедливость (iustitia) восходит к праву (ius), обозначает наличие в социальном мире правового начала и выражает его правильность, императивность и необходимость»[4].

[4] *Нерсесянц В. С. Философия права… С. 28–29.*

Кроме того, «справедливость, как говорит Аристотель, не то, что генетически отличается от правосудия, а то, что правильно на самом деле, хотя и не по закону. Это, скорее, использование и практическое применение ее в судах как правовой справедливости, потому что закон использует общие понятия, термины, формы, а справедливость помогает обеспечить применение права в конкретных случаях»[5].

[5] *Сокол С. Ф. Зарождение и становление Европейской юриспруденции… С. 15.*

Понятия, связанные с правовым регулированием действий несовершеннолетних, сформировались на законодательном уровне, но их четкое правовое значение должно

соответствовать их правовому содержанию, замыслу законодателя, отражать социальные и экономические ожидания граждан.

Термины, приведенные в статье, сформулированы на основании законодательных актов, поэтому соответствие их истинного правового значения формулировке этих понятий в законе в определенном смысле будет ответом на вопрос о правовом или неправовом характере международного и национального законодательства о защите прав и интересов несовершеннолетних.

Правовой статус несовершеннолетнего можно рассматривать не только с позиций общей теории права, но и отраслевого законодательства. Мы ставим своей задачей изучить не все понятия, связанные с правовым регулированием действий несовершеннолетних, а только общеправовые, отдельные термины семейного и гражданского права. Понятийный аппарат, используемый в законодательстве, необходимо проанализировать и проследить соответствие его значения принципу справедливости.

Наиболее общими и употребляемыми терминами являются те, которые получают отражение в ряде отраслевых законодательных актов. К ним относятся следующие.

Несовершеннолетним в доктрине белорусского права называется человек, не достигший определенного возраста, позволяющего ему стать полностью дееспособным.

Согласно ч. 1 ст. 179 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) лицо с момента рождения до достижения им восемнадцати лет считается несовершеннолетним.

С СОВЕРШЕННОЛЕТИЕМ ЗАКОН СВЯЗЫВАЕТ ДЕЕСПОСОБНОСТЬ, т. е. РЕАЛИЗАЦИЮ В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, ПРОВОЗГЛАШЕННЫХ КОНСТИТУЦИЕЙ СТРАНЫ

Согласно ч. 8 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) под несовершеннолетним понимается лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста восемнадцати лет. Согласно ст. 1.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) несовершеннолетний – физическое лицо, которое на день совершения административного правонарушения не достигло возраста восемнадцати лет.

С совершеннолетием закон связывает дееспособность, т. е. реализацию в полном объеме субъективных прав и юридических обязанностей, провозглашенных Конституцией страны. Согласно ст. 20 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские

обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т. е. по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Термин «несовершеннолетний» – порождение национальных законодательств, потому что можно выделить синонимы этого термина, а именно: ребенок (употребляется в семейном праве), подросток (употребляется в психологии, педагогике, социологии), частично дееспособный (употребляется в гражданском праве) и т. д.

Малолетний. Согласно ч. 2 ст. 179 КоБС ребенок до достижения им четырнадцати лет считается малолетним. Согласно ч. 7 ст. 4 УК под малолетним понимается *лицо*, которое на день совершения преступления не достигло возраста четырнадцати лет. Согласно ст. 1.3 КоАП малолетний – *физическое лицо*, которое на день совершения административного правонарушения не достигло возраста четырнадцати лет.

В отличие от ГК Республики Беларусь, Гражданский кодекс Республики Польша закрепляет не четырнадцатилетний, а тринадцатилетний возраст наступления частичной гражданско-правовой ответственности.

Германское гражданское уложение и Гражданский кодекс Российской Федерации выделяют нижний возрастной предел. Согласно § 104 Германского гражданского уложения недееспособным считается лицо, не достигшее семилетнего возраста, а § 106 устанавливает, что несовершеннолетний от семи до восемнадцати лет ограничен в дееспособности. Пункт 2 ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации также устанавливает, что малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет частично дееспособны.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ КОНВЕНЦИЯ О ПРАВАХ РЕБЕНКА ОПРЕДЕЛЯЕТ РЕБЕНКА КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО ДО ДОСТИЖЕНИЯ ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА. ПРИ ЭТОМ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИМЕЮТ ПРИОРИТЕТ В ДАННОМ ВОПРОСЕ

Ребенок (дети) – человек в период детства. Возрастные границы детства разнятся в различных культурах, теориях жизненного цикла и юридических системах. Чаще всего ребенком называют человека от рождения до наступления половой зрелости. Девочка – ребенок женского пола; мальчик – ребенок мужского пола.

Статус «ребенка», равно как и «взрослого», варьируется в разных культурах и юридических системах. В настоящее время Конвенция о правах ребенка определяет ребенка как человеческое существо до достижения восемнадцатилетнего возраста. При этом национальные законодательства имеют приоритет в данном вопросе.

Согласно ст. 180 КоБС статус ребенка определяется Кодексом Республики Беларусь о браке и семье и другими актами законодательства Республики Беларусь.

Подросток – юноша или девушка в переходном от детства к юности возрасте. Современная наука определяет подростковый возраст в зависимости от страны (региона проживания) и культурно-национальных особенностей, а также пола (от двенадцати – четырнадцати до пятнадцати – семнадцати лет). Обычно этот возраст называют переходным (пубертатным).

Согласно ч. 3 ст. 179 КоБС несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет считается *подростком.*

ВОЗРАСТНЫЕ РАМКИ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ ОТНОСИТЬ ЛЮДЕЙ К МОЛОДЕЖИ, РАЗЛИЧАЮТСЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КОНКРЕТНОЙ СТРАНЫ. КАК ПРАВИЛО, НИЗШАЯ ВОЗРАСТНАЯ ГРАНИЦА МОЛОДЕЖИ – ЧЕТЫРНАДЦАТЬ – ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ, ВЫСШАЯ – ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ – ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Молодежь – это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности.

Возрастные рамки, позволяющие относить людей к молодежи, различаются в зависимости от конкретной страны. Как правило, низшая возрастная граница молодежи – четырнадцать – шестнадцать лет, высшая – двадцать восемь – тридцать пять лет.

Ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» определяет возрастной критерий для лиц, относящихся к категории «молодые граждане», с четырнадцати лет до тридцати одного года.

Для раскрытия ювенальных правоотношений, возникающих между несовершеннолетними и их родителями (другими законными представителями) в семье и наступающих в связи с этим правовых последствий, рассмотрим некоторые понятия *семейного права*.

Семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления (ст. 59 КоБС).

Воспитание – целенаправленное формирование личности в целях подготовки ее к участию в общественной и культурной жизни в соответствии с социокультурными нормативными моделями.

Воспитание – целенаправленный процесс формирования духовно-нравственной и эмоционально-ценностной сферы личности обучающегося. Обычно оно строится на «трех китах»: наказание (кнут), поощрение (пряник), личный пример воспитателя.

Согласно ст. 75 КоБС родители осуществляют воспитание детей. Они обязаны заботиться о физическом, духовном и нравственном развитии детей, об их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе.

Все вопросы о формах и методах воспитания детей, получении ими образования, об отношении к религии, организации свободного времени и иные вопросы воспитания детей решаются обоими родителями по взаимному согласию. При отсутствии согласия спор разрешается органом опеки и попечительства с участием родителей. Решение органа опеки и попечительства может быть обжаловано в суде.

Ненадлежащее воспитание выражается в отсутствии заботы и внимания к детям со стороны родителей (усыновителей, опекунов, попечителей); в нежелании создать образец правомерного поведения со стороны родителей (усыновителей, опекунов, попечителей) или одного из них, а также надлежащие условия для воспитания, физического и духовного развития; в невозможности их положительного воздействия на детей[6].

[6] *Стрижак М. С. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними… С. 5.*

Согласно ст. 67 КоБС родители, а также иные лица и организации, принимающие участие в воспитании и содержании детей, в соответствии с законодательством Республики Беларусь несут ответственность за ненадлежащие воспитание и содержание детей.

Воспитание и содержание ребенка признаются ненадлежащими, если не обеспечиваются права и законные интересы ребенка, в том числе если ребенок находится в социально опасном положении.

Лишение родительских прав. Согласно ст. 80 КоБС родители или один из них могут быть лишены родительских прав в отношении несовершеннолетнего ребенка, если будет установлено, что:

- они уклоняются от воспитания и (или) содержания ребенка;
- они злоупотребляют родительскими правами и (или) жестоко обращаются с ребенком;
- они ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка;
- они отказались от ребенка и подали письменное заявление о согласии на усыновление при их раздельном проживании с ребенком;
- в течение шестимесячного срока после отобрания у них ребенка не устранены причины, указанные в ч. 1 ст. 851 КоБС, которые стали основанием для отобрания.

В случае если установлено, что родители (единственный родитель) ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка; являются хроническими алкоголиками или наркоманами либо иным образом ненадлежаще выполняют свои обязанности по воспитанию и содержанию ребенка, в связи с чем он находится в социально опасном положении, комиссия по делам несовершеннолетних районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по месту нахождения ребенка в трехдневный срок принимает решение о признании ребенка нуждающимся в государственной защите, об отобрании ребенка у родителей (единственного родителя), об установлении ему статуса детей, оставшихся без попечения родителей, о помещении ребенка на государственное обеспечение.

Лишение родительских прав производится только в судебном порядке. Дела о лишении родительских прав рассматриваются с обязательным участием прокурора и представителя органа опеки и попечительства.

Алименты – средства на содержание. Основой алиментных обязательств всегда являются брачно-семейные отношения. КоБС определен круг лиц, имеющих право на получение алиментов, а также лиц, обязанных их уплачивать; размер алиментов и сроки их выплаты (ст. 91–115).

Брачный возраст. Согласно ст. 18 КоБС брачный возраст устанавливается в восемнадцать лет. В исключительных случаях, обусловленных беременностью, рождением ребенка, а также в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия орган, регистрирующий акты гражданского состояния, может снизить лицам, вступающим в брак, брачный возраст, но не более чем на три года.

СНИЖЕНИЕ БРАЧНОГО ВОЗРАСТА ПРОИЗВОДИТСЯ ПО ЗАЯВЛЕНИЮ ЛИЦ, ВСТУПАЮЩИХ В БРАК. ПРИ ЭТОМ СОГЛАСИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ПОПЕЧИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРАКА НЕ ТРЕБУЕТСЯ

Снижение брачного возраста производится по заявлению лиц, вступающих в брак. При этом согласия родителей, попечителей несовершеннолетних на заключение брака не требуется.

Имущественные правоотношения родителей и детей. К имущественным правам и обязанностям родителей относятся права и обязанности по управлению делами и имуществом несовершеннолетних детей, обязанности по предоставлению содержания несовершеннолетним детям, нуждающимся в помощи нетрудоспособным совершеннолетним детям, а также обязанности по возмещению расходов на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (ст. 88 КоБС).

Родители имеют право совершать от имени ребенка в возрасте до четырнадцати лет имущественные сделки, давать согласие на совершение сделок с детьми в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также управлять имуществом ребенка до достижения им совершеннолетия как законные представители (ч. 1 ст. 89 КоБС).

Дети-сироты – дети, у которых умерли оба или единственный родитель (ч. 1 ст. 116 КоБС).

Дети, оставшиеся без попечения родителей, – дети, которые остались без попечения единственного или обоих родителей вследствие:

- лишения родителей родительских прав;
- отобрания их у родителей без лишения родительских прав;
- признания родителей недееспособными, ограниченно дееспособными, безвестно отсутствующими, объявления их умершими;
- нахождения родителей в розыске, в местах содержания под стражей;
- болезни родителей, препятствующей выполнению ими родительских обязанностей;
- отбывания родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, ограничения свободы, ареста;
- оставления детей родителями в организациях здравоохранения;
- согласия родителей на усыновление детей при отказе родителей от детей и их раздельном проживании с детьми;
- отсутствия попечения родителей по иным причинам (ч. 1 ст. 116 КоБС).

Детьми, оставшимися без попечения родителей, также являются дети, которые обнаружены брошенными.

Усыновление – основанный на судебном решении юридический акт, в силу которого между усыновителем и усыновленным возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми (ст. 119 КоБС).

Усыновление является приоритетной формой устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах с соблюдением требований КоБС, а также с учетом возможностей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие.

Усыновлению подлежат дети, единственный (один) или оба родителя которых умерли, лишены родительских прав, дали согласие на усыновление ребенка, признаны в судебном порядке недееспособными, безвестно отсутствующими или умершими, неизвестны.

Усыновление братьев и сестер разными лицами, как правило, не допускается, за исключением случаев, когда усыновление отвечает интересам детей (ст. 120 КоБС).

Усыновителями могут быть совершеннолетние лица обоего пола, а также несовершеннолетние лица, которые приобрели в соответствии с законодательством Республики Беларусь полную дееспособность, за исключением:

- лиц, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными;
- супругов, один из которых признан судом недееспособным или ограниченно дееспособным;
- лиц, лишенных судом родительских прав или ограниченных судом в родительских правах;
- лиц, отстраненных от обязанностей опекуна, попечителя за ненадлежащее выполнение возложенных на него обязанностей;
- бывших усыновителей, если усыновление отменено судом по их вине;
- лиц, которые на момент усыновления не имеют дохода, обеспечивающего усыновляемому ребенку прожиточный минимум, установленный на территории Республики Беларусь;
- лиц, не имеющих постоянного места жительства, а также жилого помещения, отвечающего установленным санитарным и техническим требованиям;
- лиц, имеющих на момент усыновления непогашенную или неснятую судимость за умышленные преступления, а также лиц, осуждавшихся за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления против человека;
- лиц, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять родительские права и обязанности;
- лиц, дети которых были признаны нуждающимися в государственной защите в связи с невыполнением или ненадлежащим выполнением данными лицами своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей в соответствии с ч. 1 ст. 851 КоБС.

Разница в возрасте между усыновителем и усыновляемым ребенком должна быть не менее шестнадцати лет. При усыновлении ребенка отчимом (мачехой), а также по иным причинам,

признанным судом уважительными, разница в возрасте может быть сокращена (ст. 126 КоБС).

Для усыновления ребенка необходимо согласие его родителей (ст. 127 КоБС).

Опека и попечительство устанавливаются для воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также для защиты личных неимущественных и имущественных прав и законных интересов этих детей (ч. 1 ст. 142 КоБС).

Органами опеки и попечительства являются местные исполнительные и распорядительные органы (ч. 1 ст. 143 КоБС).

В соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь опека устанавливается над малолетними (ст. 144 КоБС), а попечительство – над несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (ст. 145 КоБС).

В СООТВЕТСТВИИ С ГРАЖДАНСКИМ КОДЕКСОМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОПЕКА УСТАНАВЛИВАЕТСЯ НАД МАЛОЛЕТНИМИ, А ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО – НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В ВОЗРАСТЕ ОТ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ДО ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ

При временном отсутствии родителей по уважительным причинам (командировка, болезнь и т. п.), если ребенок оставлен ими на попечение родственников или других близких лиц, установление опеки или попечительства необязательно. При длительном (более шести месяцев) отсутствии родителей опека или попечительство над их детьми устанавливается, если это необходимо в интересах детей (ст. 149 КоБС).

Опекунами и попечителями могут быть совершеннолетние лица обоего пола, а также несовершеннолетние, приобретшие в соответствии с законодательством Республики Беларусь полную дееспособность, за исключением:

- лиц, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными;
- лиц, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять права и выполнять обязанности опекуна, попечителя;
- лиц, лишенных судом родительских прав;
- бывших усыновителей, если усыновление было отменено вследствие ненадлежащего выполнения усыновителем своих обязанностей;
- лиц, отстраненных от обязанностей опекуна или попечителя за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей;
- лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость за умышленные преступления, а также лиц, осуждавшихся за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления против человека;

- лиц, дети которых были признаны нуждающимися в государственной защите в связи с невыполнением или ненадлежащим выполнением данными лицами своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей в соответствии с ч. 1 ст. 851 КоБС (ч. 1 ст. 153 КоБС).

При выборе *опекуна или попечителя* должны быть приняты во внимание его личные качества, способность к выполнению обязанностей опекуна или попечителя, отношения, существующие между ним, членами его семьи и лицом, нуждающимся в опеке или попечительстве, а также, если это возможно, желание подопечного (ч. 1 ст. 152 КоБС). На практике чаще всего опекунами и попечителями назначаются близкие родственники несовершеннолетнего (дедушка, бабушка, сестра, брат, тетя, дядя и т. п.)[7].

[7] *Тихиня В. Г. Семья и закон. С. 272.*

Опекуны и попечители обязаны заботиться о содержании несовершеннолетних, защищать их права и законные интересы, имеют право и обязаны воспитывать подопечных, заботиться об их физическом развитии и обучении, готовить их к общественно полезному труду (ч. 1 ст. 157 и ч. 1 ст. 158 КоБС).

Граждане, назначенные *опекунами, попечителями*, обязаны проживать совместно со своими несовершеннолетними подопечными (ч. 5 ст. 158 КоБС).

Опекуны являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все необходимые сделки (ч. 1 ст. 160 КоБС). *Попечители* оказывают подопечным содействие при осуществлении ими своих прав и выполнении обязанностей, а также охраняют их от злоупотреблений со стороны третьих лиц (ч. 2 ст. 160 КоБС). *Попечители* над несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет дают согласие на совершение тех сделок, которые по закону несовершеннолетний не вправе совершать самостоятельно (ч. 3 ст. 160 КоБС).

В случае ненадлежащего выполнения *опекуном или попечителем* возложенных на него обязанностей без уважительных причин орган опеки и попечительства отстраняет опекуна или попечителя от выполнения этих обязанностей (ч. 1 ст. 168 КоБС).

Приемная семья является формой устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей[8].

[8] *Об утверждении Положения о приемной семье…*

Приемная семья образуется на основании договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью и трудового договора. Договор о передаче ребенка (детей) и трудовой договор заключаются между органами опеки и попечительства

и приемными родителями (супругами или отдельными гражданами, желающими взять детей на воспитание в семью)[9].

На воспитание в приемную семью передается ребенок (дети), не достигший (не достигшие) совершеннолетия, на срок, предусмотренный указанным договором (ст. 169 КоБС).

[9] Об утверждении формы договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в приемную семью…

Приемными родителями могут быть совершеннолетние лица обоего пола, за исключением:

- лиц, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными;
- лиц, в судебном порядке лишенных родительских прав или ограниченных в родительских правах;
- отстраненных от обязанностей опекуна, попечителя за ненадлежащее выполнение обязанностей, возложенных на них законом;
- бывших усыновителей, если усыновление отменено судом по их вине;
- лиц, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять права и обязанности по воспитанию ребенка;
- лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость за умышленные преступления, а также лиц, осуждавшихся за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления против человека;
- лиц, дети которых были признаны нуждающимися в государственной защите в связи с невыполнением или ненадлежащим выполнением данными лицами своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей в соответствии с ч. 1 ст. 851 КоБС (ч. 1 ст. 173 КоБС).

Подбор приемных родителей осуществляется органами опеки и попечительства (ч. 3 ст. 173 КоБС). Приемные родители по отношению к принятому на воспитание ребенку (детям) обладают правами и обязанностями опекуна, попечителя (ч. 5 ст. 173 КоБС).

НА ВОСПИТАНИЕ В ПРИЕМНУЮ СЕМЬЮ ПЕРЕДАЕТСЯ РЕБЕНОК (ДЕТИ), НЕ ДОСТИГШИЙ (НЕ ДОСТИГШИЕ) СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ, НА СРОК, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ УКАЗАННЫМ ДОГОВОРОМ

Патронатное воспитание детей – воспитанников детских интернатных учреждений – форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семью патронатного воспитателя при распределении обязанностей по защите прав и законных интересов ребенка между патронатным воспитателем, органом опеки и попечительства и учреждением, передающим ребенка на патронатное воспитание.

Опека, попечительство над несовершеннолетними, переданными на патронатное воспитание, сохраняются

до достижения ими совершеннолетия за руководителями детских интернатных учреждений, в которых находились дети на момент передачи их на патронатное воспитание.

Патронатный воспитатель отвечает за жизнь, здоровье, воспитание и образование ребенка в период проживания ребенка в его семье.

Ребенок помещается в семью патронатного воспитателя на основании трудового договора, заключаемого патронатным воспитателем с учреждением, воспитанником которого является ребенок (ст. 175 КоБС).

ПАТРОНАТНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ ОТВЕЧАЕТ ЗА ЖИЗНЬ, ЗДОРОВЬЕ, ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ РЕБЕНКА В ПЕРИОД ПРОЖИВАНИЯ РЕБЕНКА В ЕГО СЕМЬЕ

Положение о патронатном воспитании утверждается Правительством Республики Беларусь.

В семье между родителями и детьми возникают еще и имущественные правоотношения – алиментные правоотношения, урегулированные семейным законодательством. Кроме того, многие вопросы ювенальных правоотношений, в частности имущественные правоотношения, регулируются нормами *гражданского права*.

Ювенальные правоотношения, урегулированные нормами гражданского права, обусловлены, с одной стороны, общим статусом человека, а с другой – его общегражданским статусом, носителем имущественных прав и обязанностей.

Правосубъектность включает в себя две составляющие: правоспособность и дееспособность[10].

[10] *Витушко В. А. Курс гражданского права… С. 378.*

Дееспособность несовершеннолетних – их возможность самостоятельно совершать юридические действия по приобретению прав и освобождению от обязательств, т. е. самостоятельно заключать такие сделки, которые не противоречат законодательству и не причиняют несовершеннолетнему ущерб.

Деликтоспособность – вид гражданской дееспособности, способность своими действиями создавать обязанности в виде гражданско-правовой ответственности, способность нести ответственность за правонарушение.

Эмансипация (полная дееспособность). В гражданском праве под эмансипацией понимается объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным. В соответствии со ст. 26 ГК несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью.

Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) производится по решению органов опеки

и попечительства с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя, а при отсутствии такого согласия – по решению суда. Объявление несовершеннолетнего эмансипированным по решению суда осуществляется в порядке, предусмотренном ст. 377 и 378 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь.

Родители, усыновители и попечитель не несут ответственности по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего, в том числе по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда. Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними лицами, должно базироваться на основополагающих принципах гражданского права[11].

[11] *Витушко В. А. Курс гражданского права… С. 112.*

В силу положений ст. 20 ГК гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме с момента принятия решения об эмансипации (Положение о порядке рассмотрения органами опеки и попечительства обращений граждан об объявлении их полностью дееспособными (эмансипации) утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь 7 марта 2006 г.).

Вина в гражданском праве – условие (основание) гражданско-правовой ответственности. В ст. 372 ГК закреплен общий принцип наступления ответственности лица, не исполнившего обязательство либо исполнившего его ненадлежащим образом в результате своего виновного поведения, кроме случаев, когда законодательством или договором предусмотрены иные основания ответственности.

В деликтных обязательствах (обязательствах вследствие причинения вреда) вина проявляется в форме умысла или неосторожности. По общему правилу ответственность наступает при наличии любой формы вины. Потерпевший при этом не должен доказывать наличие вины лица, причинившего вред (презумпция вины причинителя вреда). Однако последний вправе доказывать отсутствие своей вины[12].

[12] *Подгруша В. Юридический словарь современного гражданского права…*

Убытки. В соответствии с гражданским законодательством под убытками понимается ущерб, выраженный в денежной форме, причиненный лицу в результате неправомерного действия или бездействия другого лица.

Предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных,

переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления (ст. 1 ГК).

Индивидуальный предприниматель. В соответствии с п. 1 ст. 22 ГК индивидуальным предпринимателем является гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица и зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя.

Индивидуальный предприниматель (несовершеннолетний). В соответствии со ст. 26 ГК несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью.

Порядок регистрации несовершеннолетнего гражданина в качестве индивидуального предпринимателя следующий: с четырнадцати до шестнадцати лет он занимается предпринимательской деятельностью с согласия своих законных представителей, получая при этом от них каждый раз соответствующее письменное разрешение на совершение сделки. В шестнадцать лет органы опеки и попечительства выносят решение о его эмансипации, после чего он регистрируется в установленном действующим законодательством порядке в качестве индивидуального предпринимателя. Родители, усыновители и попечитель не несут ответственности по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего, в том числе по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда (п. 2 ст. 26 ГК). Закон не предусматривает последующего ограничения дееспособности эмансипированного лица. Однако при наличии оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 25 ГК, необходимо предоставить суду такое право, если подросток злоупотребляет или явно неразумно распоряжается полученными денежными средствами.

Список использованных источников

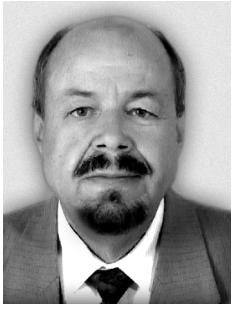
1. Витушко, В. А. Курс гражданского права. Общая часть: в 5 т. / В. А. Витушко. – Минск: БГЭУ, 2002. – Т. 2. – 717 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.: в ред. от 9 февр. 2009 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.
3. Гражданское уложение Германии: ввод. закон к Гражд. уложению / науч. ред. А. Л. Маковский [и др.]. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 729 с.
4. Нерсесянц, В. С. Философия права: учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – М.: НОРМА, 2000. – 652 с.
5. Об утверждении Положения о приемной семье: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 окт. 1999 г., № 1678.
6. Об утверждении формы договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в приемную семью и образца удостоверения, выдаваемого приемным родителям: приказ Министерства образования Респ. Беларусь, 24 нояб. 1999 г., № 701.
7. Подгруша, В. Юридический словарь современного гражданского права (от «А» до «Я») / В. Подгруша // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
8. Сокол, С. Ф. Зарождение и становление Европейской юриспруденции: Древняя Греция, Рим, Средневековье: монография / С. Ф. Сокол. – Минск: БИП-С Плюс, 2011. – 196 с.
9. Сокол, С. Ф. Защита чести и достоинства гражданина в судебном порядке / С. Ф. Сокол, В. Н. Паращенко. – Минск: Веды, 1998. – 108 с.
10. Стрижак, М. С. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / М. С. Стрижак; Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск, 2009. – 24 с.
11. Тихиня, В. Г. Семья и закон / В. Г. Тихиня, М. Г. Бруй. – Минск: Право и экономика, 2007. – 346 с.
12. Kodeks cywylny: data ogloszenia 18.05.1964 r.: data wejścia w życie 01.01.1965 r. // Dziennik Ustaw. – 1964. – № 16. – Poz. 93.

Дата паступлення ў рэдакцыю 20.03.2011.

УДК 323.28

А. П. Мельников

ТЕРРОРИЗМ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ



Мельнікаў Адам Пятровіч *– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта БДУ. Аўтар больш за 200 навуковых прац, у тым ліку 20 манаграфій і вучэбных дапаможнікаў. Займаецца даследаваннем праблем паліталогіі, культуры, мясцовага самакіравання.*

Терроризм в наши дни из уголовного преступления превратился в одно из средств достижения политических целей. Он широко используется для устрашения политических противников, не случайно его называют чумой XX столетия[1].

Сегодня терроризм дает о себе знать практически во всех уголках земного шара. Явлением мирового масштаба он стал с 80-х годов XX века. Это объясняется расширением и глобализацией международных связей и взаимодействия в различных областях. В результате терроризм превратился в одну из самых опасных по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно-политических и моральных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие.

В Беларуси закон о «О борьбе с терроризмом» был принят в январе 2002 г., хотя до недавних пор нам удавалось избегать масштабных проявлений терроризма на территории страны. Однако 11 апреля 2011 г. в минском метро был совершен террористический акт, в результате которого пострадало в общей сложности более 200 человек, из них 14 погибли и 167 были госпитализированы[2]. Как видим, ситуация изменилась.

Проблема терроризма активно исследуется правоведами России и Беларуси. В нашей стране ей посвящены работы И. И. Басецкого, Н. А. Легенченко, А. Ф. Вишневского, А. А. Вишневского, В. Г. Тихини и др. В России этой проблемой занимаются такие исследователи, как А. Брасс, В. И. Белоножкин, Г. А. Остапенко, В. И. Блищенко, В. И. Занковой, Ю. М. Колосов, Л. А. Моджорян, В. А. Соснин и др.

[1] *Павлов С. Паучья тактика. С. 52.*

[2] *Швед А. По факту взрыва в метро обвинение в терроризме предъявлено двум белорусам.*

Таким образом, эта проблема на постсоветском пространстве активно исследуется с юридической точки зрения, в то время как политологический аспект не стал объектом пристального внимания ученых.

В современном мире существует около 500 террористических групп и организаций, которые преследуют разнообразные цели и используют всевозможные средства для их достижения[3].

Опасность терроризма усиливается тем, что происходит его сращивание с организованной преступностью. Для достижения своих целей террористы используют финансовую «подпитку», поставив на поток такие виды преступлений, как продажа наркотиков, торговля оружием, работорговля и др.

Терроризм – не самоцель, а всегда средство добиться желаемого развития событий – дестабилизации общества, революции, обретения национальной независимости, доминирования той или иной конфессии, падения престижа власти, политических уступок со стороны власти, а иногда и развязывания войны с иностранным государством. Тем самым терроризм превратился в фактор, серьезно дестабилизирующий нормальное развитие международных отношений. Особую опасность могут представлять террористические посягательства с использованием ядерных и иных средств массового поражения. Следовательно, терроризм можно рассматривать как внутреннюю проблему той или иной страны, так и явление международное.

Каковы причины терроризма? Поскольку терроризм – феномен многоплановый, он может иметь глубокие социальные, экономические и политические корни. Как отмечают исследователи, причины этого явления, а также факторы, способствующие ему, «носят системный характер и порой являются специфичными для каждого государства, столкнувшегося с терроризмом»[4]. Как мы уже отмечали, для многих групп людей, политических структур или организаций терроризм стал способом решения проблем политических, национальных, религиозных.

В научной литературе встречаются попытки напрямую увязать рост терроризма с бедностью, социальным неблагополучием и низким культурным уровнем определенных региональных, этнических или религиозных групп. Однако в замкнутых традиционных сообществах, например, Экваториальной, Южной Африки или у индейцев латиноамериканского континента, находящихся на крайне низком уровне

[3] *Ярмоленко В. По данным спецслужб, в мире насчитывается около 500 групп и организаций, использующих в своей деятельности методы террора.*

[4] *Григорьев А. И. Анализ отечественных принципов противодействия терроризму. С. 2443.*

экономического и социального развития, нет ничего похожего на политический терроризм. Вместе с тем эти явления заметны в обществах, вступивших на путь трансформаций, они концентрируются в определенных слоях социума, характеризующихся сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни. Проявления экстремизма нарастают в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен, модернизаций.

Политическая жизнь свидетельствует о том, что бесцельного терроризма не бывает. Террористические акты всегда носят целевую и адресную направленность: «Террористы осуществляют свои действия против высокопоставленных лиц государства, деятелей экономики или иностранных представителей, с тем, чтобы посредством их устранения либо изменить политическую ситуацию, либо обратить внимание на крупные недостатки в государстве. Распространенной мишенью террористических акций выступают символы, имеющие значение для той или иной страны. Речь идет, как правило, о зданиях, которые олицетворяют экономическую, политическую или военную мощь страны. К этой группе терактов можно отнести нападение на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке или представительство международных организаций в арабских странах. Говоря о террористических акциях, которые, на первый взгляд, кажутся безадресными, следует отметить, что они чаще всего происходят на почве религиозной, национальной или этнической ненависти»[5].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ТОМ, ЧТО БЕСЦЕЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА НЕ БЫВАЕТ

[5] *Миронова Д. Терроризм, антитеррористическое законодательство и основные права и свободы граждан. С. 50.*

Характерной особенностью современного мирового развития является усиление процессов глобализации. Глобальные процессы проникли во все сферы политической и социально-экономической жизни, охватили разные континенты и страны мира. Государства и общества становятся взаимозависимыми. Новые глобальные средства и системы связи определяют мощность и интенсивность потоков информации в глобализирующемся мире, но при этом снижают значимость государственных границ и традиционных средств защиты стран от терроризма. Все это способствует росту международного, транснационального терроризма.

На международной арене развертывается конфликт двух типов цивилизаций (мусульманской и европейской), проявившийся практически во всех сферах мусульманского общества и показавший невозможность слепого, механического перенесения западных ценностей на исламскую почву. Приверженцы

ислама не приемлют европейского, а тем более американского, образа жизни. Он представляется им аморальным, греховным и бесчеловечным. В свою очередь представители западной цивилизации убеждены в универсальном характере своей культуры и полагают, что их превосходящая мощь налагает на них обязанность распространять эту культуру по всему миру. Если в XX веке главной осью мирового противостояния была идеология двух сверхдержав, то сегодня на их место пришло религиозное размежевание двух цивилизаций – христианской и мусульманской. Религиозно-этнические конфликты характеризуются особой остротой, трудной преодолимостью и необратимостью по причине того, что религия выполняет охранительную функцию в защите национальной культуры. Отсюда и усиление международного терроризма. Исследователи отмечают: «Транснациональный терроризм стремится переустроить мир на иных, более справедливых, по мнению террористов, началах, основанных на отдельных положениях ислама. Таким образом, транснациональный терроризм – это метод реализации альтернативного глобального проекта политического развития, что, безусловно, беспрецедентно масштабная задача. Террористы, действующие под флагом радикального ислама, фактически предлагают миру глобальный проект мироустройства, альтернативный западному»[6].

[6] *Современные глобальные проблемы мировой политики. С. 180.*

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что связь между терроризмом и исламом далеко не однозначна. Часто происходит смешение идеологии исламизма как радикальной, крайней формы бытования ислама (исламский фундаментализм) и идей ислама как религиозного мировоззрения. Как мировая религия, ислам изначально никогда не проповедовал использование насилия как средства решения социальных проблем. Возникновение религиозно-политических учений исламистского толка является не свидетельством эволюции ислама в сторону экстремизма, а результатом появления организаций, присвоивших себе право выступать единственными выразителями интересов мусульман.

Надо сказать, что внутри мусульманского мира издавна сложились две тенденции политического развития: религиозный фундаментализм и светский модернизм. Представители первой ориентируются на создание всемирного исламского сообщества – халифата (уммы), теократического государства, которое бы жило по законам шариата; второе течение в целом принимает западную политическую доктрину, но с учетом своей религиозной специфики. При этом «соперничество этих

двух тенденций развития можно… проследить в современном Ближнем Востоке. Современные светские религии существуют в Египте, Ливии, Пакистане, Сирии. До недавнего времени такой режим существовал в Ираке. Исламские режимы включают Иран, Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, а также Афганистан под властью исламистского движения «Талибан»[7].

[7] *Современные глобальные проблемы мировой политики. С. 185.*

Ныне исламский фундаментализм, прежде всего в крайних его формах типа ваххабизма, развивается под лозунгом возрождения идеального исламского общества, основанного на строжайшем соблюдении всех законов шариата, которое противопоставляется западноевропейским ценностям. Если говорить о признаках, выделяющих исламский фундаментализм из русла умеренного ислама, то их можно было бы определить следующим образом: непримиримость к гражданскому светскому обществу и стремление к его замене исламским; недопустимость раздельного существования религии и государства; отрицание единства глобальной цивилизации наряду с противопоставлением исламской зоны остальному миру; нетерпимость к международному праву; отрицание таких его ключевых положений, как территориальная целостность, незыблемость государственных границ и др.

Фундаменталисты во главу своей деятельности ставят принцип «джихада» (буквально это слово означает усилия, которые мусульмане должны прилагать как для защиты своей веры, так и для самосовершенствования, неотступного следования заветам пророка), под которым понимают необходимость борьбы с христианским (в их глазах безбожным) и материалистическим западным миром.

ОТЛИЧИТЕЛЬНОЙ ОСОБЕННОСТЬЮ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФУНДАМЕНТАЛИСТОВ СТАЛО ШИРОКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТАХ СМЕРТНИКОВ-ШАХИДОВ

Отличительной особенностью современной террористической деятельности фундаменталистов стало широкое использование в террористических актах смертников-шахидов. Радикальными исламскими теоретиками разработана целая концепция, дающая разрешение на террористический акт шахида как на священную необходимость жертвы своей жизни во имя Аллаха.

Исламистские террористические группировки широко и активно контактируют между собой. Только на территории Афганистана объединенными усилиями международных террористов была развернута сеть из 28 лагерей по подготовке боевиков – выходцев с Северного Кавказа, государств Центральной Азии, наемников из стран Ближнего Востока,

Северной Африки и даже США. Территория Афганистана была фактически превращена в центральный плацдарм для развертывания глобальной борьбы за воссоздание «Великого Халифата», в который предполагалось включить Северную Африку, Аравийский полуостров, страны Ближнего и Северного Востока, западную часть Индии, Центральную Азию, Закавказье, Северный Кавказ[8].

Как свидетельствует обширная мировая практика, радикальный ислам не остановится в фиксированных границах географического проживания определенной общности мусульман, поскольку для его представителей, как уже было сказано, заветная мечта состоит в объединении всей мусульманской уммы мира в рамках единого государственного образования – халифата. В этом случае неизбежным представляется процесс «растекания» исламской радикальной идеологии и практики на другие мусульманские территории как по всему миру, так и в рамках России и СНГ.

В России первопричиной обострившихся за последние годы проблем экстремизма и терроризма является то, что страна за относительно короткий промежуток времени переместилась из одного исторического периода в другой, в результате чего радикально изменилось государственное устройство, институты власти и ее атрибуты. В целом исчезла прежняя политическая система, а новая внедряется в определенной степени с общественным отторжением; стремительно меняются соотношения форм собственности и вся совокупность социальных взаимоотношений; нарастают межнациональные противоречия внутри страны и проблемы с бывшими республиками СССР, ныне суверенными государствами. Коренным образом изменилось и положение Российской Федерации в мировом сообществе, ее взаимоотношения с иностранными государствами. Не определены принципы национальной идеологии, национальной идеи. В целом ослаблен духовный потенциал нации – основа развития государства. Этот идейный вакуум поспешили использовать внешние силы, прежде всего США, Турция и арабские страны для осуществления геополитической экспансии[9].

ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛУЧИЛИ ОПРЕДЕЛЕННУЮ СВОБОДУ ДЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ СВОИХ ЭМИССАРОВ В РОССИЮ С ЦЕЛЬЮ ВЕРБОВКИ ИМИ СТОРОННИКОВ ИЗ ЧИСЛА РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН, КОТОРЫХ ЭТИ ЭМИССАРЫ СНАБЖАЮТ ОРУЖИЕМ, МАТЕРИАЛЬНЫМИ И ФИНАНСОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Российская Федерация испытывает серьезнейшее влияние на внутреннюю ситуацию со стороны стран дальнего и ближнего зарубежья. Так, в условиях ослабления пограничного режима и практически неконтролируемого передвижения

[8] *Кондратьев В. Активизация деятельности исламских экстремистских организаций. С. 3.*

[9] *Бахтеева А. Политический государственный терроризм как инструмент внешней политики. С. 256–257.*

различных категорий лиц внутри СНГ зарубежные террористические формирования получили определенную свободу для направления своих эмиссаров в Россию с целью вербовки ими сторонников из числа российских граждан, которых эти эмиссары снабжают оружием, материальными и финансовыми средствами.

Значительное распространение получил политизированный ислам на территории Северного Кавказа, в местах компактного проживания населения, традиционно исповедующего мусульманскую веру. Радикализации ислама в последние годы способствовали кризисы, связанные с политическими и экономическими реформами в стране и принесшие с собой резкое имущественное расслоение населения, безработицу, ослабление контроля центральной власти, межнациональные конфликты.

Усиливается выход исламского экстремизма к границам внутренней России через территорию среднеазиатских республик, достаточно быстро попавших под влияние радикальных исламских течений и ставших плацдармом для их проникновения в российское идеологическое пространство.

В целом, как уже было сказано, глобализационные процессы в мире существенно отразились на состоянии терроризма. Экономическое положение в странах исламского региона, уровень жизни населения мусульманского Востока характеризуется нарастанием кризисных явлений. Снижение экономической активности населения, безработица и нищета способствуют пополнению рядов террористов, распространению террористических действий по всему миру. Безработица и обнищание вызвали рост миграции населения мусульманских стран в Европу и США, где возникли их многочисленные общины. Реальность такова, что «глобализации по-американски», распространяющейся западной цивилизацией, уже противостоит глобализация «по-мусульмански».

ТЕРРОРИЗМ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ, ПРОВЕДЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ, НО И ВЫСОКОРЕНТАБЕЛЬНЫЙ БИЗНЕС

Также не следует забывать о том, что терроризм – это не только средство разрешения политических конфликтов, проведения определенной политики, но и высокорентабельный бизнес. Нельзя все списывать на политический или религиозный экстремизм. Например, ваххабитская идеология во многих случаях лишь ширма, за которой скрываются алчные аппетиты бандитов, желающих любым путем обогатиться за счет выкупов, которые они получают в обмен на освобождение

заложников. Как отмечают исследователи, например, профессор РГГУ, специалист по истории террора Д. Фельдман, «современный терроризм – это хорошо организованный бизнес. Он давно не имеет отношения к расхожим религиозным или политическим брендам (ислам, борьба за независимость и т. д.), а лишь выступает под их личинами. Есть люди, готовые за деньги организовывать теракты. Есть финансисты, готовые за это платить, причем они с одинаковым успехом могут сидеть в горах Афганистана или в офисе в лондонском Сити»[10].

[10] *Фельдман Д. Бизнес на крови. С. 1.*

Рассмотрим основные источники финансирования террористов. К ним, прежде всего, относится помощь государств, использующих террористов в качестве инструмента для достижения своих целей, которые самим террористам могут быть совершенно чуждыми. Так, при поддержке руководства США был создан основной очаг международного терроризма – режим талибов в Афганистане. Вот что пишут специалисты: «Если посмотреть, из каких источников в течение последнего десятилетия черпали основные финансовые и идеологические ресурсы внесистемные активисты, различные группы и силы, которые подвергают сомнению статус-кво в виде современных государств, то обнаружится, что именно с территории США поступают основные финансовые и идеологические ресурсы террористической деятельности. Хотя там и был принят закон против терроризма, но именно с этой территории поступали аргументы и деньги для закупок оружия для вооруженных сепаратистов во многих регионах мира: от Ольстера до Косово, включая Чечню и Афганистан»[11].

[11] *Тишков А. А. Социально-культурный аспект терроризма. С. 508.*

Важный источник финансирования террористов – это спонсорство частных лиц через разного рода землячества, общества гуманитарной помощи, религиозные организации и т. д. Несмотря на то, что многие в «третьем мире» отвергают ценности Запада, это не мешает им осваивать «западный» капитализм и наживать капитал. Примером в этом отношении может служить деятельность Усамы бен Ладена, миллионера из Саудовской Аравии, который начинал как спонсор афганских моджахедов, а затем встал в их ряды.

В последние годы терроризм все больше переходит как бы на самообеспечение. Как уже отмечалось, речь идет о втягивании террористических организаций в бурно растущие международные криминальные промыслы: наркобизнес, нелегальную миграцию, контрабанду ценных ископаемых и т. д. Чтобы «отмывать» криминальные доходы, террористические организации создают прикрытия в виде легальных бензоколонок,

супермаркетов, транспортных и прочих компаний. В результате подобной коммерциализации борьба за идею отступает на второй план, терроризм приобретает черты обычной мафии. Сращивание политического терроризма с общеуголовной преступностью – характерная черта современного международного терроризма.

Что же такое международный терроризм и чем он отличается от внутригосударственного терроризма? Международный терроризм по содержанию и основным формам проявления такой же сложный социально-политический феномен, как и терроризм в целом, причем его общественная опасность на протяжении последних лет неуклонно возрастает. Он находит проявление в организации и осуществлении террористических актов против граждан и имущества другой страны ради устрашения ее населения или государственной власти в целом, получения различных выгод или преимуществ, принятия незаконных решений, устрашения политических или религиозных деятелей, причинения ущерба, а также мести.

СРАЩИВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА С ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ – ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

В тех случаях, когда такие факты существуют и доказаны, государство, поддерживающее или инспирирующее акции международного терроризма и его организации, в соответствии с международным правом подвергается осуждению мировым сообществом за нарушение международной безопасности, и к нему могут быть применены политические, экономические и иные санкции. Но сложность в том, что причастность того или иного государства к террористическим акциям не просто доказать. Международное сообщество в лице ООН до сих пор не смогло выработать общего понимания по вопросу о том, что такое международный терроризм. Между тем неопределенность объекта международной антитеррористической борьбы делает эту борьбу неэффективной в связи с отсутствием соответствующих международно-правовых механизмов.

Известно, что главный субъект международного терроризма – террористические группы или организации. Ими являются устойчивые объединения физических лиц, которые для достижения своих целей избрали методы террора. Формально такие структуры могут не находиться на службе у тех или иных государств и не получать официальной политической или моральной поддержки. И тем не менее у мирового сообщества нет единого мнения о том, какие организации считать таковыми. Именно по этой причине нет единого списка организаций, которые были бы признаны террористическими. В 2003 г.

в США таковыми были признаны 40 организаций, в ЕС – 33, Канаде – 26, Великобритании – 25, России – 15, в ООН – 16, и не было ни одной террористической организации, которая вошла бы сразу во все списки, включая «Аль-Каиду», отсутствовавшую в списках ООН.

По-видимому, отличительными признаками международного терроризма могут быть следующие:

- цели, объявленные террористами, касаются нескольких государств;
- преступление начинается в одной стране, а заканчивается в другой;
- средства, на которые существует та или иная преступная группировка, получены из другой страны;
- жертвами террористических акций становятся участники различных международных мероприятий;
- ущерб, нанесенный террористами, затрагивает интересы нескольких государств.

Характерными особенностями международного терроризма являются следующие: 1) формирование международных и региональных руководящих органов для решения вопросов планирования террористической деятельности, подготовки и проведения конкретных операций, организации взаимодействия между отдельными группами и исполнителями, привлекаемыми для той или иной акции; 2) создание разветвленной сети баз по подготовке боевиков и обеспечению операций в различных регионах мира, оборудование тайников, складов оружия и боеприпасов в различных странах; 3) создание сети фирм, компаний, банков, фондов, которые используются в качестве прикрытия террористов.

Таким образом, международный терроризм можно определить как незаконные предумышленные насильственные действия, осуществляемые террористическими организациями одних стран против других для достижения определенных политических, экономических и иных целей.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ КАК НЕЗАКОННЫЕ ПРЕДУМЫШЛЕННЫЕ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ОДНИХ СТРАН ПРОТИВ ДРУГИХ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ИНЫХ ЦЕЛЕЙ

Одна из важных причин терроризма в современных условиях связана с развитием технологической среды человеческого существования. В постиндустриальных обществах техногенная среда становится все более сложной и уязвимой, значительно возрастает возможность нанесения «точечного» разрушения вместе с разрушением технологической социоприродной среды. Технологический терроризм сегодня

представляет большую опасность. Он включает информационный терроризм, биотерроризм, «ядерный терроризм» и возможное использование расщепляющихся ядерных материалов и химического оружия. Террористические акты с использованием информационных систем обычно бывают направлены на ущемление экономических и иных интересов отдельных граждан, организаций и государств. Их целью может быть реализация политических, экономических и социальных требований террористов.

Объектом террористических актов на государственном уровне могут стать государственные информационные ресурсы и конфиденциальные данные информационного обмена по мировым открытым сетям. В качестве средства осуществления таких терактов используется информационное оружие, к которому относится широкий класс приемов и способов информационного воздействия на противоборствующую сторону путем дезинформации, уничтожения или хищения информации, закладки «информационных ловушек», «логических бомб», внедрения компьютерных вирусов, использования средств подавления информационного обмена в телекоммуникационных сетях, нейтрализации тестовых программ, введения ошибок в программное обеспечение и т. д.

ВАЖНЫМ УСЛОВИЕМ ТЕРРОРИЗМА ЯВЛЯЕТСЯ РЕЗОНАНС В ОБЩЕСТВЕ, ШИРОКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О ТЕРАКТЕ, ПРЕВРАЩЕНИЕ ЕГО В НАИБОЛЕЕ ОБСУЖДАЕМОЕ СОБЫТИЕ

При этом информационное оружие легко маскируется под различными видами защиты, например под видом интеллектуальной собственности, и позволяет совершать анонимные теракты. Все это делает информационное оружие чрезвычайно эффективным в руках террористов.

Определенную роль в повышении опасности терроризма играет международная миграция, которая особенно усиливается, принимает массовый характер в периоды межнациональных конфликтов, войн, революций, экологических кризисов и т. д. Одним из последствий этого процесса является конфликт между приезжими и коренным населением того или иного региона. Приезжие подчас отторгаются окружающей средой по различным причинам объективного и субъективного характера и теряют свою идентичность. В итоге они оказываются податливы на уговоры разного рода «вербовщиков» со стороны преступных группировок и могут сами становиться «благодатной средой» для подпитки терроризма и террористов.

Важным условием терроризма является резонанс в обществе, широкое распространение информации о теракте, превращение его в наиболее обсуждаемое событие, что

представляет собой ключевой элемент в тактике терроризма. Отсюда следует, что СМИ являются важным каналом распространения информации о терактах и представляют собой своеобразное оружие террористов, без которого теракты замыкались бы на непосредственных жертвах и, не получая огласки, утрачивали бы свой смысл. В этой связи следует отметить, что СМИ представляют собой не нейтральные и безучастные коммуникационные каналы информации, а обладают возможностью влиять на ход развития событий, по-разному подавая информацию о терактах, включая ее в новостные сводки или замалчивая. Тем самым в современных условиях происходит как бы «спектализация» социальной реальности[12], терроризм представляется неким театральным действом. Террористы становятся такими же телевизионными героями, как и спортсмены, звезды шоу-бизнеса, а героям принято подражать. Поэтому работа СМИ по освещению действий террористов таит в себе опасность «возвеличения» преступников и их действий, опасность вызвать к активной деятельности подражателей. Тем более что для террористов важно сочувствие их делу хотя бы части общества. В отличие от диверсантов – специально подготовленных профессионалов, которые могут работать во враждебном окружении, – террористы так же, как и партизаны, нуждаются в поддержке среди населения. Утрата этой поддержки ведет к угасанию террористической деятельности.

[12] *Кравченко С. А. Нелинейная социокультурная динамика… С. 143.*

СИСТЕМА ИНФОРМАЦИОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ ЯВЛЯЕТСЯ ВАЖНЫМ СРЕДСТВОМ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВО ВСЕМ МИРЕ

Особенно значима роль Интернета в террористической деятельности, ибо он обладает рядом преимуществ перед другими каналами распространения информации, такими как всепроникаемость, анонимность, оперативность, экономическая доступность. При использовании Всемирной паутины у террористов появляются дополнительные возможности для преступных деяний, таких, например, как поиски информации об объектах, на которых готовится теракт; сбор финансовой помощи для проведения акций, обнародование целей террористических группировок, лоббирование своих интересов, привлечение сторонников и т. д.

Таким образом, система информационных коммуникаций является важным средством эффективного взаимодействия террористических организаций во всем мире. Информационные технологии позволяют наиболее полно задействовать потенциал, который содержится в глобальных и локальных сетевых организационных формах. Короче говоря, развитие

информационных систем увеличивает финансовые, разведывательные и технические возможности террористических организаций.

Как следует из изложенного, существуют разные виды терроризма. Учитывая многообразие его форм, типология этого феномена сложна. Специалисты классифицируют терроризм по самым разным основаниям: по применению в различных сферах жизни общества, по целям, по характеру отношения к государству, по объектам применения, по географии террористических проявлений, по организационным основам, стратегическим и тактическим особенностям, по среде протекания, по формам и способам террористического воздействия, по используемым террористами методам, средствам и др.[13] Например, по характеру субъекта террористической деятельности выделяют терроризм организованный и неорганизованный, индивидуальный, групповой, государственный; по сфере совершения террористического акта – наземный, воздушный, морской, космический, информационный; по масштабу террористической деятельности – внутригосударственный, межгосударственный, международный. Формами современного терроризма могут быть необъявленные войны, экспорт революций и контрреволюций, политические убийства, ограбление банков, захват самолетов, кораблей, государственных учреждений, посольств и т. п.

[13] *Попов Е. А. Онтология терроризма. С. 777.*

Нас интересует, прежде всего, терроризм, имеющий в своей основе политическую мотивацию или хотя бы косвенно связанный с нею. В этом плане наиболее подходящей будет типология, согласно которой выделяется этнический, религиозный, экологический, международный терроризм. Этнический терроризм преследует цели решения национального вопроса, который в последнее время приобретает все больше характер сепаратистских устремлений в различных полиэтнических государствах. Он может переплетаться с другими формами незаконной насильственной деятельности – партизанской войной, восстаниями, мятежами, попытками государственного переворота. Религиозный терроризм связан с борьбой приверженцев одной религии со сторонниками другой либо преследует цель подорвать светскую власть и утвердить религиозную. Религиозный терроризм нередко переплетается с этническим. В качестве примера можно привести борьбу ирландских боевиков (ИРА), баскских сепаратистов (ЭТА) и многочисленные организации в мусульманском мире – Алжире, Ливане, Палестине, Иране, Афганистане. Экологическим

терроризмом занимаются группировки, выступающие против научно-технического прогресса, загрязнения окружающей среды, строительства ядерных объектов и т. д. О международном терроризме мы уже говорили. Существует и просто криминальный терроризм.

Какое же определение можно дать терроризму в широком смысле слова? В современном политологическом и юридическом дискурсах существуют разные мнения о сущности терроризма. Несмотря на множество публикаций по данному вопросу, до сих пор отсутствует логически безупречное, ясное по смыслу, общепринятое в международных и национальных правовых институтах универсальное определение данного феномена. Не в последнюю очередь это связано с неоднозначными оценками террористической деятельности в мировом сообществе. То, что «одни оценивают как терроризм, другие считают борьбой за свободу и национальную независимость. Поэтому для одних человек, осуществляющий некоторое действие, попадающее под определение терроризма, является террористом, для других – борцом за независимость, веру или другие ценности. Не случайно во время чеченской операции одни говорили о террористах, боевиках и т. д., а другие – о повстанцах, бойцах за независимость»[14].

[14] *Миронова Д. Терроризм, антитеррористическое законодательство и основные права и свободы граждан. С. 49–50.*

В основе большинства определений терроризма фиксируется применение насилия ради достижения определенной цели (сам термин происходит от латинского слова *terror*, означающего страх, ужас). Однако подход, согласно которому терроризм определяется исключительно как разновидность насилия, представляется недостаточным, так как в нем не проводится различие между терроризмом и другими проявлениями насилия, не характеризуются его социальные корни и следствия. Обобщив ценный материал, накопленный в публикациях различных авторов, мы можем определить терроризм как нелегитимное, аморальное экстремистское насилие в его крайних формах, применяемое для устрашения населения и властных структур ради достижения определенных целей. Любые формы проявления терроризма всегда носят антигуманный характер и сопряжены с попранием правовых и нравственных норм поведения, готовностью принести в жертву жизни многих ни в чем неповинных людей.

МЫ МОЖЕМ ОПРЕДЕЛИТЬ ТЕРРОРИЗМ КАК НЕЛЕГИТИМНОЕ, АМОРАЛЬНОЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЕ НАСИЛИЕ В ЕГО КРАЙНИХ ФОРМАХ, ПРИМЕНЯЕМОЕ ДЛЯ УСТРАШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР РАДИ ДОСТИЖЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ЦЕЛЕЙ

Каковы же основные средства и способы борьбы с терроризмом на внутригосударственном уровне? Для успешного

предупреждения и контроля над терроризмом необходимы усилия всех основных компонентов общественно-политической жизни, также нужно иметь государственно-политическую волю, чтобы добиться успехов в борьбе с этим злом. Потребность в обеспечении адекватной защиты от терроризма предполагает, прежде всего, формирование общегосударственной антитеррористической политики в целях координации и взаимодействия различных подсистем управления для противодействия терроризму. На современном этапе особенно велика опасность терроризма для России. Здесь, как отмечают исследователи, успех этой борьбы «будет прямо зависеть от комплексного, многоаспектного характера действий»[15] на всех уровнях; «создание антитеррористических комиссий или комитетов на местах, открытие телефонов доверия и особых подразделений в правоохранительных органах, расширение возможностей средств массовой информации в пропаганде антиобщественного и социально опасного характера терроризма, в освещении показательных уголовных процессов над террористами – все эти и другие меры свидетельствуют о жесткой позиции государства изменить в лучшую сторону ситуацию, связанную с предупреждением и противодействием этому явлению»[16].

[15] *Григорьев А. И. Анализ отечественных принципов противодействия терроризму. С. 2443.*

[16] *Попов Е. А. Онтология терроризма. С. 777.*

Необходимо изучать опыт иностранных государств в борьбе с терроризмом. Политическое руководство стран Западной Европы и США рассматривает противодействие терроризму в качестве одной из важнейших общегосударственных задач. Основными направлениями деятельности в этой области являются совершенствование правовой базы, усиление взаимодействия между соответствующими органами власти и управления, формирование специальных подразделений и увеличение численности сотрудников, занимающихся проблемой терроризма, улучшение их технической оснащенности.

Расширение и углубление угроз международного организованного терроризма заставляет мировое сообщество искать различные средства и способы противодействия. Прежде всего необходимо отметить заключение двусторонних договоров по борьбе с терроризмом. На региональном уровне осуществляется многостороннее сотрудничество государств, что обусловлено совпадением интересов и характером отношений стран определенного региона. В нем принимают участие такие региональные организации, как Организация американских государств (ОАГ), подписавшая еще в 1971 г. Конвенцию о предупреждении актов терроризма и наказание за их совершение; Лига арабских государств (ЛАГ), Организация Африканского

единства (ОАЕ), преобразованная позднее в Африканский союз (АС), Организация «Исламская конференция» (ОИК), подписавшие совместное коммюнике, в котором осудили жестокие акты террора и заявили о своей готовности поддерживать международные инициативы в борьбе с терроризмом; Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), принявшая заявление о совместных действиях по борьбе с терроризмом в 2001 г. и др.

Значительную работу по борьбе с терроризмом ведет ООН. К настоящему времени этой организацией одобрено уже 16 универсальных международно-правовых документов, включая 13 основных конвенций и протоколов, направленных на предупреждение и пресечение международного терроризма и борьбу с ним. В совокупности они создают правовую базу для эффективной борьбы с терроризмом и его идеологией во всем мире. В сентябре 2006 г. ООН одобрила резолюцию «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций» с приложением в виде плана действий.

ДО СИХ ПОР КОНВЕНЦИЯ О БОРЬБЕ С ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА РАТИФИЦИРОВАНА ЛИШЬ НЕСКОЛЬКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ И НЕ ВСТУПИЛА В СИЛУ

Не все, конечно, обстоит так благополучно в мировом сообществе в борьбе с терроризмом. До сих пор конвенция о борьбе с финансированием терроризма ратифицирована лишь несколькими государствами и не вступила в силу. Особенно негативной оказалась позиция сената США, который не дал согласия на ратификацию большинства конвенций такого рода. Резко негативную позицию заняли США в отношении статута Международного уголовного суда.

Для снижения уровня терроризма требуется дальнейшая взвешенная правовая, экономическая и политическая стратегия международных сил, способная устранить факторы, порождающие терроризм. Целый ряд объективных моментов, таких как интеграционные мировые процессы, духовная девальвация милитаризма в значительной части мира, распространение ненасильственной ментальности, способны в какой-то мере нейтрализовать рост экстремизма и терроризма, однако этого явно не достаточно. Важно дальнейшее усиление роли ООН и Совета Безопасности в этом деле. Необходимо заключение всеобъемлющей конвенции о борьбе с терроризмом. Также важно установить ответственность государств за все виды содействия терроризму. И начать этот процесс целесообразно с принятия соответствующего решения Советом Безопасности ООН.

Республика Беларусь проводит последовательную и продуманную политику в борьбе с терроризмом. В силу своего геополитического положения наша страна должна непосредственно участвовать в противодействии различным деструктивным и общественно опасным формам экстремизма, национализма, воинствующего клерикализма, которые получили распространение на постсоветском пространстве и наносят ущерб межгосударственным отношениям. Антитеррористическую политику наша страна осуществляет на двусторонней основе, на уровне региональных организаций, таких как СНГ, ОДКБ, ОБСЕ, а также на глобальном уровне – в рамках Организации Объединенных Наций. Так, например, на региональном уровне в июне 1999 г. государства-участники СНГ подписали в Минске договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом[17].

Являясь членом всемирной антитеррористической коалиции, Беларусь принимает активное участие во всех ее начинаниях: выполнение положений резолюций Совета Безопасности ООН; присоединение к антитеррористическим конвенциям, заключаемым под эгидой ООН; членство во всех антитеррористических институтах, создаваемых на региональном уровне между государствами-участниками СНГ; проведение совместных учений, обмен опытом и информацией, а также непосредственное взаимодействие специальных служб на двух- и многосторонней основе при решении конкретных практических задач борьбы с терроризмом.

Белорусское законодательство приводится в соответствие с международными обязательствами в сфере борьбы с терроризмом. В частности, Республикой Беларусь ратифицирована в 2004 г. Международная конвенция 1999 г. о борьбе с финансированием терроризма, в 2006 г. – Международная конвенция 2005 г. о борьбе с актами ядерного терроризма и др. В целом Беларусь проводит активную политику по противодействию терроризму на международной арене. Инициатива нашей страны по созданию глобальной контртеррористической стратегии в рамках ООН при условии ее реализации будет действенным ответом на вызовы современного терроризма[18].

[17] *Международно-правовые основы борьбы с терроризмом... С. 183.*

[18] *Пузырев Д. А. Терроризм в современных международных отношениях. С. 41.*

Список использованных источников

1. Антипенко, В. Ф. Реализация ответственности за терроризм путем создания системы международного уголовного правосудия / В. Ф. Антипенко // Государство и право. – 2007. – № 6. – С. 85–93.
2. Басецкий, И. И. Терроризм: генезис явления и международный опыт борьбы / И. И. Басецкий, Н. А. Легенченко. – Минск: Академия МВД РБ, 2001. – 207 с.
3. Бахтеева, А. Политический государственный терроризм как инструмент внешней политики / А. Бахтеева // Вестник Московского ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – № 1. – С. 255–259.
4. Белоножкин, В. И. Информационные аспекты противодействия терроризму / В. И. Белоножкин, Г. А. Остапенко. – М.: Горячая линия–Телеком, 2009. – 112 с.
5. Блищенко, В. И. Международно-правовые проблемы гоосударственного терроризма: дис. … канд. юрид. наук / В. И. Блищенко. – М., 1989. – 170 л.
6. Брасс, А. Кто есть кто в мире террора / А. Брасс. – М.: Русь-Олимп, Астрель, АСТ, 2007. – 344 с.
7. Вишневсквий, А. Ф. Международно-правовое сотрудничество государств по противодействию терроризму во второй трети XX – начале XXI века / А. Ф. Вишневский, А. А. Вишневский // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2010. – № 1. – С. 4–24.
8. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций: резолюция, 8 сент. 2006 г., № 60288 // Интерпол против терроризма. – М.: ИНФРА-М, 2010. – С. 42–53.
9. Григорьев, А. И. Анализ отечественных принципов противодействия терроризму / А. И. Григорьев // Право и политика. – 2010. – № 12. – С. 2443–2449.
10. Зайцев, В. Ю. Идеологическое обеспечение противодействия террористическим угрозам – актуальная задача современности / В. Ю. Зайцев // Юстыцыя Беларусі. – 2010. – № 7. – С. 10–12.
11. Замковой, В. И. Терроризм – глобальная проблема современности / В. И. Замковой, М. З. Ильчиков. – М.: Ин-т межд. права и экономики, 1996. – 80 с.
12. Колосов, Ю. М. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом / Ю. М. Колосов, Дж. Левитт // Вне конфронтации. Международное право в период после холодной войны: сб. ст. – М., 1996. – С. 156–165.
13. Кондратьев, В. Активизация деятельности исламских экстремистских организаций / В. Кондратьев // Зарубежное военное обозрение. – 2001. – № 11. – С. 2–7.
14. Кравченко, С. А. Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход / С. А. Кравченко. – М.: МГИМО – Университет, 2006. – 172 с.
15. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом: сб. док. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 285 с.
16. Миронова, Д. Терроризм, антитеррористическое законодательство и основные права и свободы граждан / Д. Миронова // Вестник Московского ун-та. Сер. 12, Политические науки. – 2009. – № 6. – С. 48–57.
17. Моджорян, Л. А. Терроризм и национально-освободительное движение / Л. А. Моджорян // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 82–87.
18. О борьбе с терроризмом: Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 77–3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 6. – 2 / 825.

19. Павлов, С. Паучья тактика / С. Павлов // Беларуская думка. – 2010. – № 7. – С. 50–57.
20. Попов, Е. А. Онтология терроризма / Е. А. Попов // Право и политика. – 2010. – № 4. – С. 776–780.
21. Пузырев, Д. А. Терроризм в современных международных отношениях / Д. А. Пузырев // Беларуская думка. – 2008. – № 6. – С. 36–41.
22. Современные глобальные проблемы мировой политики. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 256 с.
23. Соснин, В. А. Психология современного терроризма / В. А. Соснин. – М.: ФОРУМ, 2010. – 160 с.
24. Тихиня, В. Г. Международно-правовая борьба с терроризмом: современные проблемы и пути их решения / В. Г. Тихиня // Юридический журнал. – 2009. – № 2. – С. 3–6.
25. Тишков, А. А. Социально-культурный аспект терроризма / В. А. Тишков // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. – Т. 2: Политическая культура и политические процессы. – 518 с.
26. Фельдман, Д. Бизнес на крови / Д. Фельдман // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2010. – 7 апр. – С. 1.
27. Швед, А. По факту взрыва в метро обвинение в терроризме предъявлено двум белорусам / А. Швед [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://news.tut.by/tragedy/225247./html. – Дата доступа: 29.04.2011.
28. Шидловский, А. Уголовно-правовая трактовка международного терроризма в Республике Беларусь в аспекте имплементации международно-правовых норм / А. Шидловский // Юстыцыя Беларусі. – 2005. – № 4. – С. 74–79.
29. Ярмоленко, В. По данным спецслужб, в мире насчитывается около 500 групп и организаций, использующих в своей деятельности методы террора / В. Ярмоленко [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http.//www/rian.ru/society/20020421/122513.html. – Дата доступа: 04.05.2011.

Дата паступлення ў рэдакцыю 12.01.2011.

УДК 341.983.4

В. В. Паращенко

ОБ ОПТИМАЛЬНОМ БАЛАНСЕ ДИСПОЗИТИВНЫХ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ НАЧАЛ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Парашчанка Віктар Уладзіміравіч *– кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры грамадзянскага і працоўнага права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь. Кола навуковых інтарэсаў палягае ў сферы праблем грамадзянскага і працэсуальнага права. Мае больш чым 30 навуковых прац.*

Современный период развития нашего государства и общества характеризуется постепенным, но постоянным процессом демократизации всех сторон государственной и общественной жизни, в том числе и области правового регулирования общественных отношений. Принят новый Гражданский кодекс 1998 г., новый Гражданский процессуальный кодекс 1998 г. и т. д. Обновлено практически все действующее на территории Республики законодательство. Цель обновления – приведение законодательства в соответствие с устоявшимися, апробированными общеевропейскими и общемировыми стандартами и правилами регулирования общественных отношений, с требованиями Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

Прямо или косвенно процесс совершенствования законодательства затрагивает такую важную проблему, как объективно обоснованное, гармоничное и рациональное сочетание прав и обязанностей субъектов материально-правовых и процессуально-правовых отношений, правовых методов воздействия на эти отношения. В гражданском праве, например, введен очень важный демократический принцип «свобода договора» (ст. 2 ГК), который конкретизирован ст. 391 ГК и является непременным условием всякой договорной деятельности; расширены возможности и гарантии компенсации морального вреда, свободы завещания и др. В гражданский процесс введены новые принципы, новый вид гражданского судопроизводства – приказное производство, институт предварительного

судебного заседания, упрощен порядок подготовки и объявления решения по конкретному делу. Имеют место и другие эффективные нововведения.

Тем не менее в настоящее время в гражданском процессе и фундаментальной его части (судопроизводстве) существуют вопросы, требующие своего дальнейшего решения в интересах самого судопроизводства и его участников. Это касается, прежде всего, оптимального баланса диспозитивных и публично-правовых начал его осуществления.

В гражданском судопроизводстве, и в гражданском процессе в целом, действуют, по мнению исследователей, диспозитивно-императивные начала регулирования процессуальных отношений. То есть на первое место авторы работ ставят такой элемент общего метода, как диспозитивность, и только после него – императивность, полагая тем самым, что в гражданском судопроизводстве превалируют нормы диспозитивного характера над нормами императивного порядка. Думается, что это не совсем так. Общий анализ норм, регулирующих гражданское судопроизводство, показывает, что элементы императивности, закрепленные в процессуальном законе, все же довлеют над диспозитивными возможностями его участников. Это обстоятельство достаточно четко прослеживается на всех стадиях (этапах) каждого конкретного вида судопроизводства: искового, особого, приказного производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЕГО ЧАСТИ (СУДОПРОИЗВОДСТВЕ) СУЩЕСТВУЮТ ВОПРОСЫ, ТРЕБУЮЩИЕ СВОЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕШЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ САМОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ЕГО УЧАСТНИКОВ

Императивность правового регулирования общественных отношений характерна для публичного права, а нормы, содержащие эти начала, относятся к числу публично-правовых. В силу императивных предписаний участники гражданского судопроизводства могут поступать только так, как это предписано гражданским процессуальным законом, например, подавать исковое заявление, заявление, жалобу в письменном виде и только путем непосредственной явки заинтересованного лица или по его специальному полномочию другого лица в суд. Использование компьютерных возможностей не допускается, обязательным является письменное оформление процедуры осуществления подготовки дела к судебному разбирательству, необходима детальная процессуальная регламентация (формализация) самого процесса судебного разбирательства дела по существу. Это касается и процессуальных сроков, которые

ни суд, ни юридически заинтересованные в исходе дела лица, как правило, не могут изменять и т. д.

Диспозитивность регулирования процессуальных отношений состоит в том, что установленные процессуальным законом правила поведения их субъектов самим законом разрешено изменять, но с соблюдением определенных условий. Например, истец (ст. 61 ГПК) вправе изменять предмет, основание и размер исковых требований, также он вправе отказаться от иска. Ответчик вправе признать иск, стороны могут заключить мировое соглашение, если эти действия не противоречат закону или не нарушают чьи-либо права и охраняемые законом интересы.

Диспозитивность правового регулирования проявляется не только через прямое указание процессуального закона на возможность вариативного поведения, но и через отсылку к другой правовой норме, дозволяющей определенную процессуальную свободу действий, возможность выбора позиций сторонами процессуальных правоотношений.

Одним из приемов диспозитивного регулирования процессуальных отношений является то, что законодатель в норме права не фиксирует конкретное предписание поведения и отсылку к другому закону, а использует формулу «может быть» (ст. 47, 399 ГПК и др). Такая форма правового регулирования также есть проявление диспозитивности. В этом случае у участников правоотношений имеется право выбора различных вариантов поведения, в гражданском судопроизводстве – процессуального поведения.

В гражданском процессе применительно к диспозитивности регулирования отношений законодатель употребляет и такой термин, как «имеют право» (ст. 56 ГПК), например, заявлять отводы, ходатайства, представлять свои доводы, соображения, обжаловать (опротестовать) судебные постановления и т. д., «вправе» (ст. 61, 425 ГПК и т. д.).

Однако наиболее часто в ГПК при определении возможности влияния участников процессуальных правоотношений на ход развития и производства по конкретным делам употребляются такие приемы регулирования, как «обязан», «обязаны», «должен», «должно быть» (ст. 13, 19, 21, 23, 35, 38, 51 ГПК) и др.

Наблюдается определенный дисбаланс в сторону публично-правового (императивного) регулирования в гражданском судопроизводстве, который, на наш взгляд, не соответствует духу времени, сущности и предназначению гражданского судопроизводства.

Гармоничное, объективно обусловленное, необходимо-достаточное сочетание диспозитивных и публично-правовых начал в гражданском судопроизводстве должно достигаться через более широкое использование в процессуальных нормах не прямых указаний на возможность вариантов процессуального поведения участников, а таких категорий, как «может быть», «имеют право», «вправе» и т. д. Только в этом случае можно говорить о том, что в гражданском процессе имеют место (по степени значимости) диспозитивные и публично-правовые начала в регулировании процессуальных отношений.

Однако это процесс отнюдь не произвольный. Он должен подчиняться определенным правилам, основываться на определенных принципах и критериях. Расширение диспозитивных начал в гражданском судопроизводстве должно касаться как юридически заинтересованных в исходе дела лиц, так и суда, но не в ущерб публично-правовым началам. Последние должны доминировать при решении принципиально важных вопросов гражданского судопроизводства. Здесь не может быть каких-либо арифметических пропорций, все должно быть подчинено гибкости, динамичности процесса установления объективной истины.

ОДНИМ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ПРИНЦИПОВ, КОТОРЫМ СЛЕДУЕТ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ПРИ РАСШИРЕНИИ ДИСПОЗИТИВНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, ДОЛЖНО СТАТЬ ПРАВИЛО ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЭФФЕКТА ТАКОГО РАСШИРЕНИЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ, СОЦИАЛЬНОМ, ЭКОНОМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Одним из важнейших принципов, которым следует руководствоваться при расширении диспозитивности в гражданском судопроизводстве, должно стать правило положительного эффекта такого расширения в процессуальном, социальном, экономическом измерении. При этом расширение не должно стать самоцелью. Эти параметры следует просчитывать (прогнозировать) еще на стадии подготовки соответствующего законопроекта. Отсюда следует, что для научного обоснования таких изменений целесообразно использовать конкретную судебную практику, соответствующее законодательство и опыт зарубежных стран. Изложение диспозитивной нормы должно быть истолковано однозначно, так, чтобы это было очевидно не только суду, но и лицам, имеющим в этом деле материально-правовой и(или) процессуально-правовой интерес. Необходимо также, чтобы диспозитивность, заложенная в правовой норме, реально могла быть реализована теми, на кого она рассчитана.

Как и всякое правовое явление, диспозитивность в гражданском судопроизводстве должна базироваться на

определенных общеправовых и отраслевых принципах, прежде всего на принципе законности, который включает в себя следующие элементы:

1) законность процесса определения необходимости подобного рода изменений в процессуальном законодательстве;
2) законность процесса создания соответствующей правовой нормы;
3) законность возможных процессуальных действий в будущем, обусловленных этой правовой нормой;
4) возможность встречных законных процессуальных действий.

В первом случае законность предполагает исторически обусловленную объективную необходимость проведения подобного рода процессуальной реформы и ее адекватность правовым реформам, осуществляемым в других отраслях права, которые непосредственно связаны и с гражданским процессуальным правом. Изменения обусловливаются реальной правовой обстановкой в обществе.

Во втором случае имеется в виду соблюдение законотворческого процесса на всех его стадиях, включая процесс обоснования самой идеи и сделанных на его основе выводов. Определяющее значение здесь должно принадлежать гласности и публичности процесса.

Применительно к третьей позиции предполагается, что возможные действия, вытекающие из диспозитивной ситуации, истолковываются правоприменяющей стороной однозначно, не могут рассматриваться двояко и строго соответствуют сущностному предназначению самой диспозитивной нормы.

Что касается четвертой позиции, то диспозитивность поведения в данной ситуации одной стороны не должна полностью или частично исключать либо ограничивать диспозитивность поведения другой стороны. Так, например, отказ истца от иска не должен лишать права ответчика обжаловать что-либо, выдвигать аргументированные возражения против него.

Должен приниматься во внимание и принцип целесообразности предоставления усмотрения суду и юридически заинтересованным в исходе дела лицам при решении того или иного процессуального вопроса. Разумеется, что недопустима в принципе подмена целесообразностью законности.

Обязательным является соблюдение в рамках рассматриваемой проблемы и принципа процессуальной экономии, означающей, что дела должны рассматриваться и разрешаться судом быстро и правильно. Это значит, что процессуальные действия

сторон и суда должны быть обдуманными, процессуально оправданными по своей структуре, направленности, завершенности, результативности, по срокам осуществления. В них не может быть элементов волокиты, затягивания процесса, недобросовестности. Поэтому свободу усмотрения в гражданских делах необходимо предоставлять по тем процессуальным позициям, когда она объективно не будет тем или иным образом затягивать процесс, способствовать уклонению от явки в суд.

Особого внимания в контексте исследуемого вопроса заслуживает сочетание интересов правосудия и юридически заинтересованных в исходе дела лиц. Вопрос состоит в том, чтобы расширение диспозитивных возможностей суда и сторон при рассмотрении дел не повлияло на качество правосудия. Поскольку правосудие включает в себя интересы государства, общества, личности, предпочтение должно отдаваться ему как общегосударственному институту и усмотрению суда как органу, его осуществляющему.

Должны учитываться и международные стандарты в правосудии, требования к правам человека.

Основой для реформы усмотрения и расширения элементов диспозитивности в гражданском судопроизводстве должна стать очевидная объективная потребность общества в целом, и правосудия в частности, в проведении указанной процессуальной реформы. Она может объективироваться в виде количественных и качественных показателей, прогнозов развития общественных процессов и т. д.

Для реализации некоторых сформулированных суждений предлагается следующее.

1. Предоставить более широкую свободу усмотрения (диспозитивности) сторонам в использовании принадлежащего им в силу закона (ст. 61 ГПК) распорядительного процессуального права. Так, ст. 61 ГПК предоставляет право истцу отказаться от иска и устанавливает обязанность суда, при соблюдении предусмотренных законом условий, принять такой отказ и прекратить производство по делу (ст. 164 ГПК) с последующими неблагоприятными для истца процессуально-правовыми последствиями: недопустимость повторного обращения в суд с тем же иском.

В судебном заседании (ст. 285 ГПК) после доклада дела председательствующий должен выяснить, не намерен ли истец использовать это право: поддерживает ли истец свои требования и в каком объеме, не отказывается ли он от иска. Смысловое значение вопроса судьи должно быть именно таким, как это сформулировано в ст. 61 ГПК.

Думается, что ст. 61 ГПК, применительно к праву истца отказаться от иска, более императивна, чем диспозитивна, и это обусловлено закрепленными ею и статьей 164 ГПК процессуальными последствиями. Было бы целесообразным, на наш взгляд, предоставить истцу, помимо права отказаться от иска с соответствующими последствиями, также право просить суд не разрешать дела по существу с вынесением решения и без процессуальных последствий, предусмотренных для отказа от иска, а суд наделить правом(обязанностью) удовлетворять такую просьбу.

С другой стороны, предоставление такого права истцу и суду означало бы освобождение суда от его непосредственных обязанностей, как это имеет место в настоящее время.

В то же время, как уже отмечалось, принятие судом отказа от иска лишает истца повторного обращения в суд с тем же иском. Он вынужден будет изменить предмет иска или его основание либо менять сторону дела. Это не всегда возможно, а иногда процессуально неэффективно, а значит, ограничивает процессуальную свободу как истца, так и суда, предусматривает обязанность суда разрешать каждое гражданское дело.

С позиций требований процессуальной свободы и процессуального усмотрения в гражданском процессе, на наш взгляд, это не совсем верный в настоящее время подход. Было бы правильным выяснить суду, поддерживает ли истец свои требования и желает ли он, чтобы дело было рассмотрено и разрешено по существу. Такую формулировку следует закрепить в ст 61 и 285 ГПК.

2. Усилению начал диспозитивности в гражданском судопроизводстве служило бы и расширение оснований для кассационного обжалования (опротестования) постановлений суда первой инстанции. В настоящее время ГПК предусмотрено два основания (ст. 401): полная или частичная необоснованность судебного решения или его незаконность. Причем ГПК (ст. 402–404) дает исчерпывающее их толкование, что превращает эти основания в императивные.

В целях введения в эту часть диспозитивных начал следует предоставить заинтересованному лицу право обжалования кассационного судебного постановления и в иных случаях, если данное постановление противоречит его воле, а также прямо или косвенно ущемляет права и интересы стороны, хотя эти права и интересы не были предметом судебного разбирательства (некорректность формулировок в решении, некорректность изложения мотивированной части и т. д.).

3. Целесообразно смягчить императивность срока обращения с кассационной жалобой или кассационным протестом. Существующий 10-дневный срок «обременителен» для сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц. По его истечении заинтересованная сторона должна просить суд восстановить его (ст. 408 ГПК). На наш взгляд, необходимо, сохраняя общий 10-девный срок, определить условия (обстоятельства), при наличии которых соответствующие процессуальные обращения могут допускаться на протяжении более длительного срока, например, 20-дневного. Полагаем, что к некоторым процессуальным действиям может быть применен термин «разумный срок» и т. д.

Можно привести по этому поводу и другие примеры. Однако очевидно, что многие положения процессуального закона необходимо дополнить элементами диспозитивности или усилить уже имеющиеся за счет сужения публично-правового элемента регулирования процессуальных отношений в гражданском судопроизводстве.

Если вести речь об оптимизации соотношения между этими категориями, то можно сказать, что диспозитивных норм должно быть 2/3, императивных 1/3.

Определяющим критерием такого соотношения должна стать формула «процесс и каждая его норма служит интересу его участников не в ущерб закону и справедливости».

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (юбилейное издание к 60-летию Декларации) / Представительство ООН в Республике Беларусь. – 2008.
2. Гражданский процесс. Общая часть: учеб. / Под ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск: Амалфея, 2000.
3. Гражданский процесс. Особенная часть: учеб. / Под ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск: Амалфея, 2002.
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2007.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Беларусь, 2008.
6. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР. – М.: Городец, 2000.
7. Паращенко, В. Н. Гражданский процесс. Курс лекций / В. Н. Паращенко. – Минск: Право и экономика, 2004.
8. Тихиня, В. Г. Гражданский процесс: учеб. / В. Г. Тихиня. – Минск: Право и экономика, 2004.

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.10.2010.

УДК 159.9:342.537

И. А. Кибак

СОЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ

Законотворчество в Республике Беларусь представляет собой довольно сложный и многоэтапный процесс, в котором должно быть учтено множество факторов, в том числе и психологические, имеющие важнейшее значение для построения гражданского общества, создания правового и демократического государства, установления демократических основ его управления. От того, в какой мере действующие нормы права – от закона до инструкции – выражают потребности и интересы общества, насколько эффективно воздействуют они на поведение миллионов людей, зависит глубина разработки проблем, связанных с законотворчеством.

Применительно к законотворчеству, как указывает М. Ю. Спирин, именно «написание юридических норм как научно-творческая деятельность… способствует пониманию права в качестве “ars boni et aequi”»[1] и пониманию юридических текстов как вершин культуры человеческой цивилизации, являясь законотворческой деятельностью в материальном смысле слова (законотворчеством как таковым). Кроме того, законотворчество необходимо рассматривать как особый вид творчества, который выступает как санкционированная, регламентированная властная процедура. Та свобода творчества, которую может позволить себе, к примеру, художник, неприемлема для законотворчества, так как существуют некие рамки, требования, установления, регламенты, обязательные для исполнения субъектами права (депутатами).

Законотворческая деятельность представляет собой не столько политико-правовое, сколько, прежде всего,

Кібак Іван Аляксеевіч *– кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт кафедры псіхалогіі і педагогікі Акадэміі МУС РБ. Аўтар больш чым 160 навуковых, вучэбных і вучэбна-метадычных прац. Сфера навуковых інтарэсаў – юрыдычная псіхалогія, псіхалогія права- і законатворчасці, псіхалагічнае забеспячэнне праваахоўных органаў, псіхалогія кіравання органаў унутраных спраў.*

[1] *Спирин М. Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации… С. 153.*

социально-правовое и психологическое явление. Если законотворчество в самом общем виде может быть определено как деятельность (совокупность мероприятий и действий), направленная на создание правовых норм, обладающих высшей юридической силой, то законотворчество как специально-юридическая категория означает соответствующую психолого-юридически значимую деятельность. Законотворческая деятельность, будучи урегулированной правом, характеризуется строгой последовательностью (этапностью) в создании законов и выражается в законотворческом процессе как юридической форме функционирования механизма законотворчества во времени. В этой связи вызывает возражение отождествление понятий «законотворческий процесс» и «законотворчество», поскольку без процесса законотворчество как материальная категория неосуществимо. Различие данных категорий состоит в том, что один и тот же механизм законотворчества в зависимости от определенных условий может по-разному функционировать во времени. Вместе с тем различные по типу механизмы законотворчества могут характеризоваться идентичными законотворческими процессами. Так, Д. А. Керимов считает, что законотворчество – дело чрезвычайно сложное, тонкое, ответственное, предполагающее глубокое знание прошлого, настоящего и нашего будущего, происходящих в стране процессов, исследование потребностей, интересов и устремлений людей[2]. В. Н. Дмитрук отмечает, что законотворчество – это деятельность законодательного органа по разработке, принятию, изменению и отмене правовых норм (законов)[3]. На наш взгляд, наиболее удачным является широкое понимание законотворчества, то есть включение в этот процесс деятельности по подготовке и обсуждению законопроектов, в которой участвуют другие государственные органы, широкие круги общественности. Т. В. Кашанина приводит поэтапное описание законодательного процесса, однако не уделяет достаточного внимания такой стадии, как опубликование закона[4]. С другой стороны, спорно и определение законотворческого процесса как фактического содержания законотворчества. Фактическое содержание законотворчества как научной категории составляет сама деятельность, направленная на создание закона, осуществляемая через специальный механизм законотворчества. В этом случае законотворческий процесс действует в качестве формы ее (деятельности) осуществления, характеристики

ВЫЗЫВАЕТ ВОЗРАЖЕНИЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС» И «ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО», ПОСКОЛЬКУ БЕЗ ПРОЦЕССА ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ НЕОСУЩЕСТВИМО

[2] *Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. С. 14.*

[3] *Дмитрук В. Н. Теория государства и права… С. 22.*

[4] *Кашанина Т. В. Юридическая техника. С. 275.*

функционирования механизма законотворчества (системы законодательного органа, законотворческих норм и т. д.) во времени. Как отмечает Т. Н. Рахманина, в юридической литературе сложилось две точки зрения относительно понятия законотворческого процесса. С одной стороны, законотворческий процесс ограничивается рамками официального прохождения законопроекта в высшем представительном органе. Сторонники второй концепции включают в законодательный процесс также всю предварительную деятельность по подготовке проекта закона[5]. Другими словами, это законотворческий процесс создания и принятия закона.

[5] *Российское законодательство… С. 369.*

Следовательно, понятие законотворчества призвано, во-первых, установить систему взаимосвязанных институтов, обеспечивающих содержательную и психологическую подготовку законов; во-вторых, закрепить стабильные демократические формы волеизъявления всех граждан и его использования; в-третьих, отразить применение различных форм деятельности высших органов государственной власти и других участников в процессе создания и принятия закона. Таким образом, законотворческий процесс – это система юридически установленных процедур деятельности государственных органов, субъектов права, должностных лиц и граждан, направленная на закрепление достигнутого психолого-социального компромисса в текстах проектов закона и выражающаяся в строго регламентированном порядке их подготовки, обсуждения, принятия и опубликования. Рассмотренные определения важны также для выработки понятия психологии законотворчества.

Термин «законотворчество» охватывает круг различных психологических явлений и процессов, в частности создание психолого-правовой нормы, начиная с зарождения идеи о ней в связи с выявлением потребности в правовой регламентации соответствующих отношений и заканчивая ее реализацией. Этот процесс распадается на несколько взаимосвязанных этапов, которые включают период работы над законопроектом субъекта права, самого законодательного органа либо, согласно утвержденному им плану, соответствующего государственного (Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь), научного учреждения или общественного объединения.

Различие между этапами законотворчества состоит в том, что для первого из них характерно наличие множества предварительных вариантов решений, которые принимаются с той или иной степенью научной обоснованности всеми

участниками законотворческого процесса создания будущей нормы, хотя ни одно из них не имеет окончательного, нормоустанавливающего значения. Также предварительное «решение» выносят субъекты права на проектном этапе. При этом ведущая роль в процессе создания будущей правовой нормы принадлежит соответствующему законотворческому органу, который выступает одной из сторон в большинстве складывающихся в ходе законотворчества отношений и которому в конечном счете принадлежит право принятия окончательного законодательного решения. Это различие, общее для всех разновидностей правотворчества, имеет применительно к процессу создания закона особое значение.

СОЗДАНИЕ ЗАКОНОВ НАПРАВЛЕНО НА РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕ ТОЛЬКО УЖЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, НО И ТЕХ, КОТОРЫЕ МОГУТ ВОЗНИКНУТЬ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОПРОЕКТА

У законотворчества существует две стороны (объективная и субъективная), которые влияют на его эффективность. Объективная сторона заключается в том, что в результате законотворчества получают урегулирование общественные отношения – экономические, политические, социальные, организационные и другие, возникающие и существующие независимо от наличия или отсутствия права. Поэтому процедуре создания закона предшествует изучение реальных жизненных обстоятельств, которые должны найти отражение в законопроекте. Этот процесс не простой, поскольку создание законов направлено на регулирование не только уже существующих общественных отношений, но и тех, которые могут возникнуть после принятия законопроекта.

Изучение объективной действительности и отражение ее в законе представляет собой творческий, интеллектуальный процесс. Он является одним из видов социальной инженерии и складывается из деятельности исследователей социально-правовых явлений, психологов, аналитиков, конструкторов норм права, составляющих законопроекты. Точное, адекватное отражение в нормах права существующей действительности и составляет объективную сторону законотворчества. Однако это не всегда удается законодателю. В результате созданные нормы права могут не полностью отражать реальные обстоятельства.

Субъективная сторона законотворчества определяется способностью законодателя точно, грамотно и правильно сформулировать текст закона. С целью более успешного решения этого вопроса привлекаются юристы-профессионалы, лингвисты, филологи, психологи. Вторым субъективным фактором,

оказывающим влияние на качество законотворчества, является различие интересов отдельных групп, слоев населения, которых касается создаваемый проект закона. В результате законы не всегда отвечают интересам общества, а также являются наиболее рациональными нормами. Нередко они выражают волю части общества, порой незначительной.

Законотворчество характеризуется органическим единством трех основных компонентов: познания, деятельности и результата, – которые в диалектических взаимопереходах составляют относительно законченный цикл. Вслед за ним размещаются в той же последовательности аналогичные циклы, образующие в своей целостности систему этого процесса. Ведь для того, чтобы в законах адекватно отражались происходящие в обществе процессы, необходимо постоянно обнаруживать, изучать и умело использовать объективные закономерности, направляющие эти процессы. Именно поэтому предпосылкой создания закона является познание сложных психологических и иных условий, факторов и обстоятельств, а также развивающихся общественных отношений, правовое регулирование которых диктуется нуждами социального прогресса. Если с чисто правовой точки зрения законотворчество выглядит как процесс создания правовых норм, то в психолого-социальном разрезе оно является согласованием воли субъектов права, поиском компромисса различных социальных интересов. И в этой сфере как нигде близко соприкасаются правовая, политическая, психологическая и нравственная культура; правовые, политические и моральные нормы; правовое, политическое и этическое сознание.

Психолого-правовыми науками накоплен определенный опыт использования психолого-социологических данных при изучении норм права, социально-психологических аспектов право-и законотворческого процесса, социально-психологической эффективности правовых норм и правоприменительной практики. *Взаимосвязь психологии и законотворчества жизненно необходима.* Законотворческая практика становится более плодотворной благодаря достижениям психологической науки. У новых психологических теорий нет перспектив без внедрения их учеными, депутатами-практиками, так как это самый надежный способ испытания психологической теории на репрезентативность.

В психологическом отношении существенно то обстоятельство, что какое-то время установленные нормы находятся во взаимной сообщающейся связи с породившим их сознанием. В особенности прочна связь между нормой и ее

непосредственным создателем (автором закона). Однако с течением времени «детище» законодателя приобретает собственную жизнь[6].

[6] *Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. С. 70.*

Стартовым и системообразующим звеном правовой регуляции является разработка и издание правовых норм, законов, которые неукоснительно должны соответствовать социальной и социально-психологической сущности законотворчества. Как отмечал Г. Спенсер, «бедствия, причиненные невежественными законодателями, более существенны, чем зло, причиняемое невежественными врачами»[7]. Г. Спенсер приводит многочисленные примеры того, как необоснованные законы усиливали то зло, против которого выступали их инициаторы. Так, установление жестких размеров заработной платы снижало трудовую мотивацию, вызывало спад в промышленном развитии и, в конце концов, ухудшало положение самих трудящихся. Законодатели должны прежде всего учитывать то, как предлагаемые ими законы могут повлиять на благополучие и судьбы людей, на возможности их самореализации. Особенно недопустима послезаконодательная пассивность, когда депутаты перестают интересоваться действием закона после его принятия. Необходим институт мониторинга принимаемых законов, социально-психологического анализа результатов их применения.

[7] *Спенсер Г. Грехи законодателя. С. 129.*

НОРМЫ ЗАКОНА, ПРИНИМАЕМЫЕ БЕЗ ДОСТАТОЧНОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ, СТАНОВЯТСЯ ЮРИДИЧЕСКИМ БАЛЛАСТОМ, ПОРОЖДАЯ НИГИЛИСТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЗАКОНУ

Некоторые принятые у нас законы чрезмерно активизируют подзаконное нормотворчество, искажающее сущность исходного документа. Многие законы, принимаемые Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь, не имеют должного механизма их реализации. Неработающие законы создают лишь иллюзию правовой регуляции. Приносят пользу только те законы, которые становятся эффективным инструментом жизнедеятельности людей[8]. Судьбу закона определяет престиж права, то есть солидарность личности с принимаемыми нормами, присвоение личностью защищаемых правом социальных ценностей.

[8] *Поленина С. В. Закон как средство реализации задач формирования правового государства. С. 13–22.*

Предлагаемая депутатом правовая норма должна отвечать ряду социальных, правовых и социально-психологических требований, и, прежде всего, она не должна противоречить базовым ценностям данного общества, требованиям общечеловеческой цивилизации, международным признанным правам и свободам человека. Нормы закона, принимаемые без достаточного социально-психологического обоснования,

становятся юридическим балластом, порождая нигилистическое отношение к закону.

Однако эффективность правовой регуляции зависит не только от правовой сущности принимаемых законов, но и от правовой социализации членов общества. Правовая социализация личности – включение в ценностно-нормативную систему личности ценностей, охраняемых правом, овладение устойчивыми способами правомерного поведения, формирование чувства социальной ответственности и солидарности с правом.

Высший уровень правовой социализации[9] – привычное правоисполнительное поведение как устойчивая особенность поведенческого типа личности. При этом нормы права соблюдаются не из страха наказания и даже не из чувства солидарности с правом, а из настоятельной нравственной потребности совершать только правомерные действия, жить достойно. Дефектность правовой социализации может быть различной, она может проявляться в недооценке ценности права – правовой негативизм; в безответственном, легкомысленном отношении к требованиям закона – правовой инфантилизм; в активном неприятии норм права – правовой нигилизм; в сознательном правонарушающем, преступном поведении.

Правильно то, что правовые нормы регулируют поведение субъектов, вызывают угодные законодателю поступки. Правильно и то, что регулировать поведение можно только воздействуя на сознание, на волю людей. Но также верно и то, что правовые нормы не были бы таковыми, если бы не опирались в конечном счете на силу государственного принуждения. В самом существовании правовых норм заложено некоторое преодоление сопротивления воли их адресатов. Поэтому традиционно усилия законодателей были направлены не столько на интериоризацию диктуемых требований, сколько на обеспечение механического соответствия совершаемых гражданами поступков этим требованиям[10].

Законодатель издает правовую норму, которая предписывает определенную линию поведения, состоящую из разной направленности и продолжительности поступков, имеющих свои промежуточные цели и свое содержание[11]. Данная поведенческая программа одновременно поступает непосредственному адресату нормы и правоприменителю, который, таким образом, также является адресатом формулируемых законодателем требований. Если содержащаяся в норме установка полностью совпадает с установкой непосредственного адресата нормы, если

[9] *Правовая социализация – это поведение личности на основе правосолидарных установок.*

[10] *Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. С. 80.*

[11] *Сильченко Н. В. Границы деятельности законодателя. С. 14.*

с восприятием нормы прежняя установка субъекта перестраивается в соответствии с заданной, линия реального поведения будет соответствовать начертанной законодателем. Следует также иметь в виду, что не только на законодателя, но и на каждого субъекта в отдельности действуют многообразные силы, определяющие вместе с правом линию их поведения сообразно своему значению в жизненном положении данного субъекта[12]. По словам К. Маркса, «законодатель… не делает законов, он не изобретает их, а только формирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений»[13]. Законы позволяют в процессе познания объективной действительности отражать закономерности общественного развития, фиксировать наиболее типичные формулы общественных действий, правила поведения, способствовать стабилизации и упорядочению социального развития в нужном направлении.

[12] *Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. С. 98.*

[13] *Маркс К. Собр. соч… С. 162.*

Законодательное регулирование нельзя понять только с позиции юридической науки. Необходим комплексный подход, который позволяет в полной мере использовать достижения философии, социологии, управления и, в особенности, психологии. Появляется возможность выявления наиболее существенных черт механизма законодательного регулирования, его адекватности меняющимся условиям общественного развития[14].

[14] *Тихомиров Ю. А. Теория закона. С. 156.*

Депутат имеет возможность вести непрерывный психолого-законотворческий поиск в условиях парламентской (законотворческой) действительности, изменять и совершенствовать как способ организации, подготовки и обсуждения проекта закона, так и психокорректирующие воздействия с целью раскрытия своего творческого потенциала, перенося удачный опыт из плоскости психологических исканий в законотворческий опыт и наоборот. Это позволит более профессионально находить выход из затруднительной ситуации в процессе подготовки и обсуждения проекта закона.

Отсутствие научной дисциплины, которая непосредственно занималась бы психологическим обеспечением законотворчества и имела бы дело с синтезом субъективного и объективного, создает простор для существования различных, подчас взаимоисключающих, точек зрения. Одна из них полностью отрицает или сводит к минимуму роль психологических моментов в законотворчестве. Такая «объективистская» точка зрения в конечном счете приводит к усилению внутренней законотворческой напряженности. Еще князь М. М. Щербатов, историк и философ, автор «Истории российской с древних времен», указывал на необходимость знания законодателем

«человеческого сердца» и создания законов с учетом психологии народа[15]. Д. А. Керимов отмечал, что правоведение не может обойтись без определения роли индивидуального волевого акта для правового регулирования[16].

Поскольку законотворчество является одним из видов человеческой деятельности, нельзя игнорировать его психологическую основу – сознание, переживания, установки, мотивацию, настроения субъектов права, участников законотворческого процесса. Созданию правовых норм всегда предшествует отражение в общественном правосознании тех социальных потребностей, на которые эти нормы призваны отозваться. Результатом отражения является осознание таких потребностей в качестве общественных интересов, оценка возможных последствий принятия конкретных правовых норм, их соотношения с целями, стоящими перед обществом или отдельными его институтами. Эти процессы происходят в общественном мнении, умонастроениях, отношениях, убеждениях и установках, а также в других социально-психологических явлениях, которые активно влияют на принятие тех или иных правовых норм. Психологические явления опосредуют законотворческую деятельность и на уровне индивидуального сознания лиц, которые ею занимаются. Изучение таких явлений тем более необходимо, что здесь возможны различного рода искажения из-за неверных оценок, предубеждений, стереотипных мнений, недостаточного предвидения последствий и т. д. В результате нормы могут неполно или неверно выражать в правовой форме регулируемые общественные отношения[17]. Влияние психологии законотворчества на создание законов постоянно возрастает в связи с углубляющейся гуманизацией, психологизацией и демократизацией процессов законотворчества, включением во всестороннее обсуждение проектов законов трудовых коллективов и общественных организаций. Общеобязательную силу может приобрести лишь та правовая норма, которая способна выполнять функцию социальной нормы, то есть отвечать потребностям общества и личности, соответствовать социально-психологическим механизмам человеческого поведения. Особенно важно четкое представление целей, на достижение которых направлена вводимая правовая норма, четкое осознание того, какие формы человеческого поведения требуют расширения, например, репрессий, а какие – их осуждения, каковы психологические механизмы общепревентивного воздействия норм права[18]. Таким образом, можно утверждать, что формирование и создание правовых норм – это не только юридический, но и социально-психологический процесс.

[15] *Юдина Е. В. Юридическая психология для студентов вузов. С. 7.*

[16] *Керимов Д. А. Психология и правоведение… С. 19.*

[17] *Кульчар К. Основы социологии права. С. 111.*

[18] *Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии… С. 37–38.*

Как отмечает А. С. Косопкин, «еще одно проблемное направление парламентской психологии – психология законодательной деятельности и правотворчества в целом – не получило развернутых научных монографических исследований. Это область, где правовая психология как наука, к сожалению, пока что мало соприкасается с практикой. А ведь эта тема – не только академическая, но и сугубо прикладная, поскольку касается непосредственно самого содержания парламентской работы, где психологическая составляющая играет далеко не последнюю роль»[19].

[19] *Косопкин А. С. Психология парламентского законотворчества. С. 4.*

Право и все нормативные правовые акты действенны, если их психологический эффект адекватен, то есть отвечает специфике психологии людей, групп, общностей, народа, если обеспечивает понимание, одобрение, их правомерное поведение.

Психология законотворчества, на наш взгляд, должна изучать влияние различных социально-психологических факторов на процесс создания правовых норм, психологические аспекты законотворческого процесса; исследовать проблему социально-психологических последствий действия правовых норм (закона) в обществе; раскрывать процессы трансформации правовых норм в социальное поведение личности; осуществлять перевод социальных отношений на язык правовых норм, а также показывать психолого-правовую эффективность предлагаемых правовых норм (новаций), законопроектов; следить за их трактовкой, точностью изложения и применения. Изучение всех этих вопросов обусловило появление нового раздела (направления) правовой психологии – психологии законотворчества. Психологию законотворчества представляется возможным определить как процесс облечения психологических явлений в правовую норму и введения их в действие. При этом каждый принятый закон должен учитывать социально-психологические аспекты эффективного законотворчества. Таким образом, законотворческий процесс должен состоять из ряда этапов, последний из которых завершается признанием нормы как обязательной.

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ДОЛЖЕН СОСТОЯТЬ ИЗ РЯДА ЭТАПОВ, ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КОТОРЫХ ЗАВЕРШАЕТСЯ ПРИЗНАНИЕМ НОРМЫ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ

Депутат должен, во-первых, корректировать рассматривающиеся законопроекты и с точки зрения их психологической грамотности следить за тем, чтобы в них не было заложено нереалистических ожиданий, ошибочных представлений о причинно-следственных связях в человеческом поведении, чтобы они не провоцировали людей на деструктивные действия или не способствовали депрессивным реакциям. Во-вторых, нормы всех видов (дозволяющие, обязывающие, запрещающие и др.) должны быть направлены на человека, для того чтобы

подсказать ему разумные, адекватные, оптимальные и одобряемые варианты поведения, тем самым предотвращая хаос и стабилизируя социальные связи. В-третьих, не менее важной задачей депутата является психологизация самого законотворческого процесса, принятия законодательных решений. Все это уменьшает количество стрессов, депрессий, содействует развитию способностей личности и ее реализации.

Однако нормы не всегда успевают за стремительными изменениями общественной жизни. В ряде случаев они опережают ее, а иногда вступают друг с другом в противоречие вследствие ряда причин, например, сложности структуры общества, смены политических команд и их приоритетов, изменяющихся потребностей людей. Также нормы не всегда могут полно и адекватно отразить реальное положение дел в обществе из-за своего абстрактного характера и т. д. Эти обстоятельства законодатель должен учесть и сделать так, чтобы они не смогли вызвать социальную напряженность и породить у людей разочарование в возможностях правового регулирования. Для тех, кто имеет антисоциальные установки и преступные намерения, это несовершенство отечественного законодательства может стать искушением и стимулом для реализации корыстных или преступных целей.

ЗНАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И КОЛЛЕКТИВА ИМЕЕТ БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО ВЫПОЛНЕНИЯ ДЕПУТАТАМИ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ

Знание психологических закономерностей взаимоотношений личности и коллектива имеет большое значение для правильного выполнения депутатами своих полномочий. Психическая жизнь депутата, связанная с законотворческой деятельностью, обладает некоторыми особенностями, что обусловлено выполнением множества разнообразных социально-психологических, правовых и иных депутатских функций. Именно данное обстоятельство способствовало выделению из правовой психологии такого направления, которое исследует закономерности психики человека, проявляющиеся в сфере действия законотворчества.

Опираясь на современный высокий уровень развития психологических наук, принимая во внимание социально-психологический заказ общества, можно констатировать, что в настоящее время существуют все необходимые условия для разработки психологии законотворчества как теоретико-прикладного направления правовой психологи, а на ее основе – инновационной психотехнологической модели законотворчества. Использование данной психотехнологии позволит значительно повысить эффективность профессиональной парламентской деятельности депутатов.

Список использованных источников

1. Еникеев, М. И. Основы общей и юридической психологии: учебник / М. И. Еникеев. – М., 1996.
2. Дмитрук, В. Н. Теория государства и права: учеб. пособие / В. Н. Дмитрук. – Минск: Амалфея, 1998.
3. Кашанина, Т. В. Юридическая техника / Т. В. Кашанина. – М.: Эксмо, 2007.
4. Керимов, Д. А. Психология и правоведение: некоторые аспекты взаимодействия / Д. А. Керимов // Психология и право. – М., 1985.
5. Керимов, Д. А. Культура и техника законотворчества / Д. А. Керимов. – М.: Юрид. литература, 1991.
6. Косопкин, А. С. Психология парламентского законотворчества / А. С. Косопкин. – М.: Наука, 2006.
7. Кульчар, К. Основы социологии права / К. Кульчар. – М., 1981.
8. Лазарев, В. В. Социально-психологические аспекты применения права / В. В. Лазарев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.
9. Маркс, К. Собр. соч.: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 18.
10. Поленина, С. В. Закон как средство реализации задач формирования правового государства / С. В. Поленина // Теория права: новые идеи. – 1993. – Вып. 3.
11. Российское законодательство: проблемы и перспективы / Л. А. Окуньков [и др.]. – М., 1995.
12. Сильченко, Н. В. Границы деятельности законодателя / Н. В. Сильченко // Сов. государство и право. – 1991. – № 8.
13. Спенсер, Г. Грехи законодателя / Г. Спенсер // Соц. исследования. – М., 1992. – № 2.
14. Спирин, М. Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: дис. … канд. юрид. наук / М. Ю. Спирин. – М.: РГБ, 2003.
15. Тихомиров, Ю. А. Теория закона / Ю. А. Тихомиров. – М.: Наука, 1982.
16. Юдина, Е. В. Юридическая психология для студентов вузов / Е. В. Юдина; под ред. Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

Дата паступлення ў рэдакцыю 11.01.2011.

УДК 349.2

О. В. Степанов

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ

***Сцяпанаў Алег Віталь**евіч* – *кандыдат юрыдычных навук, дацэнт права кафедры публічнага права філіяла Расійскага дзяржаўнага ўніверсітэта ў г. Мінску. Сфера навуковых інтарэсаў – праблемы тэорыі апаратыўна-пошукавай дзейнасці, працоўнага і фінансавага права. Аўтар больш чым 60 навуковых прац, у тым ліку 2 манаграфій.*

В настоящее время вопросы трудовой миграции стали объектом пристального внимания представителей естественных и общественных наук. Так, общеметодологические составляющие трансграничного рынка труда освещены в работах М. Е. Белицкого, М. А. Бондаря, П. Г. Коваля. Социально-философский аспект возникновения иностранных диаспор как результат внешней трудовой миграции за рубежом рассмотрел С. Рязанцев. Значение экономической составляющей иностранной рабочей силы и ее влияние на экономический рост в стране показано в трудах Н. Л. Грибановой, С. Е. Метелева.

В юридической литературе также исследуются многие составляющие трудовой миграции. Проблемам правового регулирования миграции в модельном законодательстве для государств-участников СНГ посвящены работы Л. Ф. Апт, Е. В. Касьяновой. Вопрос привлечения к административной ответственности за правонарушения в сфере миграции иностранных граждан и лиц без гражданства рассматривается в статье К. П. Кондрашиной. Традиционно большое внимание проблеме международной миграции уделяется представителями международного права. Здесь необходимо выделить исследования, проведенные Л. В. Андриченко, Т. А. Прудниковой, П. Кобец, И. Цапенко и другими учеными.

На совершенствовании нормативных правовых актов, регулирующих социальные и трудовые права мигрантов, останавливают свое внимание белорусские ученые и практики, такие

как С. А. Матус, Т. В. Тумашик, С. М. Касинский, Е. В. Касьянова. Тем не менее среди многообразия подходов к изучению правового регулирования труда с иностранным участием в теории трудового права концепция эффективного формирования и развития правового регулирования субъектов внешней трудовой миграции остается не достаточно разработанной, поскольку эта проблема белорусскими учеными и практиками комплексно не рассматривалась. До настоящего времени крупные научные разработки, в том числе монографического характера, посвященные данному направлению, отсутствуют. По нашему мнению, одним из приоритетных направлений совершенствования правоустановительной деятельности государства в социально-трудовой сфере является создание эффективной правовой базы, регулирующей труд работников отдельных отраслей экономики и профессий в общем и регламентирующей трудовые отношения с участием трудящихся-мигрантов в частности. Именно поэтому научная разработка вопросов привлечения иностранной рабочей силы является обязательным условием повышения эффективности регулирования труда отдельных категорий работников. Также следует отметить и то обстоятельство, что правовое регулирование трудовых отношений трудящихся-мигрантов представляет собой важнейшую категорию теории предмета трудового права и практики регулирования индивидуальных трудовых и связанных с ними отношений. По нашему мнению, специфика рассмотрения нормативных предписаний, закрепляющих основания беспрепятственной реализации мигрантами своих прав как объекта научного исследования, характеризуется высокой степенью динамизма, что обусловливает поиск оптимальных процедур использования правовых возможностей, предоставленных сторонам трудового договора.

НАУЧНАЯ РАЗРАБОТКА ВОПРОСОВ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ УСЛОВИЕМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ РАБОТНИКОВ

В этой связи, на наш взгляд, необходимо исследовать с точки зрения законности возможность привлечения в Республику Беларусь иностранной рабочей силы и ее дальнейшее использование нанимателями, согласовать правовые термины белорусского национального законодательства в области внешней трудовой миграции с международно-правовыми определениями, комментировать вновь принятые нормативные правовые акты, разработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правовой основы регулирования труда с иностранным участием, выделить характерные особенности заключения трудовых договоров с трудящимися-мигрантами.

После принятия Законов «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь», «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», «О беженцах», «О внешней трудовой миграции», «О гражданстве Республики Беларусь», Декрета Президента «О лицензировании отдельных видов деятельности», постановлений Совета Министров Республики Беларусь «О мерах по регулированию внешней трудовой миграции» и «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности, связанной с привлечением в Республику Беларусь иностранной рабочей силы и трудоустройством граждан Республики Беларусь за границей», а также пакета ведомственных нормативных актов по этому направлению в стране сформировалась собственная система правовых норм, регулирующих трудовые и связанные с ними отношения с иностранным участием.

Согласно имеющимся статистическим данным, на 1 января 2008 г. в Республике Беларусь постоянно проживает свыше 122,5 тысяч иностранных граждан и около 8 тысяч лиц без гражданства. При этом в 2007 г. в стране было зарегистрировано около 478 тысяч иностранцев, прибывших временно в Беларусь с различными целями, что почти на 139 тысяч больше, чем в 2006 г. Количество выданных разрешений на постоянное жительство в 2007 г. составило около 12 тысяч. В то же время, несмотря на значительное увеличение количества иностранцев, прибывших в Республику Беларусь в 2007 г., число зарегистрированных преступлений с их участием по сравнению с 2006 г. увеличилось незначительно: в 2006 г. было совершено 1589 преступлений, в 2007 г. – 1696. Также анализ работы, проведенной сотрудниками органов внутренних дел в сфере пресечения фактов незаконной миграции, показывает, что за нарушение правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства, а также правил транзитного проезда через территорию страны по итогам 12 месяцев 2007 г. было привлечено к административной ответственности около 17 тысяч иностранцев. В отношении 2019 лиц, грубо нарушивших правила пребывания, вынесены постановления о депортации. Кроме того, в результате контроля за режимом пребывания иностранных граждан правоохранительными органами на территории страны было выявлено восемь групп незаконных мигрантов численностью 53 человека.

НА 1 ЯНВАРЯ 2008 г. В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЕТ СВЫШЕ 122,5 ТЫСЯЧ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ОКОЛО 8 ТЫСЯЧ ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Интеграция Республики Беларусь в международный рынок труда позволила охарактеризовать динамику и тенденции миграции рабочей силы. За период проведения процедуры признания беженцем в стране с 1997 г. в территориальные органы внутренних дел МВД Республики Беларусь с соответствующими ходатайствами обратилось более 3 тысяч иностранцев из 45 государств мира. По состоянию на 1 января 2008 г. в Беларуси были признаны беженцами 800 человек из 13 стран мира. Распределение иностранцев, признанных беженцами в Республике Беларусь, по странам происхождения выглядит следующим образом: граждане Афганистана составляют около 70% от числа признанных беженцев, Грузии – 16%, Таджикистана – 4%, Эфиопии – 3%, других стран Азии и Африки – 7%. Таким образом, наибольшее количество иностранцев из числа признанных беженцев составляют граждане Афганистана. В 2007 г. Департаментом принято 56 решений по ходатайствам иностранцев. Из них признаны беженцами 4 иностранца, что составило около 7% от общего количества рассмотренных ходатайств и в процентом соотношении количественная составляющая снизилась на 63,3% по сравнению с 2006 г. Было отказано в признании беженцами 48 иностранцам (86%), в отношении 4-х иностранцев рассмотрение ходатайств прекращено (7%). Как следует из приведенных данных, количество решений о признании иностранцев беженцами от общего числа рассмотренных обращений является незначительным и имеет тенденцию к снижению.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ, ПРИЗНАННЫХ БЕЖЕНЦАМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, ПО СТРАНАМ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВЫГЛЯДИТ СЛЕДУЮЩИМ ОБРАЗОМ: ГРАЖДАНЕ АФГАНИСТАНА СОСТАВЛЯЮТ ОКОЛО 70% ОТ ЧИСЛА ПРИЗНАННЫХ БЕЖЕНЦЕВ, ГРУЗИИ – 16%, ТАДЖИКИСТАНА – 4%, ЭФИОПИИ – 3%, ДРУГИХ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ – 7%

Численность трудящихся-мигрантов, въехавших в Беларусь в период с января по декабрь 2007 г. для работы на основе подписанных трудовых договоров, в том числе и на основе контрактной формы найма, составила 1496 человек и возросла на 62% по сравнению с аналогичным периодом 2006 г. Численность трудящихся-мигрантов, въехавших для работы на основе подписанных договоров и контрактов в 2007 г. в регионы Беларуси, составляет: Брестская область – 262 человека, Витебская область – 146, Гомельская область – 105, Гродненская область – 191, г. Минск – 595, Минская область – 122, Могилевская область – 75. Также на 1 января 2008 г. более 600 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей были наделены МВД Республики Беларусь лицензионным правом привлечения в страну иностранной рабочей силы.

При этом следует обратить внимание на изменение соотношения количества въехавших/выехавших за рубеж граждан Республики Беларусь в условиях международного экономического кризиса. Так, в соответствии с данными Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, в 2008–2009 гг. ежегодно на работу за рубеж выезжало примерно 4,5 тысячи граждан Беларуси, въезжало – порядка 4 тысяч иностранцев, а в 2010 г. ситуация изменилась. Сейчас эти показатели составляют соответственно около 4 и более 5 тысяч человек. Следовательно, в настоящее время число иностранцев, приезжающих в Беларусь на работу, растет. Такое положение сотрудники Департамента по гражданству и миграции связывают с ситуацией на международном рынке труда, рынке труда в странах-соседях и в самой Беларуси[1].

[1] *Будкевич В. Число иностранцев, приезжающих в Беларусь на работу, растет.*

Таким образом, приведенные статистические данные позволяют сделать некоторые промежуточные выводы. Во-первых, с 90-х годов XX в. в Республике Беларусь начался процесс зарождения трансграничного рынка труда, формирование которого к настоящему времени фактически завершилось. Во-вторых, международная миграция населения и все более активное применение в Республике Беларусь иностранной рабочей силы как результат, с одной стороны, осуществления трудовой деятельности трудящимися-мигрантами, с другой стороны, последующей интеграции беженцев в рынок труда обусловливают наличие многоаспектных экономических, социальных и правовых проблем трудовой миграции. В-третьих, в настоящее время количество приезжающих на работу в Республику Беларусь иностранцев превалирует над числом белорусов, выезжающих за рубеж по анализируемому основанию.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ КОЛИЧЕСТВО ПРИЕЗЖАЮЩИХ НА РАБОТУ В РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ ИНОСТРАНЦЕВ ПРЕВАЛИРУЕТ НАД ЧИСЛОМ БЕЛОРУСОВ, ВЫЕЗЖАЮЩИХ ЗА РУБЕЖ

При этом очевидным представляется тот факт, что процесс трудовой деятельности иностранных граждан, основанный на трудовом договоре, является специфическим видом трудовой деятельности, поскольку рассматриваемая категория работников должна обладать общепризнанными правами человека в соответствии с международными договорами Республики Беларусь или конвенциями Международной организации труда, участницей которых является наша страна. Следовательно, трудовые отношения с участием иностранных работников должны рассматриваться как труд. Юридическое же выражение труда, его организация и условия составляют суть как отрасли, так и предмета трудового права[2].

[2] *Трудовое право… С. 8–9.*

Поэтому представляется ошибочным подход Е. В. Касьяновой к оформлению трудовых отношений с иностранными гражданами, в соответствии с которым, с одной стороны, достаточно единственной правовой нормы (ст. 323 ТК РБ), регулирующей труд мигрантов на территории Беларуси, с другой – законодателю целесообразно выбирать отсылочный способ изложения анализируемой юридической нормы в Трудовом кодексе[3].

[3] *Касьянова Е. В. Правовое регулирование трудовой миграции в рамках Содружества Независимых Государств. Вып. 5. С. 452.*

В современных условиях белорусское государство придает огромное значение созданию правовой базы для беспрепятственной реализации мигрантами своих трудовых и социальных прав, разработке системы их социальной защиты. В этом направлении отечественным законодателем предприняты значимые шаги: в частности, внесены изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции». В указанном законодательном акте закреплены термины «трудящийся-мигрант» и «внешняя трудовая миграция». Однако предпринятый нами анализ этих терминов показывает наличие принципиального методологического противоречия между ними. Так, ст. 2 данного Закона определяет трудящегося-мигранта как лицо, которое занималось, занимается или будет заниматься трудовой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает. Соответственно, внешняя трудовая миграция является добровольным выездом на законном основании граждан, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь, за границу, а также въездом иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих вне пределов Республики Беларусь, на ее территорию для получения работы по трудовому договору (контракту). В первом случае трудовая деятельность трудящегося-мигранта трактуется законодателем широко, включает возможность выполнения им работ не только по трудовому договору, но и выполнение работ (оказание услуг) на основании гражданско-правовых договоров. Во втором случае рассматриваемая деятельность охватывает работу исключительно на основании трудового договора. Кроме того, в ст. 320 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК РБ) используется термин «иностранный работник», который, во-первых, отражает все признаки, установленные для определения «трудящийся-мигрант», во-вторых, охватывает трудящихся-мигрантов, осуществляющих трудовую деятельность в установленном порядке, в том числе и с учетом требований ст. 323 ТК РБ.

Таким образом, во-первых, чтобы разграничить международно-правовое понятие «трудящийся-мигрант» и понятие «иностранный работник» в национальном законодательстве о труде,

во-вторых, в целях улучшения правового регулирования труда субъектов внешней трудовой миграции (иностранных граждан и лиц без гражданства) по нормам трудового и гражданского законодательства, в-третьих, для достижения единообразия правовой терминологии предлагается следующее:

- изменить применяемый законодателем термин «внешняя трудовая миграция» так, чтобы субъекты внешней трудовой миграции могли осуществлять трудовую деятельность по трудовому или гражданско-правовому договору;
- дополнить ст. 1 ТК РБ определением «работник-мигрант».

На наш взгляд, «работник-мигрант» – это иностранный гражданин или лицо без гражданства, постоянно проживающий вне пределов Республики Беларусь, состоящий в трудовых отношениях с нанимателем на территории Республики Беларусь на основании заключенного трудового договора.

Анализ отдельных норм Закона о внешней трудовой миграции (далее – Закона) и некоторых основных терминов, применяемых в ст. 1 ТК РБ (например, «трудовой договор», «стороны трудового договора»), позволило нам определить характерные особенности заключения трудового договора с трудящимися-мигрантами. Во-первых, при оформлении трудовых отношений должна учитываться иммиграционная емкость страны. Во-вторых, неукоснительно гарантироваться приоритетное право белорусских граждан на занятие вакантных мест. В-третьих, соблюдаться принцип равенства прав трудящихся-мигрантов с гражданами государства трудоустройства. В-четвертых, трудовой договор должен заключаться на национальном или понятном для иностранного работника языке. В-пятых, договор должен носить возмездный характер.

«РАБОТНИК-МИГРАНТ» – ЭТО ИНОСТРАННЫЙ ГРАЖДАНИН ИЛИ ЛИЦО БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИЙ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, СОСТОЯЩИЙ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ С НАНИМАТЕЛЕМ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА ОСНОВАНИИ ЗАКЛЮЧЕННОГО ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Так, в соответствии со ст. 10 Закона трудовые отношения трудящегося-мигранта с нанимателем оформляются трудовым договором, который заключается в письменной форме на родном или понятном для трудящегося-мигранта языке. Этот договор должен содержать определенные данные о сроке его действия, характере и месте работы, условиях труда и его оплате, в том числе за работу в ночное, сверхурочное время, выходные и праздничные дни; о размере премий, надбавок и удержаниях с заработной платы; о правах, обязанностях, ответственности сторон, порядке и условиях расторжения или продления трудового договора; об организации переезда, питания, проживания, медицинского обслуживания трудящегося-мигранта и членов

его семьи; о порядке и условиях социального страхования трудящегося-мигранта; о порядке возмещения вреда, причиненного здоровью трудящегося-мигранта в процессе его трудовой деятельности, и о других социальных гарантиях. При этом наниматель Республики Беларусь обязан зарегистрировать заключенный трудовой договор в подразделении по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь.

На основании рассмотрения законодательства Республики Беларусь по вопросам регулирования внешней трудовой миграции, а также правоприменительной практики Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь можно сформулировать следующие выводы и предложения:

- международная миграция населения и все более активное применение в Республике Беларусь иностранной рабочей силы как результат, с одной стороны, осуществления трудовой деятельности трудящимися-мигрантами, с другой стороны, последующей интеграции беженцев в рынок труда обусловливают наличие многоаспектных экономических, социальных и правовых проблем трудовой миграции;
- в структуре современных знаний о привлечении и использовании иностранной рабочей силы, по нашему мнению, следует выделить два взаимосвязанных уровня – общетеоретический и теоретико-прикладной;
- в целях совершенствования правового регулирования труда с иностранным участием в Республике Беларусь предлагаем, во-первых, изменить применяемый законодателем термин «внешняя трудовая миграция» так, чтобы субъекты внешней трудовой миграции могли осуществлять трудовую деятельность по трудовому или гражданско-правовому договору, во-вторых, дополнить ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь определением «работник-мигрант», под которым понимается иностранный гражданин или лицо без гражданства, постоянно проживающий вне пределов Республики Беларусь, состоящий в трудовых отношениях с нанимателем на территории Республики Беларусь на основании заключенного трудового договора.

Безусловно, в рамках данной статьи невозможно рассмотреть весь спектр проблем, связанных с правовым регулированием иностранной рабочей силы в Республике Беларусь. Поэтому предлагаемый материал представляет собой промежуточный результат проводимого комплексного исследования в данном направлении.

Список использованных источников

1. Андриченко, Л. В. Законодательство в сфере миграции: проблемы и перспективы / Л. В. Андриченко // Журнал российского права. – 2006. – № 1. – С. 6–18.
2. Андриченко, Л. В. Правовое регулирование привлечения и использования иностранной рабочей силы в Российской Федерации / Л. В. Андриченко // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 50–65.
3. Апт, Л. Ф. Проблемы правового регулирования миграции в модельном законодательстве для государств – участников СНГ и международном праве / Л. Ф. Апт // Миграционное право (РФ). – 2006. – № 1. – С. 22–26.
4. Белицкий, М. Е. Трансграничные рынки труда: методология, особенности формирования и проблемы развития / М. Е. Белицкий // Журнал международного права и международных отношений. – 2006. – № 3. – С. 91–94.
5. Бондарь, М. А. Модель государственного регулирования интеллектуальной миграции в Республике Беларусь / М. А. Бондарь // Веснік БДЭУ. – 2006. – № 2. – С. 17–23.
6. Будкевич, В. Число иностранцев, приезжающих в Беларусь на работу, растет / В. Будкевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.tut.by/economics. – Дата доступа: 08.12.2010.
7. Грибанова, Н. Л. «Новая экономика» и ее воздействие на динамику миграции рабочей силы / Н. Л. Грибанова // Новая экономика (РБ). – 2007. – № 1 / 2. – С. 34–42.
8. Грибанова, Н. Л. Динамика и особенности миграции рабочей силы в условиях «новой экономики» / Н. Л. Грибанова // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2006. – № 1 (11). – С. 151–154.
9. Касьянова, Е. В. Правовое регулирование трудовой миграции в рамках Содружества Независимых Государств / Е. В. Касьянова // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. труд. / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Минск, 2009. – Вып. 4. – С. 513–520.
10. Касьянова, Е. В. Правовое регулирование трудовой миграции в рамках Содружества Независимых Государств / Е. В. Касьянова // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. труд. / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Минск, 2010. – Вып. 5. – С. 452–458.
11. Кобец, П. Внешняя миграция как угроза национальной безопасности России / П. Кобец // Профессионал (РФ). – 2006. – № 5. – С. 22–23.
12. Коваль, П. Г. Международная миграция рабочей силы / П. Г. Коваль // Веснік БДЭУ. – 2006. – № 6. – С. 20–25.
13. Кондрашина, К. П. Административная ответственность за правонарушения в сфере миграции иностранных граждан и лиц без гражданства / К. П. Кондрашина // Административное право и процесс (РФ). – 2006. – № 2. – С. 40–44.
14. Матус, С. А. Интеграция беженцев в Республике Беларусь / С. А. Матус, Т. В. Тумашик // Журнал международного права и международных отношений. – 2007. – № 4. – С. 37–43.
15. Метелев, С. Е. Нелегальная миграция и ее влияние на социально-экономическое развитие страны / С. Е. Метелев // Закон и право (РФ). – 2006. – № 1. – С. 3–5.

16. Метелев, С. Е. Иммиграционная емкость страны. Влияние международной миграции на экономический рост / С. Е. Метелев // Закон и право (РФ). – 2006. – № 9. – С. 10–15.
17. Прудникова, Т. А. Международно-правовое регулирование трудовой миграции / Т. А. Прудникова // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2007. – № 1. – С. 136–137.
18. Рязанцев, С. Трудовая миграция из России и новая российская диаспора за рубежом / С. Рязанцев // МЭиМО. – 2006. – № 9. – С. 32–40.
19. Сборник нормативных правовых актов Республики Беларусь по вопросам убежища, миграции и гражданства / сост. С. А. Матус, С. М. Касинский. – Минск: Тесей, 2007. – 512 с.
20. Трудовое право: учебник / В. И. Семенков [и др.]; под общ. ред. В. И. Семенкова. – 2-е изд. – Минск, 2002. – 672 с.
21. Трудовой кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 26 янв. 2008 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 80. – 2 / 70.
22. Цапенко, И. Движущие силы международной миграции населения / И. Цапенко // МЭиМО. – 2007. – № 3. – С. 3–14.

Дата паступлення ў рэдакцыю 23.12.2010.

УДК 343

Р. В. Маджаров

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Приостановление предварительного расследования (далее – ППР) как правовое явление (процессуальное решение, этап, правовой институт) в отечественном уголовном процессе возникло в период нахождения белорусских земель в составе Российской империи, в 1864 г. с принятием Устава уголовного судопроизводства (далее УУС). Его сущность законодатель определял как временный перерыв *в работе следователя по уголовному делу*. В соответствии со ст. 510, 518, 523, 524 и 529 УУС решение об объявлении перерыва принималось судом на основании ходатайства (постановления) следователя и заключения прокурора. Основаниями для приостановления расследования являлись два обстоятельства: неустановление местонахождения обвиняемого и необходимость разрешения преюдициальных вопросов гражданского права. Данные обстоятельства объединялись такими признаками, как объективность (то есть независимость от воли и желания следователя), преодолимость (иначе временность) и связь с личностью обвиняемого или лица, подлежащего привлечению в качестве такового[1]. Устранение этих препятствий к окончанию расследования не входило в компетенцию судебного следователя.

Со времени судебной реформы 1864 г. прошло более 145 лет, поэтому сущность ППР, основания и порядок его объявления существенно изменились. В сегодняшнем уголовном процессе Беларуси под приостановлением расследования уже

Маджараў Руслан Уладзіміравіч *– падпалкоўнік міліцыі, ад'юнкт навукова-педагагічнага факультэта Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь. Сфера навуковых інтарэсаў – крымінальна-працэсуальныя адносіны. Аўтар больш чым 15 публікацый па праблемах удасканалення нормаў крымінальна-працэсуальнага заканадаўства і практыкі іх выкарыстання.*

[1] *Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса… С. 258–259.*

понимается перерыв лишь *в процессуальной деятельности следователя* при продолжении им непроцессуальной работы по делу[2]. При этом законодателем право приостановления расследования делегировано следователю (дознавателю) и существенно расширен перечень оснований объявления перерыва в производстве по делу. Он стал включать в себя 9 обстоятельств, которые закреплены в 6 пунктах ч. 1 ст. 246 принятого в 1999 г. УПК. К ним относятся следующие: 1) неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1); 2) сокрытие обвиняемого от органа уголовного преследования; 3) неустановление его местонахождения по иным причинам (п. 2); 4) отсутствие реальной возможности участия обвиняемого, чье местонахождение известно, в производстве по уголовному делу в связи с рассмотрением вопроса о его выдаче иностранным государством; 5) отсутствие реальной возможности участия обвиняемого в связи с невозможностью по объективным причинам прибыть к месту производства предварительного расследования (п. 3); 6) наличие у обвиняемого временного психического расстройства; 7) наличие у обвиняемого иного заболевания, препятствующего его участию в производстве процессуальных действий (п. 4); 8) невозможность производства следственных действий, без которых не может быть принято решение об окончании предварительного расследования (п. 5); 9) необнаружение безвестно исчезнувшего лица (п. 6). Из приведенного перечня видно, что законодатель перестал связывать возможность приостановления расследования исключительно с личностью лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Таким образом, первоначальное содержание института ППР к настоящему времени кардинально трансформировалось. И если такое изменение, как введение п. 6 ч. 1 ст. 246 УПК, вызвано закреплением в законе в качестве основания возбуждения уголовного дела безвестного исчезновения лица (ч. 2 ст. 167 УПК), то причины остальных новшеств менее очевидны. С учетом того, что в настоящее время решение о ППР принимается практически по каждому второму делу, механизмы, приведшие к этим изменениям, представляют существенный интерес. К сожалению, в работах ученых-правоведов (В. М. Быкова, В. Д. Ломовского, Е. К. Черкасовой, А. С. Шагиняна и др.) больше внимания уделено перечислению всех изменений, нежели причин, к ним приведшим. Последнее и обусловливает необходимость рассмотрения обстоятельств, связанных с трансформацией института ППР.

[2] *Нечаева В. А. Некоторые проблемы приостановления производства по уголовным делам… С. 200–201.*

Итак, первые законодательные изменения в нормы института ППР были внесены с принятием УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. и УПК БССР 1923 г. Сутью новшеств стало следующее: 1) исключение необходимости приостановления производства по делу в связи с разрешением преюдициальных вопросов гражданского права; 2) закрепление в качестве причины объявления перерыва в расследовании такого обстоятельства, как «болезненное расстройство душевной деятельности, возникшее после совершения преступления» (ст. 199–205 УПК РСФСР 1922 г., ст. 196–201 УПК РСФСР и УПК БССР 1923 г.); 3) фактическое исключение прокурора из числа субъектов принятия решения о ППР. Первое из приведенных изменений связано с упразднением деления окружных судов на отделения гражданских и уголовных дел, что позволило судьям в рамках разрешения уголовного дела рассматривать и оценивать гражданско-правовые отношения, связанные с событием преступления. Второе и третье нововведение взаимосвязаны: видится, что именно изменение порядка приостановления расследования привело к включению психического заболевания обвиняемого в перечень оснований ППР. Так, в период действия УУС 1864 г. перерыв в производстве по делу в связи с расстройством душевной деятельности обвиняемого объявлялся лишь в ходе судебного производства. Установление же на предварительном следствии факта наличия (или предположение о наличии) у обвиняемого психического заболевания только возлагало на следователя обязанность провести медицинское освидетельствование последнего, но не препятствовало завершению расследования обычным порядком, т. е. путем передачи дела прокурору для направления в суд. В суде проводилось повторное освидетельствование обвиняемого, по результатам которого дело либо прекращалось, либо приостанавливалось. В последнем случае после выздоровления обвиняемого дело возвращалось прокурору для составления обвинительного акта. Это действие (как и составление представляемого суду заключения о приостановлении или прекращении дела) выполнялось прокурором на стадии *предания суду*. На стадию предварительного следствия дело не возвращалось (раздел III УУС)[3].

ПЕРВЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В НОРМЫ ИНСТИТУТА ППР БЫЛИ ВНЕСЕНЫ С ПРИНЯТИЕМ УПК РСФСР 1922 г. И 1923 г. И УПК БССР 1923 г.

Исключение советским законодателем прокурора из числа субъектов, принимающих участие в приостановлении расследования (следователь для приостановления расследования стал передавать дело в суд напрямую, лишь уведомляя

[3] *Маджаров Р. В. Становление института приостановления предварительного расследования в досоветский период. С. 40.*

прокурора о принятом решении), привело к тому, что после выздоровления обвиняемого дело должно было быть передано судом обратно следователю, т. е. на стадию *предварительного расследования*. При этом сама деятельность суда по приостановлению расследования стала аналогичной утверждению решения подчиненного начальником. Поэтому логичным является включение психического заболевания обвиняемого, ставшего основанием приостановления судебного производства, в перечень оснований ППР.

Дальнейшие изменения норм института ППР связаны с принятием ВЦИК и СНК РСФСР постановления о внесении изменений в УПК от 20 октября 1929 г. Согласно ему глава XVII УПК РСФСР (1923 г.), называвшаяся «Окончание предварительного следствия», была представлена в редакции «Приостановление и окончание предварительного следствия». В ст. 202 данной главы законодатель закрепил, что предварительное расследование приостанавливается в случае «неизвестности пребывания подследственного» и «его психического расстройства или ***иного*** удостоверенного врачом, состоящим на государственной службе, ***тяжелого болезненного состояния***». Таким образом, впервые на законодательном уровне в качестве основания ППР стало рассматриваться не только психическое, но и иное «тяжелое» расстройство здоровья. Аналогичные изменения в УПК БССР внесены не были. Однако существовавшая практика отработки тех или иных нововведений сначала в РСФСР, а затем унификация в соответствии с ними национального законодательства и судебно-следственной практики союзных республик позволяет утверждать, что это же обстоятельство применялось в качестве оснований ППР и в нашей стране.

ПО УУС 1864 г. СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ МОГ, ЕСЛИ СЧИТАЛ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ, ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ В ПРЕДЕЛАХ СРОКА ДАВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Причины закрепления нового основания объявления перерыва в расследовании вызваны, как представляется, ограничением советским законодателем сроков расследования. Так, по УУС 1864 г. судебный следователь мог, если считал целесообразным, осуществлять производство по делу в пределах срока давности привлечения лица к уголовной ответственности. Поэтому причин рассматривать болезнь лица в качестве фактора, требующего принятия какого-либо процессуального решения о движении дела, у него не было. Закон предоставлял следователю право, «соображаясь с большею или меньшею важностью дела», либо просто выждать, когда обвиняемый

выздоровеет, либо выбыть для проведения процессуальных действий по месту нахождения обвиняемого (ст. 397). В то время как УПК РСФСР 1922 г. (ст. 107, 119) и УПК РСФСР, УПК БССР 1923 г. (ст. 105, 116) ограничили срок предварительного расследования. Для дознания он составил 1 месяц *с момента возбуждения дела* (срок этот не продлевался), а для предварительного следствия – 2 месяца *с момента «объявления подозреваемому лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого»*. Одновременно устанавливался механизм продления срока следствия: он мог быть продлен самим следователем с уведомлением прокурора о «причинах, задерживающих окончание следствия», что можно назвать «мягким» способом ограничения сроков производства по уголовному делу. Итогом такого решения законодателя стала необходимость для следователя каким-либо образом реагировать на заболевание обвиняемого, которое не позволяло провести с ним процессуальные действия и в результате своевременно окончить производство по делу. Поскольку данному препятствию были свойственны те же признаки, что и основаниям ППР (объективность, временность, связь с личностью обвиняемого), то законодатель связал его наступление с возможностью объявления перерыва в производстве по делу.

В 1928–1930 гг. также изменился порядок приостановления производства по делу: это право перешло вначале к прокурору[5], а затем и к самому следователю (дознавателю)[4]. Право приостановления расследования сохраняется за следователем (дознавателем) и в настоящее время.

Причины первого изменения (передачи прокурору права приостанавливать расследование) очевидны: к концу 20-х годов XX в. в Советском Союзе устанавливается авторитарный политико-правовой режим. Законодательство (в том числе уголовное и уголовно-процессуальное) и органы управления полностью ориентируются на обеспечение устойчивости функционирования данной системы государственной власти[6]. В результате усиливается роль прокурорского надзора, что в конце 20-х годов привело к полному процессуальному и административному подчинению следователей прокурорам. По сути, следователи из самостоятельной процессуальной фигуры превращаются в «агентов прокурора»[7]. В этом контексте естественна и передача прокурору от суда права приостановления расследования.

Последующее наделение следователя и дознавателя правом самостоятельного приостановления расследования как бы

[4] *Об изменениях в Уголовно-процессуальном кодексе…*

[5] *Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР…*

[6] *Вішнеўскі А. Ф. Асаблівасці палітыка-прававого рэжыму савецкай дзяржавы і яго вытокі… С. 96, 149, 313.*

[7] *Об изменениях в Уголовно-процессуальном кодексе…*

противоречит указанному подходу законодателя, но, по сути, это результат (хоть и побочный) все тех же политических и социальных процессов, происходящих в стране. Как отмечает А. Ф. Вишневский, переход в 1929 г. от экономических методов управления народным хозяйством к административно-командным рычагам явился «важнейшим условием и причиной (прежде всего экономической) политических репрессий»[8], которые возрастают в том же 1929 г.[9] и очень быстро приобретают массовый характер.

Для эффективности карательной политики требовалось сокращение сроков расследования и судебного производства. С 1929 г. в РСФСР сроки следствия сокращаются до 2 месяцев с момента *возбуждения дела* (в УПК БССР подобное ограничение было введено в 1934 г.). Одновременно следователи соответствующими постановлениями ЦИК РСФСР и союзных республик лишаются права самостоятельно продлевать сроки расследования. Теперь данное решение стало санкционироваться прокурорами области[10] (до 3 месяцев) и республики (свыше 3 месяцев). С усилением репрессий в 30-е годы по так называемым контрреволюционным и другим преступлениям, где так или иначе затрагивались интересы государства, сроки расследования сокращаются до 10 и даже 3–5 дней[11]. В результате ускорение расследования становится средством реализации карательной уголовной политики государства. Следствием ускорения расследования и возбуждения большого количества уголовных дел стало распространение упрощенчества в процессуальной деятельности[12]. Как отмечал Н. Лаговиер, встречались факты, когда в суд направлялись дела не только без предъявления обвинения, но даже без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела[13]. Но и это не позволило обеспечить окончание производства по всем уголовным делам в требуемые сроки. Не случайно в БССР для расследования уголовных дел делегировались сотрудники из других республик, с которыми при этом не всегда удавалось организовать проведение занятий по изучению национальных УК и УПК[14].

Понятно, что невозможность осуществления производства в установленные сроки вызывала объективную необходимость получения отсрочки на его завершение. Однако обращение к прокурору с ходатайством о продлении срока расследования в то время являлось нецелесообразным, поскольку данное решение следователя рассматривалось контролирующими и надзирающими органами не иначе как волокита[15]. Как недобросовестное затягивание дела могло быть расценено

[8] *Вишневский А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси… С. 190.*

[9] *Мартинович И. И. Развитие суда и уголовно-процессуальных форм судебной деятельности в Белорусской ССР…*

[10] *Ст. 116 УПК РСФСР в редакции постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20.10.1929 г.; в ст. 96а УПК БССР в редакции 1935 г. не указано, каким именно прокурором (района или области) продлевается срок расследования.*

[11] *Аб змене арт. арт. 442 і 454 Крымінальнага працэсуальнага Кодэкса БССР…*

[12] *Циркуляр НКЮ РСФСР 1929 г…*

[13] *Лаговиер Н. Вредное упрощенчество в следственной и судебной работе.*

[14] *Архив МВД Республики Беларусь. Фонд 50. Оп. 5. Д. 13. Л. 260.*

[15] *О задачах органов юстиции…*

и расследование преступлений в течение установленных законом 2 месяцев[16]. Оценка темпов работы (в т. ч. расследования) как «волокита» в рассматриваемый период влекла применение мер не только дисциплинарной, но и уголовной ответственности[17]. При этом, нужно отметить, что дисциплинарная ответственность за волокиту была предусмотрена не только ведомственными актами, но и нормами Уголовного кодекса (ст. 195 и 213 УК БССР 1928 г.). Распространенной мерой воздействия на сотрудников НКВД (орган дознания) являлся арест с исполнением служебных обязанностей или с освобождением от них. Уголовное же наказание за волокиту в зависимости от инкриминируемых лицу целей бездействия или халатного отношения к исполнению обязанностей могло повлечь не только лишение свободы, но даже смертную казнь (ст. 75 и 196 УК БССР).

В таких условиях у следствия (дознания) при невозможности своевременного окончания расследования было два выхода: либо оставить дело без принятия решения, либо приостановить расследование, в том числе и по непредусмотренным в законе основаниям. Последний вариант действий, на наш взгляд, являлся более предпочтительным, поскольку создавал видимость законности действий следователя (дознавателя) и при этом не требовал обращения к вышестоящему прокурору. Такой способ получения отсрочки окончания расследования действительно применялся на практике. Так, в приказах Прокурора СССР и юридической литературе отмечались случаи приостановления расследования в связи с неполучением ответа на запрос или отдельное требование следователя, с проведением ревизии, выбытием лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, «в служебную командировку на длительный срок», проведением стационарной психиатрической экспертизы. Скрывались факты волокиты и нерасследования дел также путем их приостановления в связи с неизвестностью местопребывания обвиняемого[18].

Естественно, что использование ППР как замаскированного продления сроков расследования не соответствовало требованиям закона. Поэтому в условиях строгого наказания за волокиту прокурорам было выгодно дистанцироваться от принятия данного решения, что и представляется наиболее вероятной причиной наделения следователя (дознавателя) правом самостоятельно приостанавливать расследование. Способствовал снятию ответственности с прокуроров за правомерность ППР и тот факт, что основная масса уголовных

[16] *Судебная практика.*

[17] *Национальный архив РБ. Фонд 750. Оп. 1. Д. 691. Л. 79–86.*

[18] *Карницкий Д. А. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР…*

дел, начиная с осени 1929 г., стала расследоваться не следователями прокуратуры, а органами дознания, которые не были ей административно подчинены[19].

[19] *Из истории ОВД...*

Существовали также и определенные формы ведомственного контроля, в то время как: а) дистанцирование прокуроров от принятия решения о приостановлении производства по делу содействовало развитию практики применения норм института ППР как альтернативы продлению срока расследования; б) распространение такой практики уже не позволяло следователям рассматривать ППР в качестве решения о завершении ими своей работы по делу, тем более что прокурор в рамках надзора мог проверить законность принятого решения. Эти обстоятельства вынуждали следователя (дознавателя) после объявления перерыва в производстве по делу принимать меры к устранению обстоятельств, препятствующих движению дела, т. е. «дорасследовать» его. Предоставить следователю (дознавателю) такую возможность могло только наличие у него после ППР уголовного дела. С одной стороны, это обеспечивало сосредоточение всех сведений об обстоятельствах, повлекших приостановление расследования и подлежащих устранению в целях его окончания. С другой стороны, предоставляло следователю (дознавателю) запас времени на устранение допущенных в ходе следствия пробелов.

Подход законодателя к следствию как к сугубо процессуальной деятельности, аналогичной деятельности суда на судебных стадиях процесса, и к ППР как к *перерыву в работе следователя* не допускал возможности реализации указанных интересов следователя. Однако в том, чтобы деятельность следователя выходила за рамки следственного производства, были заинтересованы органы дознания и прокуратуры. Это вытекает из того, что в советских республиках самостоятельная фигура судебного следователя превратилась в следователя, подчиненного органу обвинения – прокурору, а дознавателя – в следователя, подчиненного органу дознания. В итоге, во-первых, одними и теми же органами (должностными лицами) стали исполняться функции дознания, обвинения и расследования. Во-вторых, были созданы правовые предпосылки к возложению на следователя (дознавателя) задач, свойственных данным органам, в том числе сугубо розыскных задач (в частности поиска и поимки обвиняемого, чье местонахождение неизвестно), решение которых априори не может быть ограничено рамками следственного производства. И, в-третьих, сама

функция следователя трансформировалась из следственной (юстиционной) в прокурорско-дознавательскую[20].

Таким образом, в начале 30-х годов сложилась такая ситуация, когда, с одной стороны, следователь был заинтересован в возможности осуществления деятельности после ППР, а с другой – подчинение следователя органу дознания и обвинения предполагало возложение на него обязанности осуществлять розыскную, т. е. непроцессуальную, деятельность. Не случайно в руководстве для органов расследования, изданном в 1935 г. под редакцией наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко, обращается внимание на необходимость хранения у следователя уголовного дела после приостановления по нему производства[21], что, по сути, является признанием сложившейся ситуации органами власти и управления. Также это подтверждено в приказе Прокурора СССР № 28/3 (1939 г.), где говорится о том, что следователь по приостановленному делу должен принимать активные меры по устранению препятствующих производству по делу обстоятельств, в том числе розыск скрывшегося обвиняемого, а уголовное дело до сдачи его в архив следственной части (прокуратуры) должно находится у следователя.

Необходимость исполнения подзаконных актов привела к тому, что к концу 30-х годов XX в. уголовно-процессуальное законодательство и практика его реализации в части назначения ППР вступили в противоречие. Оно заключалось в том, что по закону (УПК РСФСР, УПК БССР) работа следователя по делу с приостановлением расследования прекращалась, тогда как подзаконными актами ему предписывалось принимать необходимые меры для устранения причин перерыва в производстве по делу.

Следующие законодательные изменения в регулировании отношений, связанных с ППР, произошли в 1960 г., когда был принят новый УПК БССР, который содержал специальную главу «Приостановление предварительного следствия». Нормы данной главы (ст. 194 УПК) не только закрепили введенные за три десятилетия до этого в УПК РСФСР основания ППР (п. 1 и 2 ч. 1 ст. 194 УПК БССР), но и дополнили их еще одним. Им стало «неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого» (п. 3 ч. 1 ст. 194 УПК), которое ранее (по УУС и УПК 1922–1923 гг.) являлось основанием прекращения производства по делу.

[20] *Сидорова Е. В. Организация предварительного следствия в органах уголовной юстиции советского государства. С. 19.*

[21] *Громов, В. У. Предварительное расследование в советском уголовном процессе… С. 183–184.*

В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ СЛОЖИЛАСЬ ТАКАЯ СИТУАЦИЯ, КОГДА, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, СЛЕДОВАТЕЛЬ БЫЛ ЗАИНТЕРЕСОВАН В ВОЗМОЖНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСЛЕ ППР, А С ДРУГОЙ – ПОДЧИНЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОРГАНУ ДОЗНАНИЯ И ОБВИНЕНИЯ ПРЕДПОЛАГАЛО ВОЗЛОЖЕНИЕ НА НЕГО ОБЯЗАННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ РОЗЫСКНУЮ, Т. Е. НЕПРОЦЕССУАЛЬНУЮ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В новом УПК изменился и подход к сущности ППР. Так, хотя по смыслу ст. 197 УПК с приостановлением предварительного расследования прекращалось проведение следственных действий, ч. 1 ст. 195 и ст. 196 УПК требовали от следователя после приостановления производства по делу принимать «как непосредственно, так и через органы дознания меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого», и к розыску обвиняемого, чье местонахождение не установлено. В этой связи ППР стало рассматриваться как вызванный неустановлением обвиняемого или невозможностью его участия в деле по указанным в законе причинам перерыв в проведении следственных (процессуальных[22]) действий и течении процессуальных сроков при сохранении активной позиции следователя по делу[23].

Для таких кардинальных изменений института ППР должны были быть серьезные основания. Можно согласиться с мнением Л. М. Репкина и К. Д. Шатило о том, что основной причиной нововведений стало закрепление в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства СССР и УПК республик идеи реализации ленинского требования неотвратимости уголовного наказания за совершение преступления[24]. Поэтому для достижения указанной цели действительно необходимо было отказаться от прекращения производства по делу в связи с неустановлением виновного лица. Но для обеспечения неотвратимости наказания было бы логично в данном случае вообще отказаться от ППР, на что и указывали отдельные ученые[25]. Однако законодатель предпочел изменить содержание и сущность института ППР, в чем усматривается прямое влияние наработок правоприменительной практики 30-х годов XX в.

Воспринял УПК БССР 1960 г. и установленный в 30-х годах XX в. механизм ограничения и продления сроков расследования (ст. 140). Одновременно контролирующие и надзирающие органы сохранили негативное отношение к несоблюдению сроков расследования. Так, анализ архивных материалов свидетельствует, что факты продления сроков расследования рассматривались как нарушение социалистической законности, высказывались требования об устранении данного недостатка[26]. Подобное сочетание предписаний закона и подзаконных актов в части обеспечения быстрых темпов расследования в 30-х годах XX в. являлось фактором, стимулирующим следователя (дознавателя) к использованию ППР в качестве альтернативы

[22] *Ломовский В. Д. Вопросы приостановления производства по уголовному делу в советском уголовном процессе. С. 118.*

[23] *Гуткин И. М. Советский уголовный процесс… С. 205–207.*

[24] *Репкин Л. М. Приостановление предварительного следствия… С. 19;*
Шатило К. Д. Приостановление дознания и предварительного следствия… С. 5.

[25] *Коврижных Б. Н. Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах… С. 11–12.*

[26] *Архив МВД РБ. Фонд 50. Оп. 2. Д. 72. Л. 33–40.*

продлению срока производства по делу. И, как видно, введение в 1960 г. новых УПК БССР и РСФСР не привело к его устранению. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в работе органов уголовного преследования не только сохранилась, но и получила свое дальнейшее развитие практика приостановления расследования по непредусмотренным законом основаниям. Такие факты приводятся в работах Л. М. Репкина, Н. В. Жогина, Ф. Н. Фаткуллина, К. Д. Шатило, И. М. Гуткина, П. С. Элькинд и других ученых. Можно утверждать, что в деятельности следственных органов это были не единичные случаи, а сложившаяся система. Так, например, как показывает проведенный А. С. Шагиняном в 90-х годах опрос сотрудников следствия ОВД и прокуратуры, большинство из них использовало ППР в качестве альтернативы продлению сроков расследования[27].

[27] *Шагинян А. С. Приостановление предварительного следствия... С. 70.*

Таким образом, к 90-м годам прошлого столетия в деятельности органов расследования сложилась устойчивая практика использования ППР для отсрочки завершения расследования. Изменить ситуацию могло бы упрощение процедуры продления сроков расследования и либерализация отношения контролирующих и надзирающих органов к фактам незавершения производства по делу в течение ординарного срока. Однако белорусский законодатель поступил по-другому: в новом УПК 1999 г. он, наоборот, расширил перечень оснований ППР, закрепив их в приведенных в начале статьи п. 3 и 5 ч. 1 ст. 246 данного кодекса. Тем самым была узаконена практика приостановления производства по делу в непредусмотренных УПК БССР 1960 г. случаях. И уже первые 2 года действия новелл (2001–2002 гг.) показали, насколько была распространена практика применения ППР в качестве отсрочки завершения расследования: ежегодно по обстоятельствам, ранее требовавшим продления срока производства по делу (п. 3 и 5 ч. 1 ст. 246 УПК), стало приостанавливаться не менее 1000 уголовных дел.

К 90-М ГОДАМ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ РАССЛЕДОВАНИЯ СЛОЖИЛАСЬ УСТОЙЧИВАЯ ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ППР ДЛЯ ОТСРОЧКИ ЗАВЕРШЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ

Вместе с тем решение законодателя о расширении фактически до усмотрения следователя оснований объявления перерыва в производстве по делу породило другую проблему: стерло различие между препятствиями к окончанию расследования, возникновение которых влечет продление срока расследования, и теми обстоятельствами, наступление которых позволяет приостановить расследование. Это, в свою очередь,

привело к противопоставлению институтов ППР и продлению срока расследования, на что обратили внимание и сами правоприменители. Так, в ходе опроса следователей 9 из 35 подразделений предварительного расследования ОВД (около 26 %) показали, что в их отделах практикуется приостановление производства на срок до 10 дней, чтобы избежать процедуры его продления.

К НАСТОЯЩЕМУ ВРЕМЕНИ СУЩНОСТЬ ППР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ БЕЛАРУСИ ПЕРЕСТАЛА СООТВЕТСТВОВАТЬ ЕГО ИЗНАЧАЛЬНОМУ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЮ КАК ПЕРЕРЫВУ В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Таким образом, к настоящему времени сущность ППР в уголовном процессе Беларуси перестала соответствовать его изначальному предназначению как перерыву в работе следователя. В качестве причин данной трансформации можно назвать следующие:

- подчинение следователя органам обвинения и дознания, что привело к частичному переносу на него их функций;
- закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве в качестве задачи уголовного процесса требования об обеспечении неотвратимости уголовного наказания;
- выбранный законодателем еще в конце 20-х – начале 30-х годов XX в. способ ограничения времени производства по делу (установление сроков расследования и жесткого механизма их продления) в совокупности с постоянным негативным отношением контролирующих и надзирающих органов к фактам его несоблюдения;
- начавшаяся в 30-е годы и развившаяся в дальнейшем в деятельности органов расследования практика использования ППР для отсрочки окончания расследования, возникновению которой способствовала излишняя требовательность в совокупности с большим количеством дел, находящихся одновременно в производстве следователя (дознавателя);
- устранение суда и прокурора от процедуры принятия решения о ППР.

Рассматривая перспективы дальнейшего развития института ППР, необходимо отметить, что противопоставление его институту продления сроков расследования является недопустимым. Необходимо устранить причины, порождающие асинхронность правовых предписаний. В этой связи видится целесообразным восстановить в законодательстве существовавшие ранее:

1) подход, согласно которому основаниями ППР могут являться только те обстоятельства, которые связаны с невозможностью проведения процессуальных действий

с обвиняемым (включая неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве такового);

2) институт обязательного рассмотрения прокурорами в рамках самостоятельного производства решения следователя (дознавателя) о приостановлении расследования и его утверждения путем вынесения собственного постановления, *обязательно* смягчив способ ограничения сроков расследования.

Возможность и целесообразность возврата к изначальной сущности ППР как полного перерыва в работе следователя зависит от определения функций следователя в современном уголовном процессе и места органов расследования в системе правоохранительных органов.

Список использованных источников

1. Аб змене арт. арт. 442 і 454 Крымінальнага працэсуальнага Кодэкса БССР і аб дапаўненні гэтага Кодэкса арт. арт. 96-б, 240-а і 381-а: пастанова ЦВК БССР, 5 снеж. 1934 г., № 247 // Збор законаў і загадаў Рабоча-Сялянскага Ураду БССР. – 1934. – № 49. – Паст. 247.
2. Архив МВД Республики Беларусь. – Фонд 50. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 260.
3. Балабанович, А. О приостановлении расследования за неизвестностью местопребывания подследственного / А. Балабанович // Социалистическая законность. – 1939. – № 8. – С. 83–85.
4. Вишневский, А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты. – Минск: Тесей, 2000. – 224 с.
5. Вішнеўскі, А. Ф. Асаблівасці палітыка-прававого рэжыму савецкай дзяржавы і яго вытокі (1917–1953 гг.) / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск: Тэсей, 2006. – 328 с.
6. Гаврилов, А. К. Раскрытие преступлений на предварительном следствии: правовые и организационные вопросы / А. К. Гаврилов; М-во внутр. дел СССР, Высш. следств. школа. – Волгоград, 1976. – 207 с.
7. Громов, В. У. Предварительное расследование в советском уголовном процессе: руководство для органов расследования и пособие для юрид. курсов / Под ред. Н. В. Крыленко. – 6-е изд. – М.: Сов. законодательство, 1935. – 252 с.
8. Гуткин, И. М. Советский уголовный процесс: учебник для сред. юрид. школ / И. М. Гуткин, Л. А. Мариупольский, И. И. Шереметьев. – М.: Госюриздат, 1960. – 319 с.
9. Данько, И. В. Приостановление и возобновление предварительного расследования: лекция / И. В. Данько; Академия МВД Республики Беларусь. – Минск, 2009.
10. Из истории ОВД / Сайт ГУВД Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.petrovka-38.org/page/6?i=83. – Дата доступа: 08.09.2010.
11. Карницкий, Д. А. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: практическое пособие для работников юстиции и юридических

курсов / Д. А. Карницкий, М. С. Строгович. – М.: Сов. законодательство, 15 тип. треста «Полиграфкнига», 1934. – 153 с.

12. Коврижных, Б. Н. Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 717 / Б. Н. Коврижных; Харьковский юрид. ин-т. – Харьков, 1969. – 22 с.
13. Лаговиер, Н. Вредное упрощенчество в следственной и судебной работе / Н. Лаговиер // Советская юстиция. – 1934. – № 10. – С. 7–8.
14. Ломовский, В. Д. Вопросы приостановления производства по уголовному делу в советском уголовном процессе / В. Д. Ломовский // Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 115–118.
15. Маджаров, Р. В. Становление института приостановления предварительного расследования в досоветский период / Р. В. Маджаров // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2009. – № 2 (18). – С. 37–41.
16. Мартинович, И. И. Развитие суда и уголовно-процессуальных форм судебной деятельности в Белорусской ССР (1917–1967 гг.): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 715, 710 / Мартинович И. И.; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1968. – 31 с.
17. Настольная книга следователя / Прокуратура СССР. Метод. совет. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 5-я тип. Главполиграфиздата в Свердловске, 1949. – 880 с.
18. Национальный архив РБ. – Фонд 750. – Оп. 1. – Д. 691. – Л. 79–86.
19. Нечаева, В. А. Некоторые проблемы приостановления производства по уголовным делам в связи с невозможностью проведения следственных действий, без которых не может быть принято решение об окончании предварительного расследования / В. А. Нечаева // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для ОВД РБ. – Минск, 2008.
20. О задачах органов юстиции. Доклад т. Крыленко на межрайонном совещании работников юстиции с участием актива юстиции г. Уфы и представителей областных и городских организаций 22 марта 1934 г. // Советская юстиция. – 1934. – № 9. – С. 1–5.
21. О работе следственных отделов: Приказ Прокурора СССР от 2 апр. 1937 г. № 18/26 // Социалистическая законность. – 1937. – № 5. – С. 125–126.
22. О состоянии и мерах дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности аппаратов предварительного следствия и дознания органов внутренних дел БССР: Приказ МВД БССР от 16 апр. 1977 г. // Архив МВД РБ. – Фонд 50. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 270–277.
23. О сроках расследования: Циркуляр Прокурора СССР от 16 янв. 1939 г. № 18–5 // Социалистическая законность. – 1939. – С. 109–110.
24. Об изменении Положения о Судоустройстве РСФСР: постановление ВЦИК, СНК РСФСР, 3 сен. 1928 г. // Консультант Плюс. Технология 4000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
25. Об изменениях в Уголовно-процессуальном кодексе: постановление ЦИК и СНК БССР, 13 апр. 1929 № 72 // Збор законаў и загадаў Рабоча-Сялянскага Ураду БССР. – 1929 г.
26. Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: постановление ВЦИК, СНК РСФСР, 20 окт. 1929 г. // СУ РСФСР. – 1929. – № 78. – Ст. 756.
27. Об итогах работы следственных аппаратов МООП БССР за 1 квартал 1964 г.: Приказ МООП БССР от 20 мая 1964 г. // Архив МВД РБ. – Фонд 50. – Оп. 2. – Д. 72. – Л. 33–40.

28. Об итогах работы следственных аппаратов органов охраны общественного порядка республики за 1964 г. и задачах на 1965 г.: Приказ МООП БССР от 20 фев. 1965 г. // Архив МВД РБ. – Фонд 50. – Оп. 2. – Д. 75. – Л. 227–235.
29. Пра зьмену падсуднасьці грамадзянскіх і крымінальных спраў і падсьледственнасьці крымінальных спраў у зьвязку з ліквідацыяю акруг: пастанова ЦВК і СНК БССР, 5 вер. 1930 г. // Збор законаў і загадаў Рабоча-Сялянскага Ураду БССР. – 1934. – № 34. – Аддз. 1. – Паст. 218.
30. Приказ Прокурора СССР, 11 нояб. 1938 г. № 1689 // Национальный архив РБ. – Фонд 750. – Оп. 1. – Д. 691. – Л. 210.
31. Репкин, Л. М. Приостановление предварительного следствия: учеб. пособие / Л. М. Репкин; Высш. следств. школа МВД ССР. – Волгоград, 1971. – 127 с.
32. Сидорова, Е. В. Организация предварительного следствия в органах уголовной юстиции советского государства, 1917–1941 гг.: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е. В. Сидорова; Московская акад. МВД РФ. – М., 2002. – 24 с.
33. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса: в 2 ч. / В. К. Случевский; под ред. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – Ч. 2: Судопроизводство. – 488 с.
34. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования: в 3 т. / А. И. Солженицын. – М.: Сов. писатель, 1989. – Т. 1. – 589 с.
35. Судебная практика // Советская Юстиция. – 1934. – № 14 – С. 20–23.
36. Циркуляр НКЮ РСФСР 1929 г. № 93 // Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: с изм. и доп.: текст по состоянию на 1 марта 1933 г. – М.: Сов. законодательство, 1933. – 110 с.
37. Циркуляр Прокурора БССР, 25 апр. 1938 г. № 19 / 3 // Национальный архив РБ. – Фонд 750. – Оп. 1. – Д. 693. – Л. 79–81.
38. Чельцов, М. Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя / М. Чельцов // Социалистическая законность. – 1937. – № 3. – С. 28–35.
39. Шагинян, А. С. Приостановление предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. С. Шагинян. – М.: РГБ, 2003. – 204 с.
40. Шатило, К. Д. Приостановление дознания и предварительного следствия: лекция / К. Д. Шатило; Высш. школа МООП РСФСР. – М., 1963. – 24 с.

Дата паступлення ў рэдакцыю 19.03.2011.

УДК 347.74

Ю. Н. Чаховский

ВЕКСЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Чахоўскі Юрый Мікалаевіч *– старшы выкладчык кафедры фінансавага права БІП, член ГА «Беларускае грамадскае аб'яднанне юрыстаў-гаспадарнікаў». Сфера навуковых інтарэсаў – міжнароднае прыватнае права, грамадзянскае права, гаспадарчае і фінансавае права.*

Использование векселя как универсального инструмента расчетно-кредитных отношений получило распространение во многих государствах мира во внутреннем торговом обороте и при осуществлении международных экономических связей.

Широкое применение векселей объясняется особенностями правовой регламентации вексельных отношений, обязательств, выраженных в векселе, а также качествами формализма, безусловности, абстрактности, передаваемости, присущими векселю. Указанные характеристики были выработаны многолетней практикой.

Распространение векселя во внешнеэкономическом обороте потребовало регулирования вексельных отношений нормами международного частного права, в результате чего могут возникать ситуации, когда правоотношения по одному и тому же векселю регулируются правом различных государств. В этом контексте исследование вексельного обращения в Республике Беларусь и зарубежных странах приобретает как теоретическое, так и практическое значение. Развитие вексельного обращения и совершенствование нормативных правовых актов в указанной сфере играют существенную роль в гражданском обороте Республики Беларусь.

Несмотря на последние изменения и дополнения действующего законодательства, правовое регулирование вексельных отношений не получило еще должного освещения в белорусской юридической науке и нуждается в более глубоком теоретическом исследовании. На наш взгляд, научные работы по проблемам вексельного обращения в последние годы

имели преимущественно экономическую направленность, а правовая регламентация данной области общественных отношений осталась недостаточно изученной. Научные воззрения на вексельное обращение во многом спорны и не затрагивают отдельных вопросов данной проблематики, что препятствует конструктивным переменам в рассматриваемой сфере. Представляется актуальной разработка проекта Концепции вексельного обращения в Республике Беларусь, который должен включать как исторически сложившиеся и оправданные практикой положения, так и новые, продиктованные реалиями сегодняшнего дня.

В Республике Беларусь международно-правовое исследование вексельного обращения не имело до настоящего времени должного научного подхода. Это дает основания говорить о необходимости перехода от фрагментарного освещения к комплексному системному изучению указанных правоотношений. Требуется разработка теоретических основ рассматриваемой проблемы с целью реализации полученных научных результатов на практике. Отсутствие Концепции вексельного обращения в Республике Беларусь неизбежно создает трудности на пути развития законодательства в данной сфере, препятствует становлению единообразной правоприменительной практики ее осуществления.

Необходимо, к сожалению, признать, что правовое исследование вексельного обращения в историческом аспекте до настоящего времени комплексно и системно белорусскими учеными не проводилось. При этом анализ исторического развития вексельного обращения на территории Беларуси и России позволяет сформировать полную картину исторических причин возникновения, дальнейшего формирования и перспектив развития данной формы расчетов. Обратимся к истории развития вексельного обращения в России и Беларуси.

Кредитные отношения на Руси существенно отличались от европейских. Влияние последствий татаро-монгольского нашествия послужило причиной распространения кабал, которые содержали информацию о характере и объеме займа, а также условиях его оплаты. Можно предположить, что векселя появились в России в конце XVII в.: именно к этому времени относятся первые упоминания о них. Так, «Боярский приговор» от 31 августа 1697 г. повествует «о неприеме в таможню переводных писем на пошлины с заявленных товаров»[1]. Приходу векселя в Россию во многом способствовали преобразования Петра I.

[1] *Полное собрание законов Российской империи… С. 335.*

На территории Беларуси самостоятельного правового регулирования вексельного обращения не было. Так, Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. не содержат такого термина, как «вексель». Этими документами регулировались вопросы различных отраслей права, в том числе и гражданского. Среди норм, которые касаются отношений, схожих с вексельными расчетами, можно назвать установление ответственности в виде смертной казни через огонь за подделку письменных документов с печатью органов государственного управления и должностных лиц (ст. 5 раздела I Статута 1529 г.; ст. 12 раздела II Статута 1566 г.; ст. 16 раздела I Статута 1588 г.); ограничение суммы совершения сделок по передаче денег без оформления письменной формы (ст. 25 раздела VII Статута 1566 г.; ст. 26 раздела VII Статута 1588 г.), а также установление обязательной письменной формы договоров займа с участием купцов, которые необходимо было регистрировать в специальных книгах (ст. 26 раздела VII Статута 1566 г.; ст. 7 раздела VII Статута 1588 г.).

УСТАВ 1729 г. СЛЕДОВАЛ АНАЛОГАМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВЕКСЕЛЬНЫХ УСТАВОВ, ДЛЯ КОТОРЫХ БЫЛО ХАРАКТЕРНО СТРЕМЛЕНИЕ ОГРАНИЧИТЬ ВЕКСЕЛЬНЫЙ ОБОРОТ, ВВЕСТИ ЕГО В РАМКИ КОНТРОЛЯ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Развитие торговли, в том числе внешней, происходившее на территории Беларуси в XVI – XVII вв. в связи с ее географическим положением, повлекло развитие вексельных отношений, что породило необходимость их правового регулирования. Первый российский Вексельный устав, включавший наиболее важные вопросы вексельного обращения, появился 16 мая 1729 г. Он базировался на положениях немецкого (саксонского) и шведского уставов и одновременно включал в себя специфические российские нормы о векселях. Устав 1729 г. следовал аналогам средневековых вексельных уставов, для которых было характерно стремление ограничить вексельный оборот, ввести его в рамки контроля со стороны государственных органов.

Устав включал три главы: «О настоящих купеческих векселях», «О векселях на казенные деньги» и «Формы или образцы внутренних векселей с толкованием».

Особый интерес представляла вторая глава Устава, поскольку она содержала положения, не свойственные другим государствам. Так, вексель на казенные деньги расценивался как нечто вроде квитанции на перевод денег (причем одной из сторон выступало государство) и одновременно как некое государственное обязательство. Применение такого вида векселя в условиях хождения исключительно металлических денег было оправданным, так как позволяло сократить транспортные расходы.

Основное внимание в Уставе было уделено обращению переводных векселей, тогда как на практике в то время получили распространение векселя простые. Обращение последних базировалось на ст. 3 Устава, которой предусматривалось, что в векселе может быть меньше участников, чем это устанавливалось для переводного векселя (обычным считалось участие четырех персон: «первого векселедавца», «переводителя», «подавателя» и «плательщика»).

Необходимость защиты векселей осознавалась уже в ту эпоху, и этот вопрос также нашел отражение в Уставе. Подделка векселей признавалась тяжким преступлением, о чем прямо указывалось в п. 35: «А ежели кто под руки кого-нибудь на векселях подпишется и тем или иным образом сделает воровски вексель, и в том повинен и обличен будет, таким за оное воровство чинить казнь по уложению»[2]. Впоследствии Екатерина II не раз смягчала наказание за «сочинение фальшивых векселей» именными указами, но оно продолжало оставаться суровым.

[2] *Фомин В. И. Собрание узаконений о векселях… С. 17–18.*

Таким образом, чрезвычайная важность вексельного обращения была предметом признания и защиты со стороны российского государства.

В результате трех разделов Речи Посполитой 1772 г., 1793 г., 1795 г. нормы российского Вексельного устава 1729 г. распространились на территорию Беларуси.

В 1832 г. ПОД РУКОВОДСТВОМ М. М. СПЕРАНСКОГО БЫЛ РАЗРАБОТАН И УТВЕРЖДЕН ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ I НОВЫЙ ВЕКСЕЛЬНЫЙ УСТАВ. ДАННЫЙ НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ БАЗИРОВАЛСЯ НА ПОЛОЖЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ТОРГОВОГО КОДЕКСА 1807 г.

На протяжении столетия развитие вексельного права шло по пути издания отдельных указов по вопросам вексельного обращения, но в целом Устав 1729 г. оставался неизменным.

Однако несовершенство Устава 1729 г. и огромное количество вспомогательных актов существенно усложняли развитие вексельных правоотношений. По этой причине в 1832 г. под руководством М. М. Сперанского был разработан и утвержден императором Николаем I новый Вексельный устав. Данный нормативный правовой акт базировался на положениях Французского торгового кодекса 1807 г., хотя в нем прослеживается влияние немецкой концепции векселя. «В частности, – отмечает И. В. Архипов, – сохранялось требование об указании валюты векселя… свойство передаваемости векселя обусловливалось приказом векселедателя… возражения по векселю допускались, как в общегражданском обязательстве… Требовалась вексельная метка… a distantia loci считалась несущественной»[3].

[3] *Архипов И. В. Вексельное право России в XIX веке… С. 27–28.*

Новый Вексельный устав уже не косвенно, а прямо свидетельствовал о существовании и «равноправии» простых и переводных векселей, перечислял обязательные реквизиты векселя: девять общих и четыре, относящихся только к тратте. Особенностью векселя того времени было требование указывать валюту долга, а также обязательно включать в текст лемму.

Развитие вексельного законодательства в XIX в. пошло по пути заимствования норм европейского (преимущественно немецкого) права[4] с последующей их адаптацией к условиям России.

Новый Вексельный устав 1902 г. превратил вексель в абстрактное и строго формальное обязательство, отделив его от того обстоятельства, по поводу которого была составлена ценная бумага. Другой особенностью векселя стала его денежность, в связи с чем были созданы предпосылки для повышения оборотоспособности векселя, превращения его в «кредитные деньги». Фактически с этого времени основные положения российского вексельного права оставались неизменными.

НОВЫЙ ВЕКСЕЛЬНЫЙ УСТАВ 1902 Г. ПРЕВРАТИЛ ВЕКСЕЛЬ В АБСТРАКТНОЕ И СТРОГО ФОРМАЛЬНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, ОТДЕЛИВ ЕГО ОТ ТОГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПО ПОВОДУ КОТОРОГО БЫЛА СОСТАВЛЕНА ЦЕННАЯ БУМАГА

Устав 1902 г. действовал только 15 лет и был отменен Декретом СНК РСФСР от 23 декабря 1917 г., запретившим все операции с ценными бумагами (в том числе и векселями). Ряд последовавших в дальнейшем нормативных правовых актов советского государства был направлен на отмену вексельного обращения. Так, Декрет СНК РСФСР от 13 октября 1919 г. «О взыскании по векселям, находящимся в портфеле народного банка» относил лиц, обязанных по векселю, к недоимщикам государственной казны и прямо аннулировал присущие векселю характеристики: вексельную давность, судебный (хотя и бесспорный) порядок взыскания по векселям и т. д.

Однако вскоре начался переход к новой экономической политике, и вексельное обращение в РСФСР возобновилось. Первоначально оно регулировалось нормами дореволюционного Устава 1902 г., но уже с 1922 г. – Положением о векселях РСФСР (далее – Положение 1922 г.) и иными нормативными правовыми актами. В стране активизировалось развитие системы кредитных организаций: наряду с Госбанком были созданы специальные банки (Промбанк, Торгбанк и др.), сформировалась кредитная кооперация, открылись общества взаимного кредита[5]. Граждане получили право вступать в вексельные правоотношения.

[4] *Подробнее о развитии вексельного обращения в европейских государствах см. Чаховский Ю. Н. Историко-правовые аспекты вексельного обращения.*

[5] *Выплата банком сумм по предъявленным к оплате его векселям не образует признаков объекта налогообложения… С. 42.*

Положение 1922 г. во многом повторяло Устав 1902 г., а по некоторым пунктам новый закон оказался более совершенным (признавал содержание тратты как предложение, а не приказ векселедателя; исключал ярмарочные векселя – пережитки средневековья и т. д.). Однако его отличала чрезмерная лаконичность. Положение опускало ряд важных вопросов, таких как вексельная правоспособность, перепоручительный индоссамент, аваль, регламентация последствий совпадения срока с нерабочим днем. Следует отметить, что некоторые авторы видят в этом положительный момент. Так, вопрос о вексельной правоспособности в известной степени имеет только исторический интерес. Советское вексельное право таких ограничений не знало, специальная вексельная правоспособность советскому праву не была известна, а потому обязываться векселем могли все вступавшие в договорные отношения.

Помимо краткости Положение 1922 г. отличала небрежность разработки ряда вопросов. Как отмечал А. Э. Вормс, «вторая часть Положения была разработана крайне спешно и не была приведена в органическую связь с первою частью»[6], что, в конечном итоге, «привело к тому, что Положение 1922 г. представляется памятником довольно неудачным»[7].

С октября 1924 г. все республики, входившие в состав СССР, стали применять собственные нормативные правовые акты о векселях, а в 1927 г. Положение о векселях РСФСР было подвергнуто некоторой переработке. Однако эти шаги не оказали серьезного влияния на вексельное обращение, поскольку в конце 20-х гг. XX в. началась кампания по ограничению свободы хозяйствующих субъектов.

М. А. Гурвич, рассматривая данное явление, отмечал, что «система коммерческого кредитования… усложняла пути прохождения кредита от банка к предприятию, нуждавшемуся в кредите, и создавала между ними посредствующие звенья. Наличие же нескольких источников кредитования у каждого предприятия (банки, поставщики и т. д.) создавало большие затруднения при планировании кредита и затрудняло осуществление Госбанком своих контрольных функций»[8].

Вскоре, вследствие кредитной реформы 1930 г., сфера вексельного обращения существенно сузилась. В течение нескольких последующих лет вексельные расчеты были практически ликвидированы. Однако в сфере внешней торговли вытеснения вексельного обращения не произошло, и СССР был вынужден присоединиться к Женевским вексельным

[6] *Вормс А. Э. Реформа вексельного права. С. 9.*

[7] *Мовчановский Б. Вексель. С. 15–16.*

[8] *Гражданское право… С. 78–79.*

конвенциям 1930 г., которые вступили для него в силу в 1937 г. Тогда же было принято Положение о переводном и простом векселе, основанное на указанных конвенциях. После 1930 г. вексель стал использоваться только при расчетах во внешнеэкономической деятельности.

Условия строгой централизации ограничивали круг субъектов вексельного обращения. Например, в конце 60-х гг. XX в. в СССР было всего 16 экспортно-импортных специализированных предприятий[9] и несколько кредитных организаций, связанных с внешнеторговыми операциями. Однако это обстоятельство не свидетельствует об отмирании «внутреннего» вексельного права. «Вексельное законодательство в СССР считалось сохранившимся, о чем свидетельствует ряд последующих законодательных актов», – отмечает Д. В. Музюкин и ссылается на п. 16 ст. 10 Закона СССР от 19 июня 1973 г. «О государственном нотариате», предусматривающий совершение нотариальными конторами протестов векселей, а также одноименный Закон РСФСР от 2 августа 1974 г. – Отсюда логически следует, что если бы вексельное законодательство не признавалось существующим, не было бы соответствующих правил в нотариальном законодательстве»[10]. Здесь важно отметить, что не было и нормативных правовых актов, направленных на лишение юридической силы вексельно-правовых норм.

Начиная с 70-х г. XX в. внимание к вексельным расчетам в СССР постепенно увеличивалось. Надо полагать, что это было вызвано ростом внешнеторгового оборота страны и, как следствие, более широким использованием векселей.

Дальнейшему развитию вексельных правоотношений способствовало принятие Закона «О кооперации в СССР», позволявшего кооперативам осуществлять коммерческое кредитование. Несколько позже данное право распространилось и на предприятия. Так, в соответствии с п. 5 ст. 27 Закона «О предприятиях в СССР» для оформления торговых сделок предприятиям разрешалось применять векселя в хозяйственном обороте.

Начало 90-х гг. XX в. связано с обретением Республикой Беларусь суверенитета и началом становления экономической и государственной системы. Хозяйственный оборот в этот период характеризовался ростом вексельного обращения и появлением значительного количества нормативных правовых актов, регулирующих указанные правоотношения. Отсутствие опыта работы с векселями повлекло немало проблем в осуществлении расчетов. Однако постепенно хозяйствующие

[9] *Экспортные кредиты и финансирование развития… С. 191–194.*

[10] *Музюкин Д. В. Развитие вексельного законодательства в России. С. 43.*

субъекты усовершенствовали механизм оформления и проведения вексельных операций и оптимизировали соотношение векселей и иных расчетных средств.

Республика Беларусь придерживается трех Женевских конвенций с сохранением оговорок, сделанных при присоединении, о чем свидетельствует Указ Президента Республики Беларусь «О правопреемстве Республики Беларусь в отношении Женевских конвенций 1930 года».

Кроме того, для исполнения положений Конвенции о единообразном законе был принят Закон Республики Беларусь «Об обращении переводных и простых векселей», который предусматривает общие условия регламентации порядка выпуска и обращения переводных и простых векселей на территории Республики Беларусь, обеспечивая необходимую защиту интересов государства, прав, свобод и законных интересов векселедержателей, векселедателей, других участников вексельного обращения.

Следует отметить, что расчетные операции с применением векселя получили широкое применение при международных расчетных отношениях. При этом «международные расчетные отношения – это платежи по денежным обязательствам, осуществляемые в процессе исполнения внешнеэкономических сделок»[11]. Следовательно, под международными расчетными отношениями понимаются расчеты, проводимые юридическими и физическими лицами, осуществляемые с участием банка, по внешнеторговым и иным внешнеэкономическим операциям.

[11] *Чаховский Ю. Н. Международные расчетные отношения в спортивном праве.*

Основными формами международных расчетных отношений являются следующие: документарный аккредитив, документарное инкассо, банковский перевод, а также расчеты, производимые с использованием векселей и чеков[12].

[12] *Чаховский Ю. Н. Расчетные отношения в договорах международной купли-продажи… С. 64–68.*

Для использования векселей в предпринимательской деятельности важен порядок получения платежа по векселю. Необходимо наличие информации о субъектах, участвующих в вексельных отношениях, их правах и обязанностях по использованию этой ценной бумаги.

Векселю присущи свойства ценной бумаги, поэтому он передается в оплату за товары или оказанные услуги взамен проведения денежного платежа, удостоверяя тем самым имущественное право на его получение: «Вексель по сути своей является основным способом оформления кредита, а также служит средством платежа. В международной торговле простой вексель используется в тех случаях, когда купля-продажа товара (услуг) производится в кредит. При этом продавец

получает от покупателя не денежные суммы, а вексель. В международной торговле более широкое распространение имеет переводный вексель. Как средство платежа он обладает тем преимуществом, что одним платежом по векселю можно погасить несколько обязательств»[13].

[13] *Чаховский Ю. Н. Использование векселя в предпринимательской деятельности.*

Федеральный Закон Российской Федерации «О переводном и простом векселе» определил границы вексельной правоспособности (ст. 2), уравняв их с общегражданскими, а также установил новый порядок исчисления пени и процентов, подлежащих взысканию при неоплате векселя. При этом следует отметить архаичность ст. 4 указанного Закона, утверждающей, что «переводный и простой вексель должен быть составлен только на бумаге»[14]. Анализ действующего законодательства и существующей практики обращения денежных средств и ценных бумаг свидетельствует о перспективности применения электронного («бездокументарного») векселя.

[14] *О переводном и простом векселе… Ст. 4.*

ПРИНЯТИЕ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «ОБ ЭЛЕКТРОННОМ ДОКУМЕНТЕ И ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ» ПОСЛУЖИТ ТОЛЧКОМ К РАЗВИТИЮ НОВОГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ВЕКСЕЛЯ – ПЕРИОДА ЭЛЕКТРОННОГО ВЕКСЕЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ

На наш взгляд, принятие Закона Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» послужит толчком к развитию нового периода в современной истории векселя – периода электронного вексельного обращения.

Электронная форма вексельных расчетов позволит в значительной степени сократить затраты времени на обмен документами, обеспечит постоянный контроль за оборотом векселя на всех этапах его движения, а также даст возможность минимизировать элементы криминализации вексельных расчетов. Равенство юридического содержания электронного и составленного на бумаге векселей позволит осуществлять юридически значимые действия, связанные с оборотом векселя, так же, как и при традиционном «бумажном» обращении, с поправкой на специфику электронного документа.

Возможен переход от одной формы выражения векселя к другой, предполагающий трансформацию как «бумажного» векселя в электронный, так и наоборот. При этом переход не может порождать каких-либо вексельно-правовых последствий, то есть отношения, связанные с трансформацией векселя, должны регулироваться общегражданским, административным и иным законодательством.

Представляется, что обеспечение «бездокументарного» вексельного оборота могут осуществлять как депозитарии, так и операторы электронного вексельного обращения, причем объем их полномочий в рассматриваемой

сфере общественных отношений является тождественным. Государственное вмешательство в данной области, на наш взгляд, необходимо осуществлять только в виде упрощенной (по сравнению с депозитарной деятельностью) процедуры лицензирования специализированных операторов, тогда как все иные характеристики электронного вексельного обращения должны определяться согласно потребностям хозяйствующих субъектов.

Современные условия определяют необходимость тесного сотрудничества операторов электронного вексельного обращения с органами нотариата, что позволит быстро и качественно осуществлять требуемые для вексельного обращения действия. Участие в электронном вексельном обращении нотариуса будет способствовать своевременному и экономичному производству протеста векселей, упростит установление дееспособности и правоспособности всех участников, обеспечит возможность выполнения контрольных функций на должном профессиональном уровне.

СОВРЕМЕННЫЕ УСЛОВИЯ ОПРЕДЕЛЯЮТ НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕСНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОПЕРАТОРОВ ЭЛЕКТРОННОГО ВЕКСЕЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ОРГАНАМИ НОТАРИАТА, ЧТО ПОЗВОЛИТ БЫСТРО И КАЧЕСТВЕННО ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ТРЕБУЕМЫЕ ДЛЯ ВЕКСЕЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ

Действующее законодательство Республики Беларусь в сфере вексельного обращения представляет собой определенную иерархическую последовательность нормативных правовых актов, имеющих различную юридическую силу, обеспечивающих гражданско-правовое регулирование данных отношений. Вместе с тем в указанной сфере существует определенный разрыв между содержанием правовых норм и реальными отношениями в международной практике. Более того, определение вексельного обращения в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. По нашему мнению, «вексельное обращение – это форма обмена векселя в сфере обращения денежных документов, переход или передача векселя от одного лица к другому при осуществлении между ними вексельных расчетов в соответствии с законодательством Республики Беларусь»[15].

[15] *Чаховский Ю. Н. Международные расчетные отношения. С. 257.*

В Беларуси прежде всего необходимо укрепить правовые основы, на базе которых будет строиться система вексельных отношений, ядром их должна стать Концепция вексельного обращения в Республике Беларусь.

Кроме того, в целях унификации вексельного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации необходимо дополнить ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об обращении переводных и простых векселей» определениями

понятий «вексель», «переводный вексель», «вексельное обращение», а в ст. 75 следует охарактеризовать понятие «простой вексель». Вышеуказанные определения могут быть сформулированы в следующей редакции:

- **вексель** – это ценная бумага, содержащая простое и ничем не обусловленное обещание векселедателя (простой) или его предложение третьему лицу (переводный) произвести платеж указанной суммы в обусловленный срок, удостоверяющая с соблюдением установленной формы и (или) обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении;
- **вексельное обращение** – это форма обмена векселя в сфере обращения денежных документов, переход или передача векселя от одного лица другому при осуществлении между ними вексельных расчетов в соответствии с законодательством Республики Беларусь;
- **переводный вексель** – это ценная бумага, содержащая предложение векселедателя (трассанта), адресованное плательщику (трассату), уплатить в пользу третьего лица – векселедержателя (ремитента) – вексельную денежную сумму в определенный срок;
- **простой вексель** – это ценная бумага, содержащая обязательство векселедателя уплатить в пользу векселедержателя вексельную денежную сумму в определенный срок;
- **электронное вексельное обращение** представляет собой переход или передачу электронного векселя при осуществлении вексельных расчетов в электронной форме в соответствии с законодательством Республики Беларусь с применением средств электронной цифровой подписи и методик, позволяющих четко установить историю, подлинность и целостность передаваемого векселя;
- **электронный вексель** – это электронный документ, содержащий все необходимые и обязательные вексельные реквизиты, позволяющие четко установить историю, подлинность и целостность документа, а также имеющий форму внешнего представления на бумажном носителе, удостоверенную и хранящуюся в установленном порядке в соответствии с действующим законодательством.

Учитывая важное значение вексельного обращения для национальной экономики, предлагается закрепить в проекте Концепции вексельного обращения в Республике Беларусь основные условия взыскания платежа по векселю, а также

положение, позволяющее осуществлять совершение протеста векселя в разумный срок, так как пропуск сроков протеста в одних случаях служит основанием для прекращения вексельного обязательства в отношении второстепенных должников (индоссантов, векселедателя переводного векселя и их авалистов), в других – вексельного обязательства в целом.

В проект Концепции вексельного обращения в Республике Беларусь целесообразно включить главу, в которой были бы урегулированы вопросы ответственности в сфере вексельного обращения, а также прописаны основные положения, касающиеся ответственности оператора электронного вексельного обращения.

В ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ ВЕКСЕЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ЦЕЛЕСООБРАЗНО ВКЛЮЧИТЬ ГЛАВУ, В КОТОРОЙ БЫЛИ БЫ УРЕГУЛИРОВАНЫ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ВЕКСЕЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Представляется, что правовые положения о векселях должны отвечать следующим требованиям: соответствовать законодательству Республики Беларусь (прежде всего, нормам Гражданского кодекса Республики Беларусь); распространять свое действие на отношения, связанные с вексельным обращением; содержать основные положения, отражающие гражданско-правовые, экономические и организационные основы регулирования вексельного обращения и принципы его осуществления; соответствовать требованиям унификации законодательства, осуществляемой в рамках интеграционных процессов Республики Беларусь и Российской Федерации.

Таким образом, вексельные правоотношения получили первоначальное развитие в Италии, затем – во Франции и Германии. Распространение векселей в России началось с XVIII в., в Республике Беларусь как независимом государстве – с начала 90-х гг. XX в.

На протяжении столетий важность вексельного обращения была предметом признания и защиты со стороны государства, такая ситуация сохраняется и в настоящее время.

Законодательство Республики Беларусь в сфере вексельного обращения представляет собой определенную иерархическую последовательность нормативных правовых актов, имеющих различную юридическую силу, обеспечивающих гражданско-правовое регулирование данных отношений. Вместе с тем для минимизации существующего разрыва между содержанием правовых норм и реальными отношениями в международной практике в Беларуси прежде всего необходимо укрепить правовые основы, на базе которых будет строиться система вексельных отношений; ядром их должна

стать Концепция вексельного обращения в Республике Беларусь. Кроме того, необходимо принять ряд дополнений в действующий Закон Республики Беларусь «Об обращении переводных и простых векселей» в целях унификации вексельного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации.

Представляется, что принятие Закона Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» послужит толчком к развитию нового этапа в современной истории векселя – этапа электронного вексельного обращения, который будет характеризоваться активным использованием электронных вексельных расчетов в хозяйственном обороте.

Список использованных источников

1. Архипов, И. В. Вексельное право России в XIX веке: историко-правовой очерк / И. В. Архипов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1999. – 116 с.
2. Вормс, А. Э. Реформа вексельного права / А. Э. Вормс. – М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1926. – 174 с.
3. Выплата банком сумм по предъявленным к оплате его векселям не образует признаков объекта налогообложения, в связи с чем у банка не было обязанности по исчислению и удержанию налога с этих сумм: постановление Президиума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации, 16 дек. 1997 г., № 4863/97 // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации. – 1998. – № 6. – Ст. 23.
4. Гражданское право: учеб. пособие / Витушко В. А. [и др.]; под ред. В. А. Витушко. – Минск: БГЭУ, 1998. – 284 с.
5. Мовчановский, Б. Вексель / Б. Мовчановский. – М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1927. – 112 с.
6. Музюкин, Д. В. Развитие вексельного законодательства в России / Д. В. Музюкин // Юридическая наука Сибири: сб. науч. тр. – Кемерово, 1997. – 232 с.
7. О переводном и простом векселе: Закон Рос. Федерации, 11 мар. 1997 г., № 48–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 11. – Ст. 1238.
8. О правопреемстве Республики Беларусь в отношении Женевских конвенций 1930 г.: Указ Президента Респ. Беларусь, 17 июля 1997 г., № 392 // Собр. декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1997. – № 21. – Ст. 729.
9. Об обращении переводных и простых векселей: Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 1999 г., № 341–З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 2. – 2 / 116.
10. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 113–З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 15. – 2 / 1665.
11. Полное собрание законов Российской империи: в 3 т. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. 3. – 692 с.

12. Фомин, В. И. Собрание узаконений о векселях, заемных письмах, банкротах и прочих долговых актах / В. И. Фомин. – СПб.: Тип. Правительствующ. Сената, 1826. – 374 с.
13. Чаховский, Ю. Н. Использование векселя в предпринимательской деятельности / Ю. Н. Чаховский // Управление в социальных и экономических системах: материалы XI междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 мая 2004 г. / МИУ. – Минск, 2004. – С. 200–201.
14. Чаховский, Ю. Н. Международные расчетные отношения / Ю. Н. Чаховский. – Минск: Право и экономика, 2004. – 291 с.
15. Чаховский, Ю. Н. Международные расчетные отношения в спортивном праве / Ю. Н. Чаховский // Спортивное право: теория и практика: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 сент. 2002 г. / БГЭУ. – Минск, 2002. – С. 111–120.
16. Чаховский, Ю. Н. Правовые аспекты Концепции вексельного обращения / Ю. Н. Чаховский // Управление в социальных и экономических системах: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11 дек. 2005 г. / МИУ. – Минск, 2005. – С. 198–199.
17. Чаховский, Ю. Н. Расчетные отношения в договорах международной купли-продажи: правовые аспекты / Ю. Н. Чаховский // Вестн. БГЭУ. – 2003. – № 1(36). – С. 64–68.
18. Чаховский, Ю. Н. Расчетные отношения в договорах международной купли-продажи: правовые аспекты / Ю. Н. Чаховский // Вестн. БГЭУ. – 2003. – № 2(37). – С. 89–94.
19. Чаховский, Ю. Н. Управление инструментами снижения риска при исполнении международного договора купли-продажи / Ю. Н. Чаховский // Управление в социальных и экономических системах: материалы IX междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14 мая 2003 г. / МИУ. – Минск, 2003. – С. 203–204.
20. Чаховский, Ю. Н. Финансовые обязательства в договорах международной купли-продажи / Ю. Н. Чаховский // Право Беларуси. – 2004. – № 17(89). – С. 79–85.
21. Экспортные кредиты и финансирование развития: национальные системы экспортных кредитов. – Нью-Йорк: ООН, 1969.

Дата паступлення ў рэдакцыю 29.01.2011.

УДК 330.101.8

Е. В. Бочкова

СУЩНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ КЛАСТЕРИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Бачкова Алена Уладзіміраўна *– магістр эканомікі, аспірант кафедры тэарэтычнай эканомікі эканамічнага факультэта Кубанскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сфера навуковых інтарэсаў – узаемадзеянне вытворчых сіл, эканамічных форм, метадаў гаспадарання і інстуцыянальных структур, а таксама працэсы кластэрызацыі эканомікі. Аўтар 17 публікацый па дадзенай тэматыцы, у тым ліку 1 манаграфіі.*

Опыт развитых стран мира показывает, что в современной экономике формирование кластеров рассматривается в качестве одного из стратегических инструментов, определяющих вступление страны на качественно новый этап экономического развития. Кластеризацией уже охвачено более 50% экономик ведущих стран мира, она направляет вектор развития мировой экономической цивилизации. В связи с этим формирование кластеров национальной экономики России является одним из актуальных направлений интенсификации экономического и инновационного развития страны, поскольку сегодня кластеры представляют собой современную форму организации высокотехнологичного производства. В России в силу определенных социально-политических и экономических преобразований интерес к теории кластеров возник сравнительно недавно – примерно 10–15 лет назад. Несмотря на это, отечественные экономисты не только восприняли данный подход, но и положили его в основу концепций экономического развития российских регионов и территорий. На сегодняшний день создание кластеров признано одним из ключевых направлений пространственного развития страны, а также создания общенациональной системы поддержки инноваций и технологического развития, обеспечивающего прорыв России на мировые рынки высоко- и среднетехнологичной продукции.

Необходимо отметить, что для России кластер не является принципиально новым рыночным институтом, поскольку современная структура отечественной экономики была сформирована еще в условиях планового хозяйства СССР во многом на базе

реализации на практике теории территориально-производственных комплексов (ТПК), которые были инструментом централизованного планирования в регионах. По ряду характеристик ТПК и кластеры имеют общие черты, но основное отличие заключается в том, что ТПК создавались плановым путем, а кластеры эволюционно формируются в рамках рыночной экономики. Советские ученые-экономисты предлагали преодолевать жесткие межведомственные барьеры, свойственные управляемой по отраслевому принципу экономике СССР, с помощью программно-целевого подхода. Все это свидетельствует о том, что в нашей стране был накоплен определенный опыт формирования такого рода объединений, игравших основополагающую роль в территориальном разделении труда страны[1].

Процесс кластеризации связан с созданием на территории РФ мощных объединений, предприятий и организаций, призванных обеспечить устойчивое развитие экономики страны. Кластеры и целенаправленная политика формирования их сети могут служить важнейшим инструментом не только гармонизации пространственной эволюции государства, но и перевода национального хозяйства на инновационный путь развития[2].

На сегодняшний день экономику следует рассматривать через призму кластеров, а не через более традиционное группирование компаний, отраслей или секторов. Мировой опыт свидетельствует о том, что кластеры лучше, чем отрасли, формируют важные связи, взаимодополняемость между отраслями, распространение технологий, навыков, информации, маркетинг и осознание требований заказчиков по фирмам и отраслям. Уровень производительности труда и заработной платы в кластерах существенно выше, нежели в среднем по стране. Например, в экономике США более 32 % занятости обеспечивают кластеры, в Швеции – 39 %, «индустриальные округа» (итальянский аналог кластеров) составляют около 30 % общего уровня занятости государства[3]. В результате исследования европейских кластеров, проведенного Европейской комиссией, было выявлено, что 24 % кластеров являются мировыми лидерами, 12 % – европейскими лидерами, 37 % – национальными и еще 24 % кластеров лидируют в качестве экономических субъектов с высоким уровнем производительности труда.

Опыт формирования кластеров в странах Северной Америки и Европы позволяет выделить следующие функции кластерных структур, обусловливающих их преимущества.

1. Обеспечение доступа к специализированным факторам производства и рабочей силе. Снабжение ресурсами

[1] *Ларина М. Кластеризация как путь повышения международной конкурентоспособности страны и регионов.*

[2] *Афанасьев М. Мировая конкуренция и кластеризация экономики.*

[3] *Пилипенко И. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве…*

внутри кластера облегчает процессы коммуникации, снижает издержки на адаптацию и способствует общему обеспечению вспомогательного или поддерживающего обслуживания. Помимо этого более развитые кластеры включают в себя не одну отрасль, а несколько родственных отраслей, работающих на очень сходных факторах производства, что сильно расширяет возможности поставщиков.

2. Доступ к информации. Близость друг к другу, связи по поставкам и технологиям, наличие постоянных личных контактов и общественных связей облегчают движение потоков информации в рамках кластера.
3. Взаимодополняемость между видами деятельности участников кластера. Близкое расположение облегчает установление технических связей и способствует постоянному координированию работы. Следует отметить, что обобществление труда в рамках кластера приводит к снижению различного рода издержек, что невозможно в условиях отдельного предприятия и отрасли, где процессы координации и кооперации не так развиты.
4. Стимулирование изобретения нововведений. Участники кластера имеют доступ к самой современной и актуальной информации по усовершенствованию производственного процесса, а образовательные и научно-исследовательские организации генерируют новые знания.
5. Формирование и развитие общей инфраструктуры (производственной, социальной и рыночной).

Процессы организации и поддержки кластеров в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) показывают следующее:

- создание кластера не является прерогативой правительства, его возникновение и развитие – результат действия рыночных сил;
- политика государства в области поддержки развития кластеров не служит «прикрытием» для промышленной политики, основанной на государственном субсидировании и защите от конкуренции;
- властные структуры осуществляют переход от методов прямой поддержки к косвенным методам;
- невозможно создать кластер на основе отраслей и рынков, находящихся в состоянии упадка[4].

Кластеры, развиваясь эволюционным путем в условиях рынка, обусловливают эффективность производства и высокий уровень производительности труда, позволяя развитым

[4] *Пятинкин С. Развитие кластеров...*

странам не только обеспечивать устойчивое экономическое развитие государства, но и успешно конкурировать на международном экономическом пространстве.

Для современной России актуальность концепции формирования кластеров не вызывает сомнений, поскольку значительная часть промышленного потенциала, созданного еще в условиях СССР, не была ориентирована на рынок, а экспортно-сырьевая ориентация национальной экономики не отвечает стратегическим интересам России. Президент России Д. А. Медведев в своем ежегодном Послании к Федеральному собранию РФ заявил: «Мы так и не избавились от примитивной структуры экономики, от унизительной сырьевой зависимости, не переориентировали производство на реальные потребности людей. Привычка жить за счет экспорта по-прежнему тормозит инновационное развитие. Российский бизнес до сих пор предпочитает торговать тем, что создано в других странах, а конкурентоспособность нашей продукции позорно низка»[5].

[5] *Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации.*

[6] *Товарная структура экспорта РФ.*

Рисунок 1.
Товарная структура экспорта и импорта РФ в 2009 г.[6]

Такое положение дел в отечественной экономике иллюстрирует структура экспорта и импорта в 2009 г., подтверждающая, что, провозгласив вступление страны на инновационный путь развития, Россия продолжает экспортировать минеральное сырье (67,4%) и металлы (12,9%) (рисунок 1), ввозить машины, оборудование (43,4%) и продовольственные товары (18%) из зарубежных государств (рисунок 2).

Также наблюдается стремительное разрушение технологического потенциала государства, снижается эффективность российской промышленности, объясняемая тем, что технологическое отставание России от развитых стран не позволяет создавать конкурентоспособную наукоемкую продукцию. Об этом свидетельствует рейтинг конкурентоспособности стран мира, в котором Россия по итогам 2009 г. занимает лишь 63-е место (из 133 стран), причем за год конкурентоспособность страны упала на 12 пунктов (таблица 1).

Таблица 1.
Индекс конкурентоспособности стран мира[8]

Страна	Позиция 2009 г.	Значение индекса (2009 г.)	Позиция 2008 г.
Швейцария	1	5,60	2
США	2	5,59	1
Сингапур	3	5,55	5
Швеция	4	5,51	4
…	..	…	…
Россия	63	4,15	51
…	…	…	…
Казахстан	67	4,08	66
Латвия	68	4,06	54

[8] *Schwab K. The Global Competitiveness Report 2009–2010. P. 26.*

Страны, находящиеся на первых местах в рейтинге ВЭФ по индексу конкурентоспособности (таблица 1), успешно проводят кластерную политику, обеспечивая тем самым высокие темпы экономического роста национальных экономик. В то время как современное состояние отечественной экономики, к сожалению, подтверждает тот факт, что Россия нуждается в принципиально новом экономическом инструменте, который бы обеспечил как промышленное, так и инновационное развитие. Таким инструментом, на наш взгляд, выступают кластеры, поскольку в отечественной экономике уже сложились предпосылки организации на территории страны данных структур. К ним относятся следующие.

1. Вступление страны на рубеже 1990–2000-х гг. в фазу экономического роста. Вплоть до сентября 2008 г. российская

экономика в реальном выражении росла быстрыми темпами: ВВП в рублевом эквиваленте с 1999 г. увеличился почти на 60%, в 2005 г. экономический рост немного замедлился, но, тем не менее, по итогам года он превысил 6%[9].

2. Формирование крупных интегрированных бизнес-групп (ИБГ), активно позиционирующих себя на национальном рынке и встраивающихся в глобальную конкуренцию. На сегодняшний день данные бизнес-структуры реализуют крупные инвестиционные проекты, взаимодействуют с региональными властями и федеральным правительством.
3. Определенный уровень производственной кооперации, который сложился между предприятиями, представляющими различные направления, виды и сегменты бизнеса. Кооперационные и иные связи между фирмами имеют определенные традиции, отработаны механизмы взаимодействия, достаточно высок уровень взаимного доверия.
4. Освоение российского рынка иностранными транснациональными компаниями (ТНК). По некоторым данным, до половины активов в пищевой промышленности косвенно или напрямую принадлежат иностранным владельцам. Изменилось и поведение инвесторов: около 40% покупателей российских активов на фондовом рынке – резиденты Великобритании, порядка 30% – США, 7% – Германии и более 10% – России[10].

Основная цель кластеризации экономики России заключается в обеспечении высоких темпов экономического роста и диверсификации экономики за счет повышения конкурентоспособности предприятий – поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, – научно-исследовательских и образовательных организаций, образующих территориально-производственные кластеры. Для российского правительства кластеры представляют собой «новый институт развития», направленный на повышение социально-экономического роста региона и страны в целом.

Особенности современной экономической ситуации в России позволяют выделить ряд объективных причин, препятствующих проведению единой кластерной политики в стране. К их числу можно отнести:

1) колоссальную асимметричность социального и экономического развития территорий;
2) несоответствие экономического и административного деления России;

[9] *Производственная кооперация крупного и малого бизнеса...*

[10] *Там же.*

3) сверхмонополизм базовых отраслей экономики;
4) инертность системы управления;
5) недостаток квалифицированных кадров, а также разрыв между интеллектуальным трудом и его востребованностью обществом.

Проведенный анализ позволяет сформулировать сущностные характеристики кластеризации российской экономики, представленные в таблице 2.

Таблица 2.
Сущность кластеризации российской экономики

№	Функция	Краткая характеристика
1.	Развитие и поддержание конкуренции	Поддержка развития малого и среднего бизнеса; борьба с монополизацией региональных рынков; политика развития экспорта; развитие отраслей экономики и др.
2.	Установление эффективного взаимодействия между органами власти и бизнесом	Реализация мероприятий по стимулированию сотрудничества (конференции, семинары и др.); поддержка государством сотрудничества между исследовательскими коллективами и предприятиями.
3.	Повышение инновационного потенциала малых и средних предприятий	Проведение совместных НИОКР предприятиями кластера, институтами и университетами; создание новых инновационных предприятий; содействие активизации инновационного процесса на предприятиях.
4.	Решение микроэкономических проблем	Анализ местных рынков и компаний; учет местных особенностей развития и выработка эффективных адресных программ по ускорению развития и повышению конкурентоспособности компаний.

Таблица 2 подтверждает тот факт, что наиболее устойчивые тренды экономического роста и позитивная экономическая динамика в основе своей имеют кластерное происхождение.

Кластеризация экономик ведущих стран мира подтверждает тот факт, что на сегодняшний день данный процесс выступает устойчивой тенденцией, определяющей вектор развития экономических систем большинства государств. Создание кластеров позволяет повысить эффективность производства благодаря сочетанию кооперации и конкуренции, обусловливающей динамичность кластерных формирований и их немедленную реакцию на изменение рыночной конъюнктуры.

В настоящее время Россия стоит перед необходимостью применения кластерного подхода к регулированию социально-экономического развития территориальных систем различного уровня (от национальной до муниципальных). Некоторые субъекты РФ на практике реализуют ключевые позиции кластерной

стратегии развития, поскольку данное образование способствует, с одной стороны, выявлению проблем, а с другой – сильных сторон соответствующего сектора региональной экономики. По оценкам экспертов отечественной консалтинговой компании «Bauman Innovation», порядка 45% занятости в России приходится на существующие и потенциальные кластеры; это примерно столько же, сколько в других развитых странах. Устойчивость и увеличение этой занятости будет связано, прежде всего, с развитием кластеров, особенно в условиях ужесточения международной конкуренции.

Следует отметить, что в СССР в конце 1980-х гг. складывались два типа кластеров, особенно в области высокотехнологичной продукции, – географический и сетевой. Первый тип связан с электронной и атомной промышленностью, где кластеры формировались по зарубежному (географическому) образцу: под Москвой (Зеленоград, Калуга), в Воронеже, Новосибирске, Ленинграде, Саратове и др. Однако они не успели структурироваться до такой степени, чтобы пережить социально-экономические потрясения начала 1990-х гг. Центры же атомной промышленности, так называемые «закрытые города», потерявшие в это же время свое стратегическое значение, сохранили технологическую базу, которая сегодня ориентирована на экспорт: изотопы для медицины, обработка радиоактивных отходов и пр.[11]

[11] *Афанасьев М. Мировая конкуренция и кластеризация экономики.*

Второй тип кластеров формировался в отраслях оборонного машиностроения и представлял собой не географическую, а проектную структуру, созданную планово-директивным путем, но позднее трансформировавшуюся в естественную кооперацию сетевого типа.

Таким образом, формирование данных структур в СССР было первой попыткой организации кластеров, отличных от ТПК и напоминающих их западные аналоги. Этот первый опыт, безусловно, учитывается и в настоящее время при создании проектов современных отечественных кластеров. Однако отметим, что в силу социально-экономических и политических преобразований 1990-х гг. кластерному подходу в то время не уделялось должного внимания. Только в начале 2000-х гг. проблема кластеризации экономики страны становится одной из актуальных.

В 2006–2008 гг. были разработаны пилотные проекты по созданию кластеров на примере Нижнекамского нефтехимического кластера, кластера Нижнего Приангарья, автомобильного кластера в Поволжье, Санкт-Петербургского

морского кластера, Ивановского текстильного кластера, кластера по переработке титана «Титановая долина» и Уральского автомобильного кластера в Свердловской области[12].

[12] *Татаркин А. Кластерная политика региона.*

Стратегической целью создания высокотехнологичного кластера «Титановая долина» является завоевание титановой промышленностью России лидерских позиций на основе объединения комплекса взаимосвязанных компаний, нацеленных на выпуск высокотехнологичной продукции из титана высокой степени переработки, и повышение качества национального и регионального экономического роста. Ядром кластера является компания ОАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА», занимающая на мировом титановом рынке 27% и обеспечивающая практически 100% отечественного выпуска титана и изделий из него. В таблице 3 приведены прогнозные оценки параметров функционирования данного кластера в сравнении с аналогичными показателями титановой промышленности в режиме «без кластера».

Таблица 3.

Прогнозные оценки параметров функционирования кластера «Титановая долина»[13]

Показатель	**Развитие отечественного титанового производства**	
	В режиме «без кластера»	**При условии создания кластера «Титановая долина»**
Доля РФ на мировом рынке титановой продукции, %.	29	35
Доля потребления титана в РФ в гражданском промышленном производстве (без авиакосмоса) в общем потреблении титана, %.	19	40
Налоговые поступления в бюджеты всех уровней за 2008–2012 гг., млрд. руб.	34	56
Объем инвестиций в основной капитал за 2008–2015 гг., млрд. руб.	26	52
Темпы роста добавленной стоимости ежегодно за 2008–2015 гг., %.	108	109,8
Ежегодные темпы роста отгруженной продукции обрабатывающих производств за 2008–2015 гг., %.	107,7	108,9

[13] *Романова О. Потенциал кластерного развития экономики региона. С. 63.*

Создаваемый Уральский автомобильный кластер формируется вокруг ЗАО «Автомобили и моторы Урала» (ЗАО «АМУР» г. Новоуральска Свердловской области). Стратегической целью создания данного кластера является формирование высокотехнологичного комплекса территориально-локализованных взаимосвязанных предприятий по выпуску автомобилей и автомобильных компонентов, нацеленных на производство конкурентоспособной на отечественном и мировом

рынках продукции и повышение качества регионального экономического роста[14]. К целевым ориентирам данного кластера относятся: организация годового объема производства автомобилей на ЗАО «АМУР» к 2011 г. до 67 тыс., грузовых автомобилей – до 12,5 тыс.

[14] *Романова О. Концепция создания и развития уральского автомобильного кластера.*

Автомобильный кластер Урала имеет ряд программных и проектных инициатив, объединяющих многих субъектов кластера, – бизнес, власть, научные и образовательные организации. Создание кластера позволит значительно повысить уровень кооперации машиностроительных предприятий Уральского федерального округа на базе развития современной индустрии автомобильных компонентов.

Уральский автомобильный кластер в своем развитии пройдет ряд стадий, которым будут соответствовать следующие этапы (таблица 4).

Таблица 4.
Основные характеристики этапов развития Уральского автомобильного кластера[15]

Показатель	**I этап** 2007 – 2008 гг.	**II этап** 2009 – 2010 гг.	**III этап** 2011 – 2012 гг.	**IV этап** 2013 – 2014 гг.
Объем производства автомобилей, тыс. шт. (на конец периода): • легковых • грузовых различной грузоподъемности	 34 5,5	 56 10,0	 67 12,5	 85 15
Удельный вес замещаемых импортных автокомпонентов в их общем объеме (на конец периода), %.	20	30	40	50
Доля кластера в производстве китайских автомобилей в России, %.	20,8	21,3	17,3	14,7
Численность организаций – участников кластера • в том числе малых	40 10	100 25	200 40	450 150
Из общего числа организаций доля организаций, осуществляющих инновации, %.	5	10	20	35
Численность занятых на предприятиях кластера, тыс. человек.	2,0	3,7	5,0	10,0

В настоящее время можно говорить о реальном процессе становления в России следующих крупных кластеров.

[15] *Романова О. Потенциал кластерного развития экономики региона. С. 67.*

1. Кластер Нижнего Приангарья, предполагающий развертывание масштабных энергоемких производств, включая строительство целлюлозно-бумажного комбината, алюминиевого завода и металлургического предприятия на базе Тагарского месторождения; Богучанского газоперерабатывающего комплекса и цементного завода на базе Чадобецкого месторождения. Часть предприятий была сдана

в эксплуатацию в 2009 г., когда стартовала первая очередь Богучанской ГЭС мощностью 1620 МВт; старт второй очереди энергоемких предприятий вокруг ГЭС планируется в 2012 г., когда мощность станции достигнет 3000 МВт. Развитием данного кластера управляет администрация Красноярского края совместно с управляющей компанией ОАО «Корпорация экономического развития Красноярского края», а софинансирование проекта происходит за счет Инвестиционного фонда РФ через Внешэкономбанк[16].

[16] *Воротников К. О кластерах и становлении кластерной политики в России.*

2. Южно-Якутский производственно-экономический кластер, связанный с использованием гидроэнергоресурсов рек бассейна Лены (Учур, Тимптон и Олекма), Эльгинского угольного месторождения, а также с освоением Алданской железорудной провинции и Южно-Якутского золотоносного района. Для реализации программы создается «Корпорация развития Южной Якутии», в которую помимо региональных властей вошли «Гидро-ОГК», «АЛРОСА», «Техноснабэкспорт» и «Газпром». Основой формирования кластера станет Южно-Якутский гидроэнергетический комплекс на базе каскада Канкунской ГЭС мощностью 8,5 гигаватта, который должен обеспечить электроэнергией новые промышленные предприятия Якутии, включая комбинат по переработке урана, строительство которого планируется «Техноснабэкспортом» (мощность предприятия к 2015 г. превысит 3 тыс. т, к 2020 г. – 5 тыс. т). Стоимость проекта, рассчитанного на три десятилетия, – более 90 млрд. руб., из которых 7 млрд. руб. придутся на софинансирование Инвестиционного фонда РФ.
3. Лесной кластер Республики Коми, создаваемый на базе соответствующих региональных ресурсов. Предполагается создание «центров компетенций в области технологий», эффективно передающих результаты своей деятельности предприятиям, а также центров подготовки высококвалифицированных кадров; не исключено создание консультативного органа по развитию лесного кластера, включающего представителей перерабатывающих и заготовительных предприятий, республиканской администрации и администраций лесных районов.

Функционирование кластеров в России отличает ряд особенностей. К ним относятся следующие.

- Во-первых, недостаточный уровень развития нормативно-правовой базы, регламентирующей процессы

кластеризации в стране. На сегодняшний день только происходит становление кластерного законодательства, включающего в себя ряд документов, направленных на развитие кластеров в государстве.

- Во-вторых, сверхмонополизм базовых отраслей экономики. В разряд существующих отечественных кластеров попадают формирования преимущественно энерго-сырьевого сектора (нефте- и газодобыча). Как правило, в данном секторе господствуют крупные монополии. Таким образом, практически все инвестиционные и кластерные инициативы направлены исключительно на их стимулирование, оставляя на вторых ролях промышленное производство и инновационные проекты[17].
- В-третьих, стремление к холдинговым формам организации бизнеса. Для российской экономики характерны так называемые сателлитные формы, предусматривающие организацию дочерних фирм путем реструктуризации, выведения непрофильного производства и др. В результате дочерние организации становятся юридически самостоятельными субъектами, но в то же время они сохраняют связь с «материнской» компанией. Такой тип взаимодействия выгоден для обоих субъектов, внося элементы стабильности и устойчивости, поскольку малые фирмы фокусируются на выполнении определенных операций, неся более низкие затраты. Но российская практика показывает, что, как правило, владелец крупного завода создает малое предприятие под руководством «своего человека», имитирующего «стороннее» обслуживание крупных заказчиков.
- В-четвертых, не разработана система социально-экономических показателей, свидетельствующих об эффективности кластерных структур; отсутствуют точные статистические данные о занятости в российских кластерах, о совокупном продукте, который они производят (добывают).
- В-пятых, высокая степень износа основных фондов. Средний возраст технологического оборудования превышает 20 лет, особенно тяжелое положение наблюдается в отечественном машиностроении, где по-прежнему реализуется устаревшая производственная модель начала прошлого века.

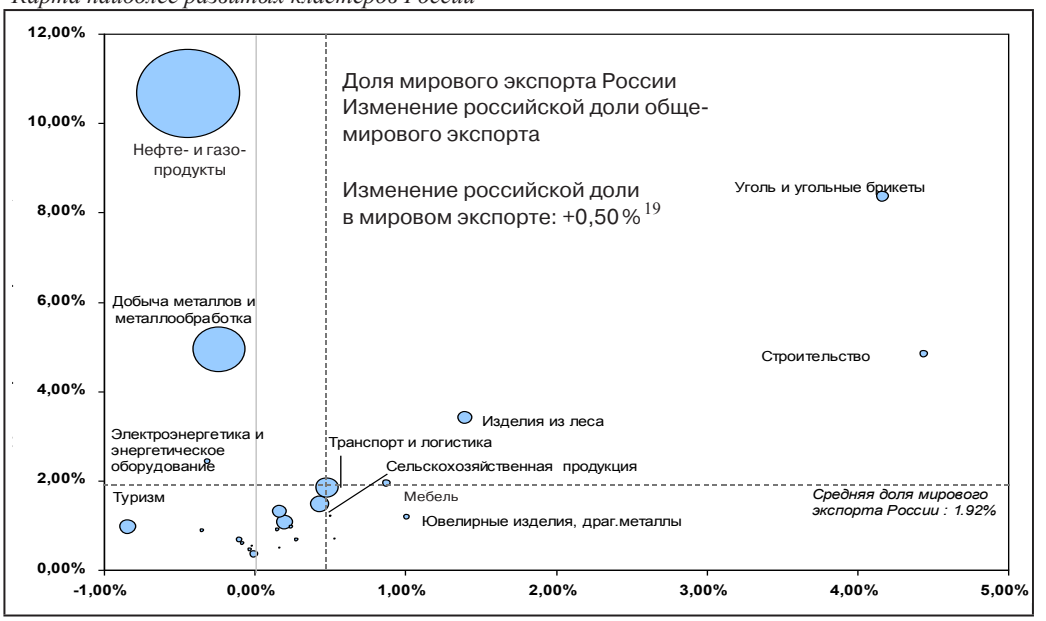
[17] *Кузнецова Е. Кластерная политика в России...*

ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ХАРАКТЕРНЫ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ САТЕЛЛИТНЫЕ ФОРМЫ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИЮ ДОЧЕРНИХ ФИРМ ПУТЕМ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ, ВЫВЕДЕНИЯ НЕПРОФИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ДР.

Анализ специфических черт функционирования кластеров позволил осуществить систематизацию российских предприятий (рисунок 3). На карте показано, что сырьевые кластеры

имеют огромные преимущества перед кластерами перерабатывающего характера. Это лишний раз подчеркивает асимметричность отечественной экономики в сторону исключительно добывающей специализации.

Рисунок 3.
Карта наиболее развитых кластеров России[18]



[18] *Конкурентоспособность на распутье... С. 31.*

[19] *Размер ядра пропорционален объему экспорта.*

Таким образом, в России в определенных регионах сложились благоприятные предпосылки для развития кластеров в тех или иных отраслях: существует концентрация компаний-производителей, поставщиков, организаций научно-образовательного комплекса, действуют внешние факторы, специфичные для каждой отрасли, имеется заинтересованность к процессам кластеризации у органов власти различных уровней.

Функционирование кластерных структур в России отличает ряд особенностей, которые, с одной стороны, связаны с советским прошлым российского государства, с другой – обусловлены современным состоянием отечественной экономики.

Процессы кластеризации отечественной экономики, происходящие в русле общемировой тенденции экономического развития, показывают, что формирование кластеров является необходимым условием вступления страны в число ведущих держав, отличающихся высокой степенью конкурентоспособности экономики.

Однако, рассматривая готовность российского государства к применению кластерной идеологии построения новой экономики, нельзя не учитывать ряд проблем, которые, на наш

взгляд, тормозят ее развитие. Для российской экономики характерны высокие административные барьеры и массовая коррупция бюрократического аппарата. Объемы внутренних инвестиций в некоторых отраслях и предприятиях не обеспечивают даже простого воспроизводства производственных активов. В исследовании, проведенном аналитическим центром «Эксперт» и британской компанией «West Bridge Consulting», приводится следующий факт, основанный на опросе участников проекта: «В любой крупной российской компании есть целый департамент, занимающийся government relations. Речь идет не о лоббировании. Речь идет о взятках чиновникам, о прорыве сквозь бюрократические барьеры»[20].

[20] *Производственная кооперация крупного и малого бизнеса...*

Помимо инертности системы управления отечественную экономику отличает высокий уровень рисков. По мнению западных специалистов, Россия проигрывает по данному показателю большинству развивающихся экономик. Согласно данным опроса PBN, около 40% всех инвесторов придерживаются мнения о том, что в России очень сложно организовывать и вести бизнес, не отклоняясь от международных этических и правовых норм.

СОГЛАСНО ДАННЫМ ОПРОСА PBN, ОКОЛО 40% ВСЕХ ИНВЕСТОРОВ ПРИДЕРЖИВАЮТСЯ МНЕНИЯ О ТОМ, ЧТО В РОССИИ ОЧЕНЬ СЛОЖНО ОРГАНИЗОВЫВАТЬ И ВЕСТИ БИЗНЕС, НЕ ОТКЛОНЯЯСЬ ОТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ НОРМ

Российский бизнес не отвечает мировым стандартам прозрачности и защиты от недобросовестной конкуренции. Согласно данным Всемирного банка, в 94% российских компаний нет документов, определяющих принципы их информационной политики. Более того, в 14% российских кредитных организаций топ-менеджмент компаний не располагает данными о реальных собственниках. На государственном уровне недооценивается важность разработки и принятия законодательного акта, гарантирующего неприкосновенность права собственности юридическим и физическим лицам, приватизировавшим предприятия и организации в строгом соответствии с законами, существовавшими на момент приватизации.

В отличие от большинства развитых и развивающихся государств, в России недооценивается человеческий капитал как решающий фактор производства, что в конечном итоге препятствует внедрению кластерных инициатив. Прямым следствием недооценки роли человеческого капитала является ситуация, сложившаяся на рынке труда и подготовки кадров. В большинстве регионов система профессионального образования создана для обеспечения уже не существующих советских территориально-производственных комплексов, поэтому она

не справляется с задачей обеспечения достаточной квалификацией населения. Таким образом, возникает ситуация:

- во-первых, массовой депрофессионализации населения;
- во-вторых, утраты выгоды от ранее сделанных образовательных инвестиций;
- в-третьих, общего снижения качества профессионального образования, ориентированного на потребности предыдущего этапа развития регионального хозяйства или в лучшем случае текущего момента;
- в-четвертых, временных, но массовых потерь рынка труда, когда большая часть населения тратит время на малоперспективное переобучение.

Практически во всех регионах с высокими темпами экономического роста (Москва, Санкт-Петербург, Тюменская область и др.) наблюдается одинаковая картина на рынке труда: а) не хватает квалифицированных рабочих и б) существует переизбыток специалистов с высшим образованием (зачастую гуманитарных специальностей). В то же время ощущается недостаток квалифицированных специалистов как технических, так и гуманитарных направлений, но с опытом работы или наличием второго, управленческого, образования. При этом образовательная система в случае отсутствия связей с производственным сектором, скорее всего, не сможет восполнить существующие проблемы на рынке труда.

ПРАКТИЧЕСКИ ВО ВСЕХ РЕГИОНАХ С ВЫСОКИМИ ТЕМПАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НАБЛЮДАЕТСЯ ОДИНАКОВАЯ КАРТИНА НА РЫНКЕ ТРУДА:
А) НЕ ХВАТАЕТ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ И Б) СУЩЕСТВУЕТ ПЕРЕИЗБЫТОК СПЕЦИАЛИСТОВ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ (ЗАЧАСТУЮ ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ)

На сегодняшний день устарел сам принцип подготовки специалистов, а осуществляемое реформирование системы образования происходит со значительными потерями, что в итоге негативно сказывается на системе в целом (например, использование западноевропейских и американских стандартов, не всегда приемлемых для нас). В настоящий момент ситуация становится критической как в связи с демографическим спадом, так и с постоянно разрушающейся системой профессионального образования.

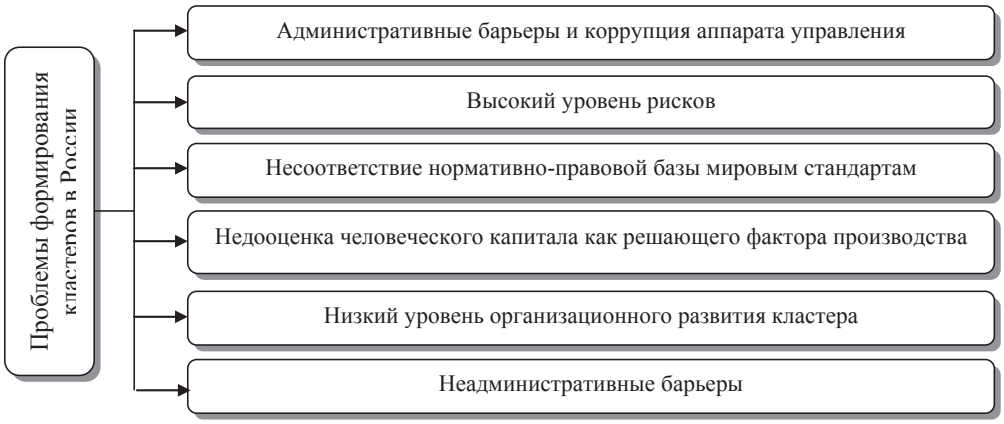
Отечественный бизнес не имеет опыта стратегического планирования развития современных кластеров, отсутствует система эффективных информационных коммуникаций между участниками кластера, а также существует целый ряд неадминистративных барьеров их формирования:

1) недостаточный уровень развития кооперационных связей и механизмов субконтракции, характеризуемый относительно низкой долей комплектующих, производимых внешними поставщиками;

2) низкий уровень операционной конкурентоспособности большинства сборочных предприятий: высокие сроки освоения новой продукции, неоправданные накладные расходы, высокий уровень брака, низкий уровень технологической оснащенности и организации производства;
3) недостаточный уровень конкурентоспособности внешних поставщиков, включая качество и технологический уровень поставляемой ими продукции и услуг;
4) проблемы с доступом к финансовым ресурсам для развития новых технологических компаний;
5) низкий уровень доступности специализированных услуг для развития начинающих технологических компаний;
6) низкая эффективность процесса коммерциализации технологий;
7) неэффективное отраслевое регулирование.

Обобщив вышесказанное, можно выделить следующие основные проблемы формирования кластерных структур в отечественной экономике (рисунок 4).

Рисунок 4.
Основные проблемы формирования кластеров в России



К сожалению, на данный момент единые, унифицированные механизмы создания, развития и стимулирования кластеров в России отсутствуют. В таблице 5 представлен рейтинг стран, проводящих политику формирования кластеров. Мы видим, что в данном списке Россия занимает лишь 90-е место, соседствуя с двумя африканскими государствами – Ливией и Эфиопией.

Для модернизации российской экономики на базе кластерных принципов необходима обоснованная политика, включающая детальный механизм формирования кластеров и государственной поддержки. Для решения перечисленных

Таблица 5.
Рейтинг стран, проводящих кластерную политику (по методологии ВЭФ), по состоянию на 2009 г.[21]

Место	Страна	Место	Страна
1	Япония	9	Швейцария
2	США	…	…
3	Италия	89	Ливия
4	Гонконг	90	Россия
5	Сингапур	91	Эфиопия
6	Тайвань	…	…
7	Финляндия	133	Венесуэла
8	Канада		

[21] *Schwab K. The Global Competitiveness Report 2009–2010.*

проблем (рисунок 4) и проведения эффективной кластерной политики в России уже сегодня необходимо разработать комплекс мероприятий, который бы осуществлялся одновременно на макро- (федеральные власти), мезо- (региональные власти) и на микроуровне (локальные власти).

1. Макроуровень (федеральные власти): а) разработка текущей и будущей техноэкономической парадигмы развития национальной экономики; б) осуществление поддержки, совершенствование системы образования и научно-исследовательских институтов в государстве; в) создание благоприятных условий функционирования малых и средних предприятий в стране и поддержка импортозамещающих технологий, разработанных отечественными компаниями; г) содействие развитию уже существующих и новых инновационных форм организации НИОКР (технопарки, бизнес-инкубаторы и др.).
2. Мезоуровень (региональные власти): а) стимулирование развития региональных и локальных кластеров; б) формирование стратегии инновационного развития региона; в) поощрение производства наукоемкой продукции; г) формирование региональной инновационной системы.
3. Микроуровень (локальные власти): а) оказание помощи в развитии инновационных форм организации НИОКР и производства; б) продвижение идей об инновационных формах организации производства и кооперации между предприятиями.

Таким образом, российская экономика, находящаяся на пути модернизации, должна использовать все преимущества кластеризации, обеспечив вступление страны на качественно новый уровень технологического развития, который на данный момент уже невозможен без применения кластерного подхода.

Список использованных источников

1. Афанасьев, М. Мировая конкуренция и кластеризация экономики / М. Афанасьев, Л. Мясникова // Вопросы экономики. – 2005. – № 4. – С. 75–86.
2. Воротников, К. О кластерах и становлении кластерной политики в России / К. Воротников // Российский экономический журнал. – 2009. – № 5. – С. 89–91.
3. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики / М. Портер [и др.]. – М., 2007.
4. Кузнецова, Е. Кластерная политика в России: проблемы и перспективы / Е. Кузнецова, Е. Бочкова // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 3 (34). – С. 112–114.
5. Ларина, М. Кластеризация как путь повышения международной конкурентоспособности страны и регионов / М. Ларина, А. Макаев // ЭКО. – 2006. – № 10. – С. 2–26.
6. Официальный сайт федеральных органов государственной статистики России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru. – Дата доступа: 07.12.2010.
7. Пилипенко, И. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы / И. Пилипенко. – Москва-Смоленск: Ойкумена, 2005.
8. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html. – Дата доступа: 06.12.2010.
9. Производственная кооперация крупного и малого бизнеса. Рекомендации по созданию промышленных кластеров. – М., 2006.
10. Пятинкин, С. Развитие кластеров: сущность, актуальные подходы, зарубежный опыт / С. Пятинкин, Т. Быкова. – Минск, 2008.
11. Романова, О. Концепция создания и развития уральского автомобильного кластера / О. Романова, Ю. Лаврикова, П. Чернавин // Промышленная политика в Российской Федерации. – 2008. – № 9. – С. 31– 39.
12. Романова, О. Потенциал кластерного развития экономики региона / О. Романова, Ю. Лаврикова // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 4. – С. 56–70.
13. Татаркин, А. Кластерная политика региона / А. Татаркин, Ю. Лаврикова // Промышленная политика Российской Федерации. – 2008. – № 8. – С. 11–19.
14. Товарная структура импорта РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://gks.ru. – Дата доступа: 07.12.2010.
15. Товарная структура экспорта РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://gks.ru. – Дата доступа: 07.12.2010.
16. Schwab, K. The Global Competitiveness Report 2009–2010 / K. Schwab // World Economic Forum. – Geneva, 2009.

Дата паступлення ў рэдакцыю 17.12.2010.

УДК 330

С. Ю. Солодовников

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Саладоўнікаў Сяргей Юр'евіч *– доктар эканамічных навук, кіраўнік Цэнтра эканамічнай тэорыі Інстытута эканомікі НАН Беларусі, заг. аддзела дэмаграфіі і чалавечага развіцця Цэнтра эканамічнай тэорыі. Даследуе праблемы развіцця і кіравання суб'ектнымі эканамічнымі структурамі, фарміравання сістэм эканамічных інтарэсаў, развіцця чалавечага і сацыяльнага капітала, дзяржаўнага рэгулявання эканомікі. Мае больш чым 190 навуковых прац па азначанай тэматыцы.*

Мир в XXI веке кардинально изменился. И дело не только в нарушении геополитических равновесий и усилении борьбы за все виды ресурсов, но и в том, что человечество начинает по-новому смотреть на цели и критерии общественного прогресса. Естественно, что такие глобальные цивилизационные трансформации нашли свое отражение и в эволюции предмета экономической теории. Постепенно, сначала исподволь, а потом и все более явно на смену узкоэкономическим концепциям, рассматривающим социальные факторы как дополнительные транзакционные издержки, а государство как «невидимую» или «грабящую» руку рынка, приходят социально-институциональные концепции, позволяющие увидеть в социальных экономических отношениях основу функционирования любой национальной экономической модели. Формируется понимание государства как сложного общественного и социально-экономического феномена, исполняющего роль конфигуратора современного рынка.

Республика Беларусь – молодое динамично развивающееся государство, экономическая система которого функционирует в условиях диалектического единства общего и частного: реальные экономические отношения у нас развиваются под воздействием универсальных экономических законов и закономерностей, трансформирующихся под влиянием уникальных белорусских институциональных особенностей. Как следствие, для нашей страны неприменимо слепое копирование

теоретических подходов и практических механизмов, выработанных и использованных в других социумах. В этой связи перед белорусской политической экономией сегодня стоит задача предложить концепцию обеспечения инновационного развития страны, сохранив при этом социальные и экологические приоритеты внутренней политики. Соответственно, требуется выработка и всестороннее обоснование возможностей реализации новой парадигмы инновационного развития страны, ориентированной на глобальные цивилизационные тенденции в контексте планетарных финансовых, экономических, политических, экологических и иных кризисных явлений.

Сегодня представляется социально безответственным просто декларировать необходимость повышения затрат на науку, справедливо заявляя, что эти затраты сторицей окупятся. Следует понимать, что любые инновации сами по себе далеко не всегда являются благом. Достаточно вспомнить как инновационные (революционные) формы социальной организации российского общества, сломавшие устоявшиеся социальные системы Российской империи в 1917 году, затем привели к величайшей геополитической катастрофе двадцатого столетия – краху СССР.

В связи с этим среди белорусских ученых не прекращается дискуссия о путях и перспективах перехода на инновационный путь развития, о месте и роли в этом процессе отечественной науки. В рамках данной статьи мы остановимся на тех мнениях, которые иллюстрируют (раскрывают) противоположные точки зрения относительно направлений развития белорусской науки в контексте формирования новой социальной парадигмы инновационного развития страны.

Так, например, А. В. Марков утверждал: «Весьма перспективным для страны… может стать **экспорт (перенос) научных исследований** *(выделено нами – С. С.)* в экономические регионы мира, являющиеся наиболее продвинутыми в научном обеспечении (обосновании) направлений инновационного развития, относящихся к числу национальных научно-технических приоритетов»[1]. Реализация такого подхода (если оставить без внимания понятие «наиболее продвинутыми»), на наш взгляд, идущего вразрез с глобальными цивилизационными тенденциями, на практике неизбежно приведет к исчезновению в Республике Беларусь многих научных традиций, сокращению экспортного потенциала белорусской науки, а в перспективе – к переносу к нам низкоинтеллектуального

[1] *Марков А. В. Государственная инновационная политика…*

труда из других стран, что подтверждается примером США, проводящих политику, противоположную вышеуказанной.

Так, Л. Воронецкий говоря о зарубежной практике формирования национальных механизмов социально-экономического инновационного развития, в частности, отмечал, что « … если предприятие, действующее на территории США, приобретает научно-исследовательскую или технологическую разработку у другой фирмы-резидента указанного государства, то затраты на ее приобретение полностью вычитаются из федерального налога, который эта фирма платит государству. Если же американская компания-лицензиат работает, например, в Европе или в Азии, то понесенные затраты компенсируются частично. Такой подход способствует тому, что **каждая корпорация, имеющая филиалы в различных странах, все свои научные центры, лаборатории старается переместить на территорию США** *(выделено нами – С. С.).* Указанная налоговая политика способствует превращению США в научный центр мирового масштаба по аккумулированию в стране интеллектуального потенциала и постепенному вытеснению в другие страны низкоинтеллектуального труда…»[2].

Академик П. Г. Никитенко подчеркивал: «Реалии XXI века таковы, что каждая страна имеет в системе международного экономического разделения труда то место, которое она оказалась в состоянии занять и удержать за собой, используя новейшие достижения научно-технической деятельности. **Беларусь в состоянии ставить перед собой самые высокие задачи, не довольствуясь положением чьего-то сырьевого придатка или всего лишь страны-фабрики, тиражирующей стандартные промышленные продукты на основе покупки чужих лицензий** *(выделено нами – С. С.)*»[3].

Председатель Сибирского отделения РАН, академик А. Л. Асеев категорически заявляет: «Отказ от фундаментальных исследований – глубочайшее заблуждение. Достаточно вспомнить, что одной из причин поражения Германии во Второй мировой войне стало то, что в 30-е годы национал-социалисты, придя к власти, решили: фундаментальная наука не нужна, незачем на нее деньги тратить. К сожалению, память у нас короткая… И Германия в области фундаментальных исследований допустила такое отставание, что до сих пор пользуется трудом зарубежных ученых, в том числе российских»[4].

Председатель Президиума Национальной академии наук Беларуси М. В. Мясникович отмечал, «что вкладываемые в науку средства в перспективе окупаются многократно…»[5].

[2] *Воронецкий Л. Интеллектуальной собственностью нужно управлять. С. 106–107.*

[3] *Никитенко П. Г. Инновационное социально-экономическое развитие Республики Беларусь. С. 117–135.*

[4] *Асеев А. Л. Без науки у России нет будущего. С. 18.*

[5] *Мясникович М. В. В новом веке движение вперед возможно только на научной основе…*

И далее: «То есть, если мы, как страна, хотим иметь достойное и суверенное будущее, в основу своего развития мы должны поставить знания, развитие своего научно-технического потенциала. Поэтому с самого начала одной из стратегических задач Президента Республики Беларусь, Правительства нашей страны всегда было сохранение и развитие как фундаментальной, так и прикладной науки»[6].

В ряде случаев в зависимости от целей, которые ставит перед собой исследователь, разнятся и оценки белорусского научного потенциала. Так, например, А. В. Марков утверждал: «Сегодня почти половина финансовых ресурсов, выделяемых из республиканского бюджета на развитие науки в Беларуси, распределяется через **научно-технические программы и проекты. Однако их эффективность при этом недостаточно высока…** *(выделено нами – С. С.)*»[7]. В статье А. Юрина оценка научно-технических программ уже другая: «Так, **в рамках государственных научно-технических программ, объем внедренных научных разработок за последние три года вырос в 5,3 раза** *(выделено нами – С. С.)*. В прошлом году *(в 2003 – С. С.)* по результатам выполнения ГНТП было выпущено товарной продукции на 475 млн. долларов (для сравнения: базовое бюджетное финансирование белорусской науки в 2003 году составило 80 млн. долларов)…»[8]. По сведениям А. Н. Коршунова, за период с 2000 по 2006 гг. внутренние затраты на исследования и разработки в Беларуси выросли с 66 до 523, 7 млрд. руб., то есть почти в 8 раз, в том числе за счет бюджетного финансирования – в 12 раз, за счет средств предприятий – в 5,7 раза, за счет средств сферы высшего образования – в 8,5 раза. При этом число организаций, выполнявших исследования и разработки, увеличилось лишь в 1,1 раза, а численность персонала, занятого этой деятельностью, даже сократилась на 8 %[9]. «По мнению председателя ГКНТ Ю. Плескачевского, – отмечал А. Юрин, – в республике в целом сформирован научно-инновационный «конвейер». Практическое применение своим научным разработкам белорусские ученые могут найти в рамках различных государственных, региональных и иных программ и проектов. Их экономическая эффективность с каждым годом возрастает…»[10].

М. В. Мясникович, отвечая на вопрос журналиста о рентабельности белорусской науки, подчеркнул: «Сравнивая затраты с результатом, можно констатировать, что вложение средств в науку высокоэффективно. Это касается как частных, так и бюджетных средств»[11].

[6] *Мясникович М. В. В новом веке движение вперед возможно только на научной основе…*

[7] *Марков А. В. Государственная инновационная политика… С. 221.*

[8] *Юрин А. Запустили конвейер.*

[9] *Коршунов А. Н. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь…*

[10] *Юрин А. Запустили конвейер. С. 13.*

[11] *Мясникович М. В. В новом веке движение вперед возможно только на научной основе…*

Остановимся также на еще одном высказывании А. В. Маркова: «Беларуси может быть предложен принцип корреляционной целесообразности, состоящий в том, что **государство финансирует только те исследования, результаты которых могут быть реально востребованы ее народным хозяйством** *(выделено нами – С. С.)*, либо способны создать в нем в перспективе новые высокотехнологичные производства…»[12]. Мы придерживаемся иного подхода к принципам развития отечественной науки и считаем, что Беларусь должна ориентироваться на экспорт своих научных разработок, а не на «научную автаркию». Так, академик П. Г. Никитенко отмечает, что «**такой подход возможен только в условиях самоизоляции страны, вплоть до перехода на принципы ведения "натурального хозяйства"** *(выделено нами – С. С.)*. В соответствии с доказанной на практике теорией международной конкурентоспособности, любые попытки административного ограничения импорта (и экспорта наукоемкой продукции – *С. С.*) в конце концов приводят к снижению технологического уровня производства, качества продукции и утрате конкурентоспособности предприятий страны…»[13].

Следует согласиться с тезисом П. Г. Никитенко о том, что «структурно наука в Беларуси в ближайшие 20 лет должна быть представлена небольшим по численности, но хорошо материально и финансово обеспеченным сектором фундаментальных исследований, работающим на высоком мировом уровне. Эти направления надо развивать, лелеять, давать возможность раскрыться талантам, которые в Беларуси есть. Вторая составляющая научного потенциала сконцентрирована в университетах, предоставляющих образовательные услуги высокого качества, в том числе иностранным потребителям. Сегодня университетская наука ограничивается преимущественно включением достижений отечественной и мировой науки в учебный процесс, поскольку ввиду высокой загруженности научно-педагогических кадров им не всегда удается эффективно и в полном объеме производить собственно научные исследования. Третьим и самым большим становится сектор прикладных научных исследований и разработок, главную задачу которого составит адаптация передовых зарубежных разработок применительно к белорусским условиям с их последующим собственным развитием, как это имеет место в Японии и Китае»[14].

Необходимо подчеркнуть, что социальная парадигма инновационного развития Республики Беларусь должна

[12] *Марков А. В. Государственная инновационная политика… С. 214.*

[13] *Нікіценка П. Фарміраванне дзяржаўнага антыкрызіснага механізма гаспадаранння: абгрунтаванне і прапановы. С. 141.*

[14] *Никитенко П. Г. Инновационное социально-экономическое развитие Республики Беларусь. С. 117–135.*

учитывать глобальные цивилизационные тенденции, которые неразрывно связаны с нарастанием институционального разнообразия и пониманием значительной частью научного сообщества невозможности познания современных реалий на основе упрощенных, механистических подходов. В мировом сообществе возникла необходимость проведения ревизии принципов функционирования современных экономических систем, в том числе существует возможность по-новому взглянуть на роль социальных факторов в экономике. Было бы неправильно говорить о том, что ранее такие попытки не предпринимались отечественными и зарубежными обществоведами. Естественно, они были, причем достаточно удачные. Но зачастую научное сообщество такие попытки игнорировало, или они заглушались «громким хором» либералов-рыночников. В связи с этим, по нашему мнению, существует гносеологическая необходимость рассматривать социально-экономические институты (рынок, общественно-функциональные инновации, инновационная деятельность и т. д.) как социальные инструменты, позволяющие более или менее успешно облегчать жизнь людей – снижать транзакционные издержки. Такой подход должен позволить объективно (вне исторической морализации) рассмотреть границы целесообразного применения инновационного инструментария в экономической системе общества во взаимосвязи с глобальными и национальными цивилизационными тенденциями, институциональной матрицей, материально-технологической средой, экологическим императивом, балансом социально-классовых интересов, социальным капиталом и формами его капитализации. Следует согласиться с мнением А. Л. Подгайского, представителя цивилизационного подхода в белорусской политической экономии, который, придерживаясь научной традиции «Данилевского – Леви-Строса», трактующей социальное развитие как нелинейный и поливариативный процесс, отметил, что «смысл прогресса в рамках этой традиции (*традиции «Данилевского – Леви-Строса» – С. С.*) заключается не в нарастающем универсализме исторического процесса, а в умножении разнообразия социальных форм бытия, в позитивных результатах взаимодействия»[15]. При этом необходимо учитывать, что «ни синергетика, ни цивилизационный подход не отрицают эвристического потенциала исследования общих тенденций, определяющих “лицо” человечества

СОЦИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ДОЛЖНА УЧИТЫВАТЬ ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

[15] *Подгайский А. Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов… С. 8.*

в целом. Но оба направления далеки от того, чтобы признавать за выводами таких исследований абсолютно значимый характер. Они настаивают лишь на универсальности общих принципов самоорганизации социальных систем. Отвергая представления об обществе как некотором однородном континууме, эти направления рассматривают в качестве истинных субъектов истории все многообразие социальных формирований между обществом и индивидом. Речь идет о том, что универсальные закономерности и черты социально-экономического прогресса в целом находят различное преломление в непреходящем разнообразии социально-экономической действительности»[16].

С позиций цивилизационного подхода, представленного в трудах П. Г. Никитенко, касающихся стратегии инновационного развития Беларуси, суждения о том, что «государство финансирует только те исследования, результаты которых могут быть реально востребованы ее народным хозяйством»[17], являются гносеологически упрощенными. В них прослеживается попытка унифицировать субъектное разнообразие потребностей, интересов, мотивов и прочего, т. е., по существу, поставить знак равенства между человеком социальным и экономическим человеком, что свойственно «экономическому империализму»[18]. Также эти суждения являются исторически несостоятельными (поскольку игнорируют глобальные цивилизационные тенденции развития научного сообщества), практически вредными (поскольку ориентируют отечественную науку исключительно на внутренний рынок, предлагая добровольно отказаться от экспорта белорусских технологий), стратегически опасными (поскольку ориентируют общество на отказ от национальных фундаментальных научных традиций и сокращение финансирования науки). А. Л. Асеев утверждает: «В период кризиса развитые страны мира не уменьшают, а увеличивают финансирование науки. Это США и КНР, в Европе это Англия, Франция, Германия, Италия, даже Испания. Не делают это только страны второго эшелона»[19].

Для формирования новой парадигмы инновационного развития Республики Беларусь необходимо также провести ревизию значимости факторов экономического роста. В мировой экономической науке укрепляется мнение о том, что по критерию экономической эффективности первое место занимает социальный и человеческий капиталы, а также наука[20].

[16] *Подгайский А. Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов… С. 8–9.*

[17] *Марков А. В. Государственная инновационная политика… С. 214.*

[18] *Радаев В. В. К обоснованию модели поведения человека в социологии…*

[19] *Асеев А. Л. Без науки у России нет будущего. С. 18.*

[20] *Easterly W. The Elusive Quest for Growth…;*
Acemoglu D. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth; Do Institutions Cause Growth?
Натхов Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие…

В нашей стране уже накоплен значительный социальный потенциал (за счет проводимой социальной политики) и существует позитивный опыт его капитализации. Стабильно высокие темпы экономического роста в Беларуси являются не самоцелью, а средством роста уровня жизни населения страны, что в условиях невысокой дифференциации доходов между децильными группами объективно повышает уровень социального капитала. Исходя из специфики белорусской экономической модели (инновационная, социально-ориентированная, преимущественно рыночная) и современных глобальных императивов Республике Беларусь необходимо формировать устойчивый внутренний спрос как основу высоких темпов экономического роста за счет социальных эффектов.

Т. Натхов на основе анализа научной литературы справедливо отметил, что у институциональной гипотезы есть серьезные гносеологические конкуренты[21]. Действительно, для устойчивого экономического роста необходимы свободные рынки и сильные институты[22] (под последними понимаются долговременные правила взаимодействия людей, дополненные механизмами принуждения[23]). Решающая роль институтов обоснована во многих новейших эмпирических исследованиях[24], однако основной вопрос заключается в том, какие из факторов оказывают большее влияние на экономический рост: человеческий и социальный капиталы или институциональная среда.

Согласно исследованиям Эд. Глейзера, Ла Порта, Лопес-де-Силанеса и других, человеческий капитал выступает более важной причиной экономического роста, чем институты, а совершенствование политических институтов происходит после того, как страна преодолевает бедность благодаря правильной экономической политике[25]. Анализ методологии оценки институтов, проведенный этими авторами, выявил, «что ни одна группа показателей качества институтов, которыми пользуются исследователи, не отражает долговременных характеристик институциональной среды: эти показатели весьма изменчивы и увеличиваются с ростом доходов на душу населения»[26]. «Например, – писал Т. Натхов, – показатель риска экспроприации собственности был минимален для СССР и Сингапура в 1984 г., хотя здесь трудно говорить о наличии ограничений для власти. В Иране данный показатель увеличился с 1 до 9 (минимальный риск экспроприации) всего за 15 лет. Очевидно, что этот индекс не отражает постоянных правил, определяющих систему сдержек и противовесов верховной власти, хотя он может быть весьма полезен для оценки условий ведения бизнеса в соответствующих странах. Аналогичной критике можно подвергнуть и различные показатели эффективности государства: с учетом их

[21] *Натхов Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие… С. 112.*

[22] *Easterly W. The Elusive Quest for Growth…*

[23] *North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance.*

[24] *Acemoglu D. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth.*

[25] *Do Institutions Cause Growth?*

[26] *Натхов Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие… С. 113.*

субъективного оценочного характера они отражают скорее результаты ex post, тесно коррелирующие с уровнем экономического развития, а не наличие политических ограничений как таковых»[27].

Как показали теоретические и эмпирические исследования, количественные оценки человеческого и социального капиталов характеризуются меньшими погрешностями, чем показатели качества институтов. К примеру, «регрессии методом наименьших квадратов показали, что уровень образования гораздо более стабилен, чем показатели ограничений исполнительной власти»[28]. Таким образом, человеческий и социальный капиталы являются более устойчивыми и объективными факторами, чем традиционные индексы качества институтов, так как последние не отражают ни ограничений власти, ни долговременных характеристик политической среды, ни качественных характеристик социальной среды. Анализ зависимости между институтами и развитием лишь доказывает, что «институты лучше функционируют в богатых обществах»[29].

С. Нэк и П. Кифер доказали, что из-за повышения уровня доверия в стране на один пункт экономический рост увеличивается более чем на 0,5 пункта[30]. Ла Порта, Лопес-де-Силанес и др. выяснили, что при повышении доверия на один пункт эффективность судебных решений увеличивается на 0,7, а коррупция снижается на 0,3 пункта[31]. С. Дьянков, Эл. Глейзер, Ла Порта и другие дали теоретическое обоснование данным взаимосвязям, они доказали, что каждое общество сталкивается с выбором между различными вариантами организации, определяемыми кривой институциональных возможностей[32]. При таком подходе институты являются лишь точками на кривой, положение которой зависит от накопленного социального капитала. Чем он больше, тем привлекательнее альтернативные институциональные возможности общества. В связи с этим важно установить связь социального и человеческого капитала. Социальный капитал «существует только во взаимоотношениях индивидов»[33], это «характеристики социальной жизни – сети, нормы и доверие, – которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей»[34]. При этом социальный капитал возникает лишь в тесной связи с человеческим капиталом и на его основе.

Для формирования новой социальной парадигмы инновационного развития страны с учетом современных глобальных тенденций и вызовов необходимо, в частности, следующее.

1. Чтобы в центре внимания всей прикладной науки находились нужды реального сектора экономики – ядра экономической системы общества. Это требует разработки системы критериев для выяснения социально-экономической

[27] *Натхов Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие… С. 113.*

[28] *Там же.*

[29] *Там же.*

[30] *Knack S. Does Social Capital Have an Economic Payoff?.. P. 1251–1288.*

[31] *Trust in Large Organizations. P. 333–338.*

[32] *The New Comparative Economics.*

[33] *Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. С. 126.*

[34] *Putnam R. Who Killed Civic America? P. 66.*

эффективности импорта той или иной технологической инновации или же разработки ее отечественными специалистами. Сегодня невозможно прекратить государственное финансирование прикладных исследований, поскольку часть таких исследований должна взять на себя Национальная академия наук. Такой точки зрения придерживаются не только наши ближайшие соседи[35], но и многие белорусские ученые. Председатель Президиума Национальной академии наук Беларуси М. В. Мясникович отметил: «Проведенная организационно-экономическая реорганизация способствует преобразованию Академии наук в мощный научно-производственный комплекс, где рождаются научные идеи мирового уровня, создаются и отрабатываются самые современные технологии. Мы осознанно выбрали такую стратегию развития: сами будем разрабатывать, осваивать и коммерциализировать наши разработки, большинство из них под ключ продавать на внутреннем и внешнем рынках»[36]. Сокращение (полное прекращение невозможно) финансирования прикладных исследований за счет государственного бюджета должно сопровождаться развитием институционального инновационного рыночного механизма коммерциализации отечественных разработок, в частности, за счет венчурных частных и государственных фондов.

[35] *Асеев А. Л. Без науки у России нет будущего. С. 17.*

[36] *Мясникович М. В. Конкурентоспособность Беларуси зависит от качества генерирования новых знаний...*

2. Обеспечить сохранение *всех* существующих сегодня фундаментальных научных традиций – единственной основы для объективной и комплексной оценки тех научных разработок, которые к нам могут и будут поступать из-за границы.
3. Разработать критерии комплексной социально-эколого-экономической эффективности всех инновационных проектов для Республики Беларусь, в том числе с учетом уже понесенных обществом издержек.
4. Выработать государственную стратегию индустриального развития (т. е. необходимо сформировать современную промышленную и агропромышленную политику, ориентированную на ускоренное накопление человеческого и социального потенциалов как важнейших компонентов повышения экономической эффективности индустриального технологического уклада, доминирующего сегодня в хозяйственной сфере Республики Беларусь), включающую в себя механизмы перераспределения бюджетных ресурсов для быстрых структурных трансформаций

отечественной индустрии, в том числе, если это понадобится, за счет расходов на государственное управление и оборону.

5. Пересмотреть государственную парадигму развития общественных наук с учетом сегодняшних глобальных тенденций, когда реальностью становятся интеллектуально-идеологические войны, когда принцип «кто не хочет кормить своих гуманитариев, тот будет кормить чужих гуманитариев и чужую армию» перестает быть преувеличением. При этом следует сделать упор на сохранении и развитии, а в ряде случаев – на создании национальных научных фундаментальных традиций, позволяющих критически оценивать достижения зарубежной теории и вырабатывать новые методологические подходы для дальнейшего конфигурирования белорусской институциональной модели хозяйствования. Необходимо возродить социальную философию и политическую экономию как науки не только прагматические, но и апологетические. Реализация названной государственной парадигмы должна сопровождаться обязательной независимой экспертизой всех учебников и учебных пособий (для школ, вузов и т. д.) по гуманитарным и экономическим дисциплинам на предмет соответствия их белорусской государственной идеологии, социальным и хозяйственным реалиям нашей коммунальной материально-технологической среды. Это не только повысит уровень безопасности страны, но и будет способствовать росту социального потенциала Беларуси – важного фактора устойчивого экономического развития.

СЛЕДУЕТ СДЕЛАТЬ УПОР НА СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ТРАДИЦИЙ, ПОЗВОЛЯЮЩИХ КРИТИЧЕСКИ ОЦЕНИВАТЬ ДОСТИЖЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ТЕОРИИ И ВЫРАБАТЫВАТЬ НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО КОНФИГУРИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

6. Ускорить дальнейшую трансформацию белорусской институциональной экономической модели в направлении роста самостоятельности субъектов хозяйствования, что обусловлено воздействием последних научных достижений процессов общественного воспроизводства, необходимостью усиления социальности, экологичности и нравственности экономической системы общества. В качестве одной из таких мер можно рассматривать отказ государственных предприятий от роста прибыли как главного показателя оценки эффективности работы и переориентировка их на показатели добавленной стоимости и дохода, что будет создавать благоприятные условия для

роста заработной платы, а значит, и для расширенного воспроизводства человеческого потенциала.

7. Необходимо ввести обязательную экспертизу всех законодательных актов на предмет влияния их на социальный и человеческий капиталы. Это будет способствовать росту социального и человеческих потенциалов Беларуси – важных факторов устойчивого экономического развития. Так, например, увеличение возраста выхода на пенсию, по существу, не принесет никакого положительного экономического эффекта, так как сразу снизит уровень интеллектуального социального капитала в стране, а значит, и негативно повлияет на темпы экономического роста. В то же время социальный капитал, например, увеличивается с ростом ставки дисконтирования; при снижении мобильности индивидов; сокращении альтернативных издержек времени; с ростом отдачи от профессий, требующих социальных навыков; со снижением нормы амортизации и т. д. То есть меры макроэкономического регулирования экономики будут также сопровождаться положительным синергетическим эффектом в виде наращивания социального капитала, что напрямую связано с экономическим ростом.

НЕОБХОДИМО ВВЕСТИ ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ ЭКСПЕРТИЗУ ВСЕХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ НА ПРЕДМЕТ ВЛИЯНИЯ ИХ НА СОЦИАЛЬНЫЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛЫ

8. С целью значительного роста экономически активного населения страны, увеличения численности населения и повышения платежеспособного спроса домашних хозяйств целесообразно разработать государственную программу по широкому привлечению трудовых мигрантов для их последующей культурной и социальной ассимиляции из стран, исторически и ментально близких Беларуси, которые в настоящее время переживают сильные социальные и политико-экономические потрясения. К ним, прежде всего, относится Украина, на территории которой проживает более 400 тысяч этнических белорусов[37]. За счет этих мигрантов уже сегодня можно решить демографические проблемы в сельской местности и малых городах, а также обеспечить страну необходимыми ресурсами для длительного сохранения высоких темпов экономического роста и повышения емкости внутреннего рынка.

[37] *Demoscope weekly...*

Список использованных источников

1. Асеев, А. Л. Без науки у России нет будущего / А. Л. Асеев // ЭКО. – 2010. – № 1.
2. Воронецкий, Л. Интеллектуальной собственностью нужно управлять / Л. Воронецкий // Беларуская думка. – 2001. – № 8.
3. Коршунов, А. Н. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2006 г. Аналитический доклад / А. Н. Коршунов. – М.: ГУ «БелИСА», 2007.
4. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3.
5. Марков, А. В. Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации / А. В. Марков. – Минск, 2005. – 370 с.
6. Мясникович, М. В. В новом веке движение вперед возможно только на научной основе [Электронный ресурс] / М. В. Мясникович // Союзное государство. – Минск, 2008. – Режим доступа: http://www.soyuzgos.ru/2008/22/22_07_ Mjasnikovich.html. – Дата доступа: 24.02.2008.
7. Мясникович, М. В. Конкурентоспособность Беларуси зависит от качества генерирования новых знаний [Электронный ресурс] / «Национальной Академии Наук Беларуси – 80 лет». – Минск, 2008. – Режим доступа: http://nanb80.belta.by/ru/opinion?id=272156. – Дата доступа: 20.11.2009.
8. Натхов, Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие (обзор основных исследований) / Т. Натхов // Вопросы экономики. – 2010. – № 8.
9. Никитенко, П. Г. Инновационное социально-экономическое развитие Республики Беларусь / П. Г. Никитенко, С. Ю. Солодовников // Беларусь – Молдова: 15 лет дипломатических отношений: материалы междунар. науч.-практ. конф., Кишинев, 16 нояб. 2007 г. / Ин-т истории, государства и права Академии наук Молдовы, Посольство Республики Беларусь в Молдове. – Кишинев, 2007.
10. Никитенко, П. Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Г. Никитенко. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 479 с.
11. Нікіценка, П. Фарміраванне дзяржаўнага антыкрызіснага механізма гаспадарання: абгрунтаванне і прапановы / П. Нікіценка // Полымя. – 2009. – № 10.
12. Подгайский, А. Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики / А. Л. Подгайский // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2008. – № 3 (42).
13. Радаев, В. В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / В. В. Радаев // Социологические чтения / Ин-т «Открытое общество», Ин-т социологии РАН. – М., 1997. – Вып. 2.
14. Юрин, А. Запустили конвейер / А. Юрин // Поиск. – 2004. – 28 мая.
15. Acemoglu, D. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth / D. Acemoglu, S. Johnson, J. Robinson // Handbook of Economic Growth. – N. Y.: Elsevier, 2005. – Vol. 1 A / P. Aghion, S. N. Durlauf.
16. Demoscope weekly [Электронный ресурс] / Население и общество – Москва, 2005. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0197/panorm01. php. – Дата доступа: 13.11.2009.
17. Do Institutions Cause Growth? / E. Glaeser [and oth.] // NBER Working Paper. – 2004. – № 10568.

18. Easterly, W. The Elusive Quest for Growth: Economist's Adventures and Misadventures in the Tropics / W. Easterly. – MIT Press, 2001.
19. Knack, S. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation / S. Knack, P. Keefer // Quarterly Journal of Economics. – 1997. – Vol. 112, № 4.
20. North, D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D. North. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
21. Putnam, R. Who Killed Civic America? / R. Putnam. – Prospect. – 1996. – March.
22. The New Comparative Economics / S. Djankov [and oth.] // NBER Working Paper. – 2003. – № 9608.
23. Trust in Large Organizations / R. La Porta [and oth.] // American Economic Review Papers and Proceedings. – 1997. – Vol. 87, № 2.

Дата паступлення ў рэдакцыю 01.02.2011.

УДК 339.9

Ю. И. Енин
Л. С. Лавров

РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Енін Юрый Іванавіч *– доктар эканамічных навук, саветнік Беларускай гандлёва-прамысловай палаты. Сфера навуковых інтарэсаў – макраэканамічнае рэгуляванне, сусветная эканоміка і міжнародны гандаль. Аўтар больш чым 130 навуковых прац, у тым ліку 10 манаграфій і навучальных дапаможнікаў.*

Працяг. Пачатак у № 1, 2011.

Лаўроў Леанід Сяргеевіч *– саветнік, кіраўнік аддзялення Пасольства Рэспублікі Беларусь у Расійскай Федэрацыі ў Навасібірску. Сфера навуковых інтарэсаў – знешнеэканамічная дзейнасць.*

Внешняя торговля Республики Беларусь с регионами СФО

Сибирский федеральный округ Российской Федерации по итогам 2009 г. во взаимной торговле с Республикой Беларусь занимал 6 место по товарообороту. При этом основные показатели динамики внешней торговли Республики Беларусь с регионами СФО в 2005–2009 гг. отражены в таблице 3.

В 2009 г. **товарооборот** Беларуси с СФО составил 588,8 млн. долл. и сократился по сравнению с 2008 г. на 38,2 %. При этом **экспорт** составил 325,4 млн. долл. (сократился по сравнению с 2008 г. на 42,0 %), **импорт** – 263,4 млн. долл. (рост на 1,9 %). **Сальдо** внешней торговли сохранилось положительным и составило 62,0 млн. долл.

В **январе – июне 2010** г. товарооборот Республики Беларусь с субъектами СФО составил 372,0 млн. долл. и возрос по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. на 86,8 % (или на 172,8 млн. долл.). Белорусский **экспорт** в регионы округа составил 275,2 млн. долл. (рост в 2,8 раза), **импорт** – 96,8 млн. долл. (сократился на 4,8 %).

Положительное сальдо внешней торговли Республики Беларусь составило 178,5 млн. долл. и к уровню соответствующего периода 2009 г. возросло на 174,2 млн. долл., что свидетельствует о высокой эффективности экспорта Республики Беларусь в данные регионы Российской Федерации.

Таблица 3.
Показатели динамики внешней торговли Республики Беларусь с регионами СФО в 2005–2009 гг. (млн. долларов США)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 г. в % к 2008 г.
Товарооборот	451,9	510,8	653,3	819,5	588, 8	71,8
Экспорт	296,7	347,2	449,6	561,4	325,4	58,0
Импорт	155,4	163,6	203,7	258,1	263,4	101,9
Сальдо	141,3	183,6	245,9	303,3	62,0	

Товарная структура внешней торговли Республики Беларусь с СФО по укрупненным товарным группам в целом устойчива как в экспорте, так и в импорте. Основу белорусского экспорта составляют инвестиционные (техника, станки, оборудование) и потребительские товары (продовольственные и непродовольственные), а импортируются преимущественно промежуточные товары (сырье, материалы, комплектующие).

Анализ внешней торговли Беларуси и СФО показывает, что рост товарооборота в целом по округу происходит за счет наращивания объемов взаимной торговли с несколькими ведущими регионами, а именно: Кемеровской, Новосибирской, Омской и Иркутской областями, Красноярским и Алтайским краями. Торгово-экономические отношения Республики Беларусь с вышеупомянутыми регионами округа формируют 93 % товарооборота и белорусского экспорта, 92 % импорта из СФО, а также 96 % сальдо внешней торговли.

Основываясь на оценках темпов потребления белорусской продукции в регионах СФО в 2009 г., а также на тенденциях развития экономической ситуации в регионах, можно сделать вывод о том, что стабильный спрос в регионах СФО на основные товарные позиции белорусского экспорта сохранится и будет сопоставим с экономическими возможностями субъектов федерации.

Условия для закрепления белорусской продукции на рынке СФО и диверсификации экспорта

Относительно наращивания объема товаров, поставляемых на рынки СФО в среднесрочной перспективе, необходимо отметить следующее.

Развитие экономики данного региона России сдерживается, наряду с последствиями кризисных явлений, недостатком производственной и транспортной инфраструктуры. Анализ природно-сырьевого потенциала Сибири и Забайкалья показывает, что в перспективе здесь могут быть реализованы крупные проекты в горнодобывающей промышленности и цветной металлургии, а также в электроэнергетике, деревообработке, производстве стройматериалов и в других отраслях.

Важнейшим фактором развития торгово-экономических отношений Беларуси и краев (областей) Сибири в ближайшей перспективе является сохраняющаяся потребность российских субъектов хозяйствования в товарах, произведенных в Беларуси, для реализации собственных проектов.

Так, в частности, реализация вышеперечисленных крупнейших инвестиционных проектов в развитии транспортной инфраструктуры, энергетике, логистике может потенциально способствовать росту экспорта белорусских товаров на всех этапах осуществления проектов. Экспертная оценка показывает, что рост белорусского экспорта в СФО при реализации данных проектов на период до 2015 г. может составлять не менее 20% ежегодно при условии равного с российскими производителями доступа к финансовым ресурсам.

ВАЖНЫМ ФАКТОРОМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СИБИРИ НА ДАННЫЙ МОМЕНТ ЯВЛЯЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ БОЛЬШИНСТВА ПРОЕКТОВ ОТ КРУПНЫХ ФИНАНСОВЫХ (ХОЛДИНГОВЫХ) СТРУКТУР ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И, СООТВЕТСТВЕННО, ПЕРЕХОД НА РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

На наш взгляд, белорусским товаропроизводителям необходимо провести переговоры с крупнейшими компаниями по отраслевому принципу. Например, с руководством нефтяных компаний, угле- и горнодобывающей промышленности, действующих в СФО, переговоры по поставкам на основе утверждения совместных программ РУПП «БелАЗ». Кроме того, Минтрансу необходимо инициативно рассмотреть вопрос сотрудничества в дорожном секторе с учетом упомянутой транспортной стратегии России.

Важным фактором развития экономики Сибири на данный момент является значительная зависимость большинства проектов от крупных финансовых (холдинговых) структур федерального центра и, соответственно, переход на ресурсное обеспечение.

Так, крупный потребитель белорусской карьерной техники в Иркутской области – Коршуновский горно-обогатительный комбинат (Коршуновский ГОК) является основой железорудного сегмента группы компаний ОАО «Мечел». Несмотря на то, что Коршуновский ГОК владеет лицензией на освоение

четырех месторождений железной руды с общими запасами 234,2 млн. тонн и в 2007–2011 гг. планирует освоить капитальные вложения в сумме 5,9 млрд. рос. руб. (более 250 млн. долл.), окончательные решения по финансированию проектов принимает в Москве ООО «Управляющая компания “Мечел”». Именно управляющая компания определяет объемы и номенклатуру будущих закупок техники и оборудования.

Одной из основных проблем, помимо неравных условий участия белорусских поставщиков в кредитных и лизинговых программах, является то, что при поставках белорусской техники и оборудования в регионы Сибири система сервисного обслуживания на местах пока еще не получила должного развития.

В целях преодоления таких ситуаций белорусским экспортерам необходимо четко определить свои региональные приоритеты на средне- и долгосрочную перспективу. Если стратегия предприятия предусматривает дальнейшую перспективу своего развития в направлении восточных регионов России (Урал, Сибирь, Дальний Восток), то и преимущество должно быть отдано партнерам (дилерам, дистрибьюторам) из данных регионов. Это позволит закрепиться на освоенных ранее рынках, укрепит дилерскую сеть в отдаленных регионах России и существенно потеснит позиции конкурентов из третьих стран за счет наличия эффекта привычности белорусской техники для российского потребителя.

Подтверждением этому служит пример развития товаропроводящей сети в регионах Сибири крупнейшими белорусскими экспортерами – ОАО «МАЗ», ОАО «Амкодор», ПО «МТЗ», РУПП «БелАЗ» и ПО «Гомсельмаш», которые проводят целенаправленную региональную стратегию продаж, и это позволяет им добиться существенных результатов в экспорте своей продукции в СФО.

Целесообразно более активное присутствие субъектов хозяйствования Республики Беларусь в регионах СФО, в которых реализуется ряд экономических проектов развития федерального и регионального уровня по ведущим отраслям: ТЭК, металлургическая, горнодобывающая промышленность и т. д.

Совершенствование инфраструктуры ТПС по созданию полноценных представительств предприятий белорусского сельхозмашиностроения с развитым сервисом целесообразно осуществлять на базе существующих в регионах России дистрибьюторских структур в виде дочерних предприятий, а также на основе дилерских центров продаж и сервиса.

Кроме того, центры агломерации, складывающиеся в Новосибирске и Красноярске, позволяют начать в 2011–2015 гг. проработку вопросов, связанных с созданием в этих городах белорусских торгово-логистических центров по примеру проектов, реализуемых в центральных регионах России.

С учетом планов Правительства Российской Федерации по развитию экономического потенциала регионов СФО целесообразно сосредоточить усилия белорусских экспортеров по следующим направлениям.

В Западно-Сибирском экономическом районе (Алтайский край, Новосибирская, Омская, Томская и Кемеровская области, Республика Алтай) необходимо сконцентрироваться на создании совместных и кооперационных сборочных производств сельскохозяйственной техники, тракторов и автомобилей (включая городской транспорт) из комплектующих, поставляемых из Республики Беларусь; на создании системы сервисных и гарантийных центров и обеспечении их запасными частями к ранее поставленной белорусской технике; на формировании системы представительств белорусских предприятий и концернов с целью противостояния конкуренции и закрепления на региональных рынках; на кооперации белорусских предприятий промышленности и сельского хозяйства с научными учреждениями Сибири для реализации в Беларуси передовых практических разработок сибирских научных центров.

НЕСМОТРЯ НА РАСШИРЯЮЩЕЕСЯ ПРОИЗВОДСТВО ТОВАРОВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЛАНОВ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СИБИРИ, ПРОДУКЦИЯ БЕЛОРУССКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ БУДЕТ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СПРОСОМ

В Восточно-Сибирском экономическом районе (Красноярский и Забайкальский края, республики Бурятия, Тыва и Хакасия, Иркутская область) важно сосредоточиться на создании и расширении в регионах дилерской сети белорусских предприятий-экспортеров; на продвижении в данные регионы белорусских потребительских товаров (особенно продовольственных); на формировании в регионах, прилегающих к Монголии и Северо-Западным регионам Китая (Забайкальский край, Республика Бурятия, Иркутская область), центров торговли, которые обеспечат белорусский экспорт в упомянутые регионы дальнего зарубежья; на проработке возможности участия Республики Беларусь в освоении природных ресурсов Восточно-Сибирского региона.

Общая оценка импортных потребностей регионов Сибири и Забайкалья позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на расширяющееся производство товаров, предназначенных для обеспечения экономических планов развития регионов

Сибири, продукция белорусских производителей будет пользоваться спросом. Обязательным условием успеха является активная, а при необходимости агрессивная, политика отечественных экспортеров.

Реализация данной стратегии в регионах СФО будет способствовать удержанию позиций белорусских товаропроизводителей на местных рынках и позволит обеспечить прирост экспорта товаров белорусского производства в данные регионы на уровне не менее 15–20 % ежегодно при условии, что федеральные власти России не будут препятствовать равному доступу белорусских производителей к кредитным и бюджетным ресурсам.

Поскольку СФО имеет огромные запасы нефти, газа, угля, железных руд и других полезных ископаемых, Белорусская торгово-промышленная палата уделяет большое внимание сотрудничеству с этим регионом, организуя визиты деловых кругов, проводя национальные выставки, осуществляя поиск потенциальных партнеров. Представляет интерес динамика товарооборота Республики Беларусь непосредственно с регионами СФО (таблица 4).

Сегодня лидирующие позиции по объемам белорусского экспорта в регионы СФО занимает Кемеровская область (доля в общем объеме белорусского экспорта в СФО более 53 %), она находится на шестом месте среди регионов России.

СЕГОДНЯ ЛИДИРУЮЩИЕ ПОЗИЦИИ ПО ОБЪЕМАМ БЕЛОРУССКОГО ЭКСПОРТА В РЕГИОНЫ СФО ЗАНИМАЕТ КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ (ДОЛЯ В ОБЩЕМ ОБЪЕМЕ БЕЛОРУССКОГО ЭКСПОРТА В СФО БОЛЕЕ 53 %), ОНА НАХОДИТСЯ НА ШЕСТОМ МЕСТЕ СРЕДИ РЕГИОНОВ РОССИИ

По приглашению администрации Кузбасской области и Кузбасской торгово-промышленной палаты в период с 4 по 7 ноября 2009 г. состоялся официальный визит белорусской делегации и миссия деловых кругов Республики Беларусь в Кемеровскую область в составе 25 членов делегации, которые представляли интересы 20 предприятий и организаций. В здании администрации Кемеровской области были проведены российско-белорусский бизнес-форум и контактно-кооперационная биржа. На контактно-кооперационной бирже представители белорусских предприятий встретились с руководителями областных и городских структур, обсудили конкретные проблемы торгово-экономического характера, а также провели бизнес-переговоры почти с 60 субъектами хозяйствования Кемеровской области о поставках белорусской продукции в данный регион, где хорошо представлена тяжелая техника, которую поставляет Белорусский автомобильный завод (БелАЗ) на угольные разрезы Кузбасса. Очевидно, что

Таблица 4.

Данные о товарообороте Республики Беларусь по Российской Федерации и регионам СФО

	Тыс. долл. США		январь – ноябрь 2010 г. в % к январю – ноябрю 2009 г.	Удельный вес в общем объеме, %		Место	
	январь – ноябрь 2009 г.	январь – ноябрь 2010 г.		январь-ноябрь 2009 г.	январь-ноябрь 2010 г.	январь-ноябрь 2009 г.	январь-ноябрь 2010 г.
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ							
оборот	21 034 145,8	24 811 247,1	118,0	47,2	47,0	1	1
экспорт	6 037 034,0	8 916 519,0	147,7	31,6	40,2	1	1
импорт	14 997 111,8	15 894 728,1	106,0	59,0	52,0	1	1
сальдо	-8 960 077,8	-6 978 209,1					
из них:							
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ							
оборот	508 597,7	763 554,6	150,1	2,4	3,1	6	5
экспорт	270 569,8	556 387,2	205,6	4,5	6,2	5	4
импорт	238 027,9	207 167,4	87,0	1,6	1,3	6	6
сальдо	32 541,9	349 219,8					
Кемеровская область							
оборот	103 046,1	307 944,0	298,8	0,5	1,2	31	13
экспорт	94 841,4	295 672,6	в 3,1 р.	1,6	3,3	11	6
импорт	8 204,7	12 271,4	149,6	0,1	0,1	56	55
сальдо	86 636,7	283 401,2					
Омская область							
оборот	111 805,2	142 583,7	127,5	0,5	0,6	29	28
экспорт	28 902,9	47 990,8	166,0	0,5	0,5	37	34
импорт	82 902,3	94 592,9	114,1	0,6	0,6	26	24
сальдо	- 53 999,4	- 46 602,1					
Новосибирская область							
оборот	138 838,5	103 369,4	74,5	0,7	0,4	24	34
экспорт	42 247,9	63 508,5	150,3	0,7	0,7	25	22
импорт	96 590,6	39 860,9	41,3	0,6	0,3	23	39
сальдо	- 54 342,7	23 647,6					
Красноярский край							
оборот	56 191,3	71 858,6	127,9	0,3	0,3	43	45
экспорт	35 903,7	52 433,5	146,0	0,6	0,6	28	31
импорт	20 287,6	19 425,1	95,7	0,1	0,1	44	50
сальдо	15 616,1	33 008,4					
Алтайский край							
оборот	26 662,3	51 104,9	191,7	0,1	0,2	53	49
экспорт	17 824,8	36 380,2	204,1	0,3	0,4	49	40
импорт	8 837,5	14 724,7	166,6	0,1	0,1	55	53
сальдо	8 987,3	21 655,5					
Иркутская область							
оборот	31 455,0	35 478,0	112,8	0,1	0,1	50	52
экспорт	17 540,1	18 409,0	105,0	0,3	0,2	50	54
импорт	13 914,9	17 069,0	122,7	0,1	0,1	49	51
сальдо	3 625,2	1 340,0					

БелАЗ в значительной мере формирует соответствующие параметры белорусского экспорта в СФО, хотя, ради справедливости, необходимо отметить, что и другие предприятия белорусского промышленного комплекса также достойно представлены на сибирском рынке. В СФО также реализуется крупный проект с лизинговой компанией на поставку техники Минского завода колесных тягачей. Представлена продукция и других белорусских предприятий (МАЗ, МТЗ, МЗКТ).

По товарообороту с Новосибирской областью за январь – ноябрь 2010 г. Республика Беларусь заняла 34 место среди регионов России, а по объему белорусского экспорта – 22 место среди регионов России.

В рамках реализации соглашения о сотрудничестве между городами Новосибирском и Минском в столице Сибири значительно обновился автобусный парк за счет поставок МАЗа. Кроме того, МАЗ продолжает поставлять в этот регион магистральные грузовики. Имеются и другие перспективные направления взаимного сотрудничества с Новосибирской областью. Так, в последнее время руководством области принят ряд решений по активизации деятельности в сфере нанотехнологий и наноиндустрии, начиная с системы профессионального образования (в первую очередь в классическом и техническом университетах, где в рамках национального проекта «Образование» созданы современные научно-образовательно-производственные комплексы) и заканчивая формированием комплекса кластеров. И это не случайно, поскольку объекты технопарка сегодня активно создаются в новосибирском академгородке, где имеется основная научно-образовательная и инновационная база. Здесь активно работают над завершением создания «инновационного ядра», являющегося системным интегратором образовательной, научной и инновационной деятельности не только в Новосибирском регионе, но и за его пределами. Поэтому между НАН Беларуси и вузами Минска, с одной стороны, и соответствующими научными структурами Новосибирска, с другой стороны, может быть проведена значительная интеграционная работа по формированию общего пространства в инновационно-технологической сфере.

МЕЖДУ НАН БЕЛАРУСИ И ВУЗАМИ МИНСКА, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И СООТВЕТСТВУЮЩИМИ НАУЧНЫМИ СТРУКТУРАМИ НОВОСИБИРСКА, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, МОЖЕТ БЫТЬ ПРОВЕДЕНА ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИОННАЯ РАБОТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ОБЩЕГО ПРОСТРАНСТВА В ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В январе – ноябре 2010 г. товарооборот между Республикой Беларусь и Иркутской областью по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. увеличился в 1,1 раза, импорт

увеличился почти в 1,2 раза. Из Иркутской области нам поставляется продукция лесоперерабатывающей отрасли, металлургического комплекса, электронное и гидравлическое оборудование, специальная подъемная техника, запчасти для ремонта авиатехники, из Беларуси – техника, продовольственные товары, сухое молоко, медицинские препараты, товары народного потребления.

В период с 28 по 29 июля 2010 г. Белорусская торгово-промышленная палата организовала визит в Иркутскую область делегации представителей деловых кругов Беларуси. В ходе визита прошла встреча белорусской делегации с представителями Региональной общественной организации «Иркутское Товарищество белорусской культуры имени Яна Черского», на которой обсуждались вопросы социально-экономического развития Республики Беларусь и Иркутской области, в том числе и в сфере торгово-экономического сотрудничества, а также вопросы взаимодействия в сфере культуры. С белорусской стороны в визите в Иркутскую область приняло участие 12 человек, представлявшие интересы 12 предприятий и организаций страны: ОАО «МАЗ», ЗАО «Холдинговая компания “Пинскдрев”», ОАО «Белшина», ОАО «Минский завод колесных тягачей», ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат», ОАО «Белкард», ПО «Минский тракторный завод», ОАО «Амкодор», ЧУП «Светоприбор», ОО «БелТИЗ», ЧУП «Цветлит», ОАО «Белкоммунмаш». В рамках программы 28 июля 2010 г. были организованы бизнес-форум и контактно-кооперационная биржа между представителями иркутского и белорусского бизнеса. В переговорах приняли участие представители 24 иркутских компаний, при этом состоялось 28 встреч.

По объему товарооборота с Омской областью за январь – ноябрь 2010 г. Республика Беларусь заняла 28 место среди регионов России, а по объему белорусского экспорта – 34 место, при этом по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. наблюдался рост в 1,7 раза.

В период с 26 по 27 мая 2010 г. Белорусская торгово-промышленная палата по приглашению ТПП Омской области организовала визит в Омскую область делегации представителей деловых кругов Беларуси.

С белорусской стороны в визите в Омскую область приняло участие 10 человек, представлявшие интересы 9 предприятий и организаций страны: ОАО «Лидагропроммаш», ООО «ЭСГИТ», ОАО «Белкоммунмаш», ОАО «Минский завод колесных тягачей», ОАО «Глубокский молочноконсервный

комбинат», ОАО «Минский автомобильный завод», ПО «Минский тракторный завод», ОАО «Бобруйскагромаш». В рамках программы состоялась контактно-кооперационная биржа между представителями омского и белорусского бизнеса, в которой приняли участие представители 25 омских компаний, при этом прошло 30 встреч. Представители омских компаний проявили интерес к продукции белорусских предприятий. Так, сотрудники ОАО «Белкоммунмаш» договорились о поставке троллейбуса (марка 321) для опытной эксплуатации в Омске с целью дальнейшей поставки машинокомплектов троллейбусов, а в перспективе предложили создать совместное сборочное производство троллейбусов и трамваев, поскольку весь этот транспорт города практически изношен. Представителями ПО «МТЗ» и ОАО «Амкодор» проработан вопрос с коммунальными организациями Омска и Омской области по поставкам коммунальной, уборочной техники. Представители ОАО «Минский автомобильный завод» договорились с мэрией Омска и Министерством промышленной политики, транспорта и связи Омской области о закупках пассажирского транспорта для целей городского и пригородного сообщения. Руководством Омской области и Администрацией г. Омска была одобрена схема организации финансирования поставок крупной белорусской техники в область на льготных кредитных условиях (предусматривается с осени 2010–2011 гг. выделить более 5 млрд. рос. руб. на эти цели в рамках подписанного соглашения между Правительством Республики Беларусь и Сбербанком Российской Федерации от 09.10.2010 г.)

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ ДОСТАТОЧНО УСПЕШНО ФУНКЦИОНИРУЮТ ДВА СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯ С УЧАСТИЕМ БЕЛОРУССКИХ ПАРТНЕРОВ

В настоящее время в Омской области достаточно успешно функционируют два совместных предприятия с участием белорусских партнеров. На базе ОАО «Механический завод “Калачинский”» было создано совместное предприятие по сборке белорусских комбайнов «Лида-1300». В 2010 г. с омского конвейера планируется выпустить не менее 80 белорусских комбайнов. Основными покупателями продукции являются хозяйства Прииртышья. Однако спрос на сельскохозяйственные машины омской сборки растет и за пределами региона. Сегодня комбайн «Лида-1300» поставляется в Оренбургскую, Новосибирскую и Кемеровскую области, а также в Алтайский край. В дальнейших планах – освоение сборочного производства кормоуборочного комбайна «Полесье», о чем в настоящее время ведутся переговоры с РУП «Гомсельмаш».

10 февраля 2010 г. Омскую область с деловым визитом посетили представители этого предприятия. В ходе встречи между Правительством Омской области, белорусским предприятием и ОАО «База снабжения “Сибирская”» был подписан меморандум о создании совместного производства по сборке зерноуборочных комбайнов КЗС-7 «Полесье-Омск» на территории региона. Это будет единственное предприятие за Уралом по производству таких комбайнов. Предполагаемый ежегодный объем производства – 100 комбайнов. На втором этапе планируется увеличение производства до 300 комбайнов в год и выход на другие рынки сбыта, в том числе на рынок Казахстана. Кроме того, в 2011 г. в производственном процессе будут задействованы другие предприятия региона. Так, комплектующие детали планируется собирать на предприятиях «Омскагромаш» и «Омскгидропривод».

Таким образом, экономическая составляющая визитов белорусской делегации в регионы СФО следующая: руководители министерств и ведомств областного и городского уровня выразили пожелание о расширении поставок белорусской сельскохозяйственной, коммунальной и снегоуборочной техники, пассажирского транспорта (троллейбусов и трамваев); о создании совместных сборочных производств и более активном участии белорусских субъектов хозяйствования в региональных программах. По мнению руководителей областного и городского уровня, создание совместных сборочных предприятий даст возможность поставлять продукцию в соседние регионы, в том числе в Казахстан. Руководители областного и городского уровня СФО выразили также пожелания об увеличении экспорта информационно-консалтинговых и проектно-строительных услуг. Перспективными направлениями сотрудничества являются следующие: создание консигнационных складов оптовой торговли и торговых домов; организация и совместное проведение выставочно-ярмарочных мероприятий; создание совместных предприятий; развитие инновационно-инвестиционного сотрудничества.

Промышленная политика Правительства Республики Беларусь на перспективный период уже в основном определена. Предприятия модернизируются, осваивают новые виды продукции. Взят курс на создание инновационной, конкурентоспособной, интегрированной в мировое сообщество экономики. Однако для выполнения этих планов-прогнозов у Беларуси недостаточно сырья. В данном случае Сибирь – желанный деловой партнер. Республике необходимы рынки сбыта,

развитие экспортных поставок. И белорусские предприятия на рынке СФО сегодня ведут себя все активнее. Они заключают дилерские соглашения, открывают сервисные центры для обслуживания своей техники, торговые представительства и совместные предприятия по сборке машин.

Для дальнейшего развития торгово-экономического сотрудничества с Республикой Беларусь руководители областных структур СФО предложили перейти на следующий уровень – взаимную кооперацию. От Беларуси наши партнеры ожидают налаживания хороших кооперационных связей, участия в совместных проектах, обмене технологиями и научными разработками.

Конечно, Сибирь занимает пока не первое место в торгово-экономическом сотрудничестве российских округов с Республикой Беларусь. Есть ряд объективных причин, которыми можно объяснить такую ситуацию, и в первую очередь это значительное расстояние. Грузоперевозки по России осуществляются главным образом железнодорожным транспортом. Однако российская тарифная политика не всегда благоприятствует более эффективному развитию экономических взаимоотношений между Сибирью, Дальним Востоком и Беларусью, имеется в виду проблема тарифных ограничений, и особенно на железнодорожном транспорте. В этих условиях необходимо контролировать тарифы для перевозки грузов железнодорожным транспортом не только по России, но и в рамках Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России. Над этой проблемой работают как в Союзном государстве, так и в Таможенном союзе. Создание и эффективное функционирование единого экономического пространства – приоритетное направление развития Таможенного союза. Важной задачей в этой сфере является реализация транзитного потенциала государств-членов Таможенного союза, эффективное использование их транзитных маршрутов и транспортно-логистических центров, всей инфраструктуры для эффективного перемещения грузов между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европой.

ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ РУКОВОДИТЕЛИ ОБЛАСТНЫХ СТРУКТУР СФО ПРЕДЛОЖИЛИ ПЕРЕЙТИ НА СЛЕДУЮЩИЙ УРОВЕНЬ – ВЗАИМНУЮ КООПЕРАЦИЮ

Список использованных источников

1. Данильцев, А. В. Основы торговой политики и правила ВТО / А. В. Данильцев. – М., 2008. – 448 с.
2. Енин, Ю. И. Международная торговля / Ю. И. Енин, Н. С. Шелег [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2009. – 322 с.
3. Енин, Ю. И. Формирование межрегиональной зоны свободной торговли ЕС–МЕРКОСУР / Ю. И. Енин, Ю. С. Змачинская. – Минск: Право и экономика, 2009. – 117 с.
4. Медведев, В. Ф. О научных основах стратегии и тактики Республики Беларусь в области международных экономических отношений / В. Ф. Медведев // Социально-экономические и правовые исследования. – 2007. – № 1(7). – С. 102–121.
5. Шелег, Н. С. Экономическая интеграция в условиях глобализации / Н. С. Шелег, Ю. И. Енин. – М.: СИА, 2006. – 295 с.

Дата паступлення ў рэдакцыю 23.10.2010.

УДК 339.52

А. О. Тихомиров

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ, МЕТОДЫ ОЦЕНКИ И АНАЛИЗА

Ціхаміраў Аляксандр Алегавіч *– аспірант Інстытута эканомікі НАН Беларусі. Сфера навуковых інтарэсаў – эфектыўнасць выкарыстання экспартнага патэнцыялу дрэваапрацоўчай прамысловасці Рэспублікі Беларусь. Мае публікацыі па дадзенай тэматыцы.*

Существует несколько определений понятия «экспортный потенциал». Некоторые исследователи рекомендуют на макроуровне рассматривать его как совокупность всех ресурсов и условий осуществления внешней экономической деятельности государства, как способность промышленности, всего общественного производства страны производить необходимое количество конкурентоспособных товаров для внешнего рынка[1].

В. А. Супрун указывает на то, что понятие «экспортный потенциал» значительно шире, чем «экспортное производство», поскольку включает (помимо последнего) еще не реализованные, но объективно существующие возможности[2]. Следовательно, экспортный потенциал, как наибольшая величина, определяется выявленными потенциальными резервами производства по сравнению с действительным экспортным производством, которое зависит от существующих в данный период времени ресурсов производства.

На наш взгляд, это определение учитывает в основном недоиспользованные производственные возможности, абстрагируясь, например, от воздействия социально-политических факторов, являющихся зачастую сдерживающим элементом, а также от наличия действенной внешнеторговой инфраструктуры, которая оказывает непосредственное влияние как на адаптацию производственных возможностей, так и на эффективное продвижение продукции на зарубежные рынки.

Формирование экспортного потенциала предполагает в первую очередь его создание на основе анализа мирового

[1] *Большой экономический словарь. С. 404.*

[2] *Супрун В. А. Экспортное производство СССР… С. 13–14.*

спроса на определенный вид продукции с учетом способности и возможности его удовлетворения[3]. Развитие экспортного потенциала – изменение (сокращение или прирост) его объемов как в стоимостном, так и в натуральном выражении.

[3] *Уриш И. В. Теоретико-методологические аспекты развития экспортного потенциала Республики Беларусь… С. 15.*

Процесс формирования и реализации экспортного потенциала промышленного предприятия представляет собой систему стратегического планирования на основе оптимальных пропорций распределения между внутри- и внешнеэкономической деятельностью имеющихся ресурсов с целью завоевания заданных сегментов глобального рынка.

НА СТАДИИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕШАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ОКАЗЫВАЮТ ВНУТРИПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ. ИМЕННО ОНИ ФОРМИРУЮТ ЗАДАННЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТОВАРА, РАБОТ, УСЛУГ

Систему факторов, оказывающих воздействие на этот процесс, необходимо подразделять по следующим классификационным признакам: прямые и косвенные; внутренние и внешние; развивающие и сдерживающие; количественные и качественные; объективные и субъективные.

Факторы формирования и реализации экспортного потенциала взаимосвязаны и взаимозависимы, но в условиях работы предприятий они действуют по-разному. Опыт показывает, что на стадии формирования решающее значение оказывают внутрипроизводственные факторы. Именно они формируют заданные параметры конкурентоспособности товара, работ, услуг. Эти факторы, классифицируемые как управляемые, действуют на микроуровне. К ним можно отнести следующие:

1) систему стратегического планирования предприятия;
2) систему маркетингового планирования;
3) организацию производства и труда;
4) уровень качества продукции, работ, услуг;
5) уровень издержек и цену, инновационную составляющую;
6) долю импорта в цене экспортного ассортимента;
7) финансовое состояние предприятия;
8) смену собственника.

На эффективность реализации экспортного потенциала деревообрабатывающих предприятий также оказывают влияние факторы мезоуровня – отраслевые рынки, поставляющие экспортно ориентированным предприятиям производственные ресурсы и осуществляющие конкурентоспособное импортозамещение.

Действие факторов макроуровня проявляется на стадии реализации экспортного потенциала. Управление ими либо невозможно, либо затруднено из-за преимущественно объективного характера их влияния. Поэтому при анализе, учете и контроле

таких факторов необходимо достигать максимальной адаптивности управляемой экономической системы к условиям воздействия. К неуправляемым факторам макроуровня относятся: регламентация внешнеторговых операций; система международных стандартов, контрафакт; система международных расчетов, валютный курс рубля. Частично управляемые факторы макросреды – транспортная логистика, система посредников, импорт ресурсов, международные деловые коммуникации, франчайзинг, система внешнеторговых рисков.

В предложенном подходе к классификации факторов, определяющих формирование и развитие экспортного потенциала, наиболее значимыми являются следующие.

1. Современные тенденции развития мировой торговли, которые обусловливают необходимость развития экспортного производства именно той номенклатуры продукции, которая в данный период времени (а также с учетом прогноза) пользуется на рынке наибольшим спросом, что позволит национальной экономической системе занять превалирующее место в мировой торговле. Обращает на себя внимание и то, что в последние десятилетия появился специфический продукт экономической деятельности – бренд, который изменил представления о производстве и потреблении. Именно его появление обозначило новую фазу в мировой экономике – системную конкуренцию потребителя и производителя. Поддержание и развитие брендов, содействие в привлечении инвестиций для модернизации мощностей и повышение качества продукции являются важной предпосылкой повышения конкурентоспособности и наращивания экспорта.
2. Рейтинг страны в мировом сообществе, с нашей точки зрения, оказывает влияние на отношение к национальной продукции, что может проявляться в применении режима дискриминации (не дискриминации) со стороны иностранных контрагентов как определяющего фактора долгосрочных перспектив динамики и структуры торговых потоков на зарубежные рынки.
3. Государственная стратегия в отношении социально-политической жизни страны. Если государство проводит активную внешнеторговую политику в области интеграции в мировое сообщество, избегая при этом, например, политической изоляции, то можно утверждать, что развитие экспортного потенциала будет подвержено эффективным, динамичным процессам.

4. Ассортиментная структура и степень ее соответствия спросу и требованиям мирового рынка находятся в прямой зависимости от тенденций мировой торговли и определяют соответствие экспортируемой продукции по номенклатуре и качественным показателям спросу, сложившемуся на мировом рынке, с учетом продукции потенциальных конкурентов.
5. Внешнеторговая инфраструктура предполагает обеспечение необходимых условий для продвижения национальной продукции на мировой рынок посредством создания и эффективного использования товаропроводящей сети и информационного обеспечения экспортеров.

Следует отметить, что экспортный потенциал является многоуровневым объектом исследования, который можно рассматривать как потенциал страны (макроуровень), потенциал комплекса, отрасли (мезоуровень), потенциал субъекта хозяйствования (микроуровень).

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯВЛЯЕТСЯ МНОГОУРОВНЕВЫМ ОБЪЕКТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ, КОТОРЫЙ МОЖНО РАССМАТРИВАТЬ КАК ПОТЕНЦИАЛ СТРАНЫ (МАКРОУРОВЕНЬ), ПОТЕНЦИАЛ КОМПЛЕКСА, ОТРАСЛИ (МЕЗОУРОВЕНЬ), ПОТЕНЦИАЛ СУБЪЕКТА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ (МИКРОУРОВЕНЬ)

На наш взгляд, возможно оценить экспортный потенциал деревообрабатывающей промышленности на мезоуровне. Он определяется суммарно из слагаемых всех предприятий, работающих на местном сырье.

Ряд зарубежных авторов (М. Шнейдер, Ф. Гиммер) предлагают методику анализа, базирующуюся на управлении качеством продукции и оценке конкурентоспособности, дополняя ее также характеристикой динамики экспорта предприятия, анализом эффективности экспортных операций и финансового положения. Анализ осуществляется с помощью различных приемов: логических (сравнение, обобщение); статистических (сводка, группировка цифрового материала, средние величины, индексы, ряды динамики); математических (математический анализ, математическая статистика, теория вероятностей).

Но использование только зарубежной методики в условиях переходной экономики пока не представляется возможным. Поэтому целесообразно предложить такую методику, которая бы учитывала отечественный и зарубежный опыт, а также тенденции современного развития белорусских деревообрабатывающих предприятий-экспортеров.

Рассмотрим методы оценки экспортного потенциала нашей страны. Его общая агрегированная величина может быть рассчитана по разнице агрегированных показателей ВВП.

Такой расчет представляет собой разницу потенциального и реального ВВП, умноженную на показатель статистически измеренной доли экспорта в ВВП в конкретный период времени. Формализованно данная процедура осуществляется следующим образом:

$$Export\ (potential) = N^* (Y_p - Y_r) \quad (1),$$

где *Export (potential)* – потенциальный экспорт; *N* – коэффициент, рассчитанный как доля экспорта в ВВП; Y_p – объем потенциального ВВП; Y_r – объем реального ВВП.

По мнению Е. В. Волкодавовой[4], количественную оценку экспортного потенциала промышленного предприятия необходимо проводить с помощью формулы:

$$ЭП = V_{э.прод.} + V_{э.рп.} + V_{э.усл.} + ... + V_{э.на.} \quad (2),$$

где *ЭП* – экспортный потенциал промышленного предприятия, тыс. руб.; $V_{э.прод.}$, $V_{э.рп.}$, $V_{э.усл.}$, $V_{э.на}$ – объем экспорта, соответственно, продукции, работ промышленного характера, услуг, нематериальных активов, тыс. руб.

Совокупная эффективность формирования и реализации экспортного потенциала предприятия в целом или по каждому рынку его экспорта рассчитывается с помощью формулы:

$$ЭФ_{сэп} = \frac{\sum_{i=1}^{n} B_i}{\sum_{i=1}^{n} З_i} \quad (3),$$

где B_i – чистая валютная выручка от экспорта продукции, работ промышленного характера, услуг, нематериальных активов и др., тыс. руб.; $З_i$ – полные затраты на экспорт продукции, работ промышленного характера, услуг, нематериальных активов и др., тыс. руб.; i – количество направлений экспорта в структуре экспортного потенциала; i = 1, 2, … n[5].

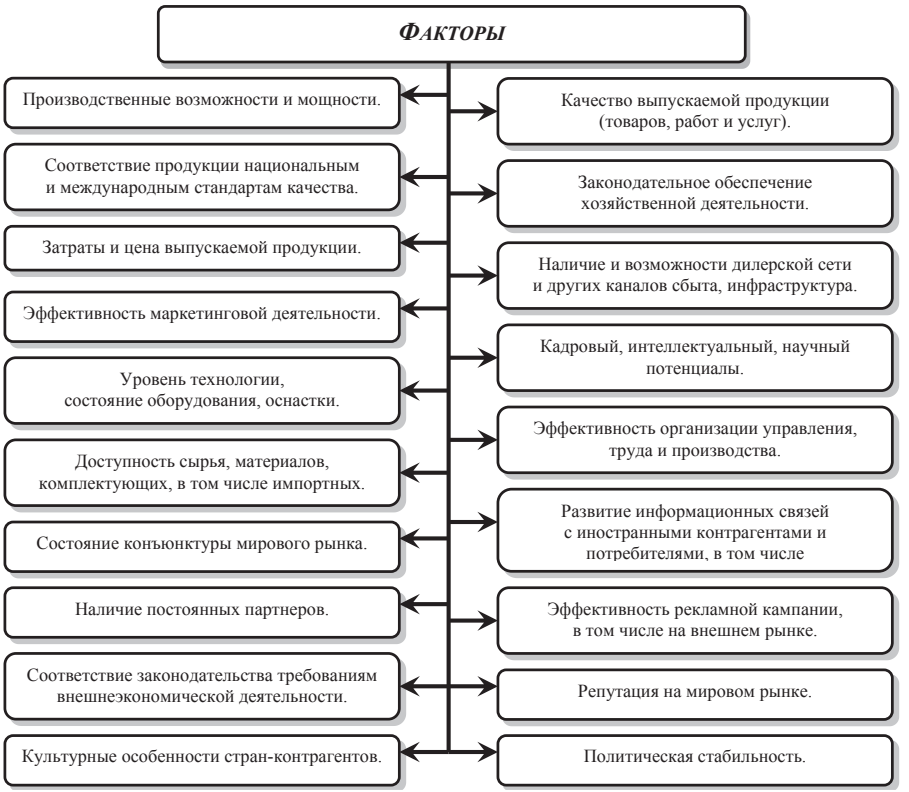
На наш взгляд, анализ экспортного потенциала должен включать исследование как внутренних факторов, так и внешней среды, поскольку эти понятия неразрывно связаны и взаимообусловлены.

Анализ потенциала внешнеэкономической деятельности, таким образом, это ряд факторов, формирующих внешнеэкономический потенциал любого экспортно ориентированного хозяйствующего субъекта. Не располагая их по степени значимости, выделим следующие (рисунок 1).

[4] *Волкодавова Е. В. Экспортный потенциал промышленных предприятий… С. 31.*

[5] *Воронкова О. Н. Внешнеэкономическая деятельность… С. 32.*

Рисунок 1.
Факторы, определяющие формирование внешнеэкономического потенциала экспортно ориентированного хозяйствующего субъекта



Для оценки экспортного потенциала деревообрабатывающего предприятия необходимо использовать, по нашему мнению, такие количественные индикаторы (показатели), как:

1) реальный и объективно возможный объем производства, его динамика в предыдущие годы и тенденция изменения;
2) реальный и объективно возможный объем экспорта, его доля в объеме производства и тенденции изменения;
3) перечень контрагентов на мировом рынке, в том числе потенциальных[6];
4) емкость рынка (внутреннего и внешнего) по каждому виду выпускаемой продукции, в том числе потенциальная;
5) доля рынка, занимаемая предприятием на внутреннем и внешнем рынке по каждому виду продукции, а также потенциально возможная доля рынка;
6) доля расходов, связанных со сбытом, маркетингом (в том числе рекламой) экспортной продукции в стоимостном объеме экспорта, и возможность ее снижения, а также ряд других составляющих.

[6] *Волков А. И. Управление внешнеэкономическим комплексом региона… С. 13.*

Качественную оценку экспортного потенциала деревообрабатывающей промышленности страны можно рассчитать несколькими способами.

1. Выявить сравнительные преимущества национальной экономики. Наиболее растущий экспортный сегмент (предприятие) экстраполируется в динамические ряды, и выводится потенциальный прирост экспорта[7].
2. Агрегировать прирост выпуска отраслей. Он корректируется с удельным весом экспортной продукции каждого кластера экономики. Расчеты такого рода выполняются по маркетинговым заданиям предприятий, отраслей, крупных фирм и компаний.
3. Применить метод Дельфи (опрос экспертов), при котором выявляются основные тренды в товарных группах экспорта. Одновременно составляются тенденции и тренды объемов внешнего спроса на национальные товары. В итоге можно получить релевантный показатель динамики экспортного потенциала и конкретные рекомендации по стимулированию развития деревообрабатывающей отрасли.
4. Оценить незагруженные мощности деревообрабатывающей отрасли, а также путем определения инвестиционных и иных мер, которые приведут к росту конкурентной продукции. Агрегирование таких показателей может дать в итоге валоризированный экспортный потенциал[8].

Качественную характеристику экспортного потенциала деревообрабатывающего предприятия дает система следующих показателей.

1. Уровень сертификации продукции, услуг, бизнес-процессов предприятия[9].
2. Уровень конкурентоспособности экспортной продукции предприятия[10].
3. Степень «брендированности» продукции, услуг. Необходимо определить, какую долю брендированная продукция занимает в товарной структуре экспорта предприятия с точки зрения объемов продаж в физическом и денежном выражении. Данный анализ позволит оценить имеющийся потенциал экспорта такой продукции или услуг с точки зрения соответствия требованиям зарубежных рынков (по показателю «объем продаж») и определить направления борьбы с контрафактом.
4. Ежегодный темп прироста стоимости предприятия.
5. Доля инновационных нематериальных активов в структуре активов предприятия.

[7] *Заико Л. Ф. Экспортный потенциал Беларуси… С. 17.*

[8] *Там же. С. 18.*

[9] *Волкодавова Е. В. Экспортный потенциал промышленных предприятий… С. 14.*

[10] *Волков А. И. Управление внешнеэкономическим комплексом региона… С. 13.*

6. Уровень импортозамещения при применении импортных комплектующих[11]. Белорусские производители должны взять курс на последовательное импортозамещение производственных ресурсов для обеспечения деятельности экспортно ориентированных промышленных предприятий. С нашей точки зрения, под импортозамещением при производстве экспортной продукции следует понимать организацию производства отечественной продукции, соответствующей по техническим, технологическим, инновационным, экологическим, экономическим параметрам импортному аналогу и способной вследствие этого заменять его, сохраняя заданное качество экспортного товара. В настоящее время развитие импортозамещения становится особенно актуальным, поскольку именно оно позволяет избежать напряженности и рисков, возникающих вследствие необходимости использования при изготовлении экспортной продукции импортных комплектующих, и загрузить производственные мощности отечественных предприятий.

7. Эффективность связей с контрагентами[12].

Для управления таким сложным процессом, как повышение эффективности и реализации экспортного потенциала деревообрабатывающего предприятия в современных условиях хозяйствования, необходимо исследовать этапы внутриэкономической и внешнеэкономической деятельности, на которых формируется тот или иной компонент затрат и результата экспортной сделки; факторы и субъекты ВЭД, оказывающие существенное влияние на эффективность экспортных операций; методологию и методику оценки каждого уровня и элемента этого сложного многопланового явления.

Таким образом, для объективной оценки экспортного потенциала деревообрабатывающего предприятия необходимо использование как количественных, так и качественных методов. Соотнесение полученных показателей с аналогичными показателями конкурентов позволяет получить сравнительный профиль (так называемый относительный внешнеэкономический потенциал). Только комплексная методика оценки отражает подлинную картину экономики организации и способствует разработке мероприятий по повышению эффективности ее экспортного потенциала.

[11] *Волкодавова Е. В. Экспортный потенциал промышленных предприятий… С. 14.*

[12] *Волков А. И. Управление внешнеэкономическим комплексом региона… С. 13.*

Список использованных источников

1. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азриляна. – М.: Правовая культура, 1994. – 528 с.
2. Волков, А. И. Управление внешнеэкономическим комплексом региона: автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.05 / А. И. Волков; ГОУ ВПО Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 2004. – 25 с.
3. Волкодавова, Е. В. Экспортный потенциал промышленных предприятий: теория, методология, практика: монография / Е. В. Волкодавова. – Самара, 2007.
4. Воронкова, О. Н. Внешнеэкономическая деятельность: организация и управление: учеб. пособие / О. Н. Воронкова, Е. П. Пузакова. – М.: Экономистъ, 2006. – 495 с.
5. Заико, Л. Ф. Экспортный потенциал Беларуси – возможные перспективы для общества / Л. Ф. Заико. – Минск: И. П. Логвинов, 2005. – 106 с.
6. Супрун, В. А. Экспортное производство СССР в системе социалистической экономической интеграции / В. А. Супрун. – Киев: Наук. думка, 1990. – 184 с.
7. Уриш, И. В. Теоретико-методологические аспекты развития экспортного потенциала Республики Беларусь (на примере льняного комплекса Республики Беларусь) / И. В. Уриш; под. науч. ред. Г. А. Короленка. – Минск: Современные знания, 2007. – 196 с.

Дата паступлення ў рэдакцыю 30.03.2011.

УДК 316.334.55

Т. В. Кузьменко

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Кузьменка Таццяна Віктараўна *– кандыдат сацыялагічных навук, старшы навуковы супрцоўнік сектара сацыялогіі сяла ДНУ «Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі». Сфера навуковых інтарэсаў – сацыялогія сяла, метадалогія і метады сацыялагічных даследаванняў, нефармальная эканоміка сельскіх дамашніх гаспадарак. Мае шэраг публікацый па дадзенай тэматыцы.*

Одной из приоритетных исследовательских задач на этапе завершения реализации Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 гг. является изучение того, как меры, направленные на реформирование села, отразились на социальном самочувствии его жителей. Очевидно, что без изучения социального самочувствия трудно понять общий характер происходящих процессов, объяснить формы и причины поведения населения. Ведь любые социальные преобразования так или иначе преломляются в личной судьбе каждого, определяя социальное жизнеощущение, социальное самочувствие людей. Именно через характеристики социального самочувствия принято рассматривать адаптацию населения к социальным изменениям: чем успешнее прошел процесс включения человека в новые условия, тем лучше будет его социальное самочувствие. В этом плане социальное самочувствие представляет собой интегральный показатель адаптированности населения к реформам, своего рода результат, индикатор успешности процесса адаптации. Являясь следствием социальных преобразований, социальное самочувствие выступает одновременно и фактором, оказывающим важное, а порой решающее воздействие на процессы социальной трансформации. Поэтому социальное самочувствие населения может выступать в качестве одного из показателей, отражающих и определяющих ход и содержание происходящих в обществе изменений. О важности учета данного показателя свидетельствует и тот факт, что в большинстве развитых стран социальное самочувствие населения выступает целевой функцией реформирования[1].

[1] *Человек и рынок… С. 24.*

В связи с этим заслуживает внимания практика включения показателей социального самочувствия в систему научных критериев оценки темпов и хода реформ.

Теоретическая и методологическая база для определения понятия «социальное самочувствие» накоплена в различных отраслях науки. Идеи социального самочувствия берут начало в психологии, где данная категория рассматривается через призму человеческого сознания и подсознания. Философы и политологи делают акцент на изучении социального самочувствия как феномена общественного сознания, как составной части образа жизни, как нравственного состояния общества. Специфика социологического подхода к изучению социального самочувствия состоит в учете как внешних воздействий социальной среды, так и оценок внутреннего состояния переживающих эти воздействия субъектов исходя из их собственных критериев, основанных на субъективных ощущениях и личностных интерпретациях происходящих событий. В работах отечественных и зарубежных социологов в разное время проблемы социального самочувствия исследовались через понятия образа и качества жизни, удовлетворенности жизнью (И. В. Бестужев-Лада, Н. С. Мансуров, Л. И. Щербакова), настроения (Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко), идентификации (С. Московичи, Н. Луман), жизненных стратегий и адаптации (Л. А. Гордон, Л. В. Корель). Однако, несмотря на большое количество работ, представляющих различные теоретико-методологические направления исследования социального самочувствия, проблемы общепринятого определения самого понятия, а также поиска его эмпирических индикаторов остаются открытыми.

ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ БЕРУТ НАЧАЛО В ПСИХОЛОГИИ, ГДЕ ДАННАЯ КАТЕГОРИЯ РАССМАТРИВАЕТСЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ПОДСОЗНАНИЯ

В наиболее общем представлении социальное самочувствие понимается как интегральная субъективная характеристика восприятия субъектом (индивидом, социальной или демографической группой) собственного положения в обществе. В таком значении данная категория включает все аспекты взаимосвязи человека с окружающей средой. Проявляется социальное самочувствие как целостная, относительно устойчивая эмоционально-оценочная реакция субъекта на социальные изменения и свое положение в изменяющейся социальной среде. Эта реакция основана на саморефлексии взаимодействия с социальной средой и выражается в определенном отношении (оценке) к различным сторонам своей жизнедеятельности, к реализации жизненных целей и перспектив развития в данной социальной

среде. Социальное самочувствие во многом детерминировано степенью соответствия внутренней картины мира человека, его системы ценностей существующим в обществе требованиям и предоставляемым возможностям.

В более узком понимании под социальным самочувствием подразумевается статусная идентификация личности, а также оценка человеком (социальной или демографической группой) стабильности собственного существования и удовлетворенности социально-экономической ситуацией[2]. Социальное самочувствие выступает интегральной характеристикой удовлетворенности или неудовлетворенности человека своим социальным положением.

[2] *Россия: трансформирующееся общество… С. 247.*

Рассмотрение социального самочувствия не ограничивается его пониманием только лишь как эмоционально-психологической реакции личности (социальной группы) на условия жизнедеятельности. Наряду с эмоциональной и когнитивной составляющими социологическая модель данной категории включает и поведенческий компонент, отражающий степень активности субъекта, его самореализацию, самоутверждение. Конкретное выражение он находит на уровне социальной активности людей, которая проявляется в поведенческих и адаптационных стратегиях.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ВЫСТУПАЕТ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ИЛИ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА СВОИМ СОЦИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ

Сложная структура, двойственный характер и динамичность обусловливают необходимость исследования социального самочувствия на принципах комплексности, взаимозависимости различных факторов, социальной детерминированности и актуализируют проблему поиска адекватных эмпирических индикаторов для его измерения. Трудность заключается в том, что социальное самочувствие, являясь целостным социальным явлением, обладает сложной структурой, что вынуждает исследователей изучать его по отдельным составляющим, описывая каждую из них определенной системой показателей, не входящих в какой-то один общий показатель. Кроме того, социальное самочувствие обусловлено, с одной стороны, объективной реальностью, а с другой – самим субъектом и его оценкой своего внутреннего состояния на базе собственных критериев. Такая двойственная природа влечет методические трудности, связанные со сложностью разграничения сугубо личных факторов социального самочувствия и социальных, а также с риском их смешения.

Необходимым методологическим требованием является взаимное сочетание объективных и субъективных факторов

социального самочувствия. В качестве объективных характеристик данной категории выделяют следующие: уровень самоубийств, преступности, заболеваемости, забастовочного движения, продолжительности жизни, показатели психического здоровья населения[3]. К субъективным показателям относятся удовлетворенность населения своей жизнью в целом, оценка своего сегодняшнего положения, представление о своем будущем, ценностные ориентации, социальные ожидания. В основе измерения социального самочувствия лежат индикаторы субъективной удовлетворенности, интегрированности субъекта в среду, самоидентичности. В качестве таких индикаторов выступают субъективные суждения респондентов относительно своего положения в различных структурах общества (экономической, правовой и социальной (богатство, власть и уважение)), своего будущего и будущего своей семьи, оценки характера взаимодействия с социальным окружением и своего здоровья. Поиск эмпирических индикаторов, фиксирующих социальное самочувствие, осуществляется через установление основных сфер социальной жизнедеятельности, оценка социального благополучия в каждой из которых (достаточность или нехватка соответствующих социальных благ) определяет общий уровень социального самочувствия индивида в целом. На этом принципе, в частности, основаны методики, предложенные Е. И. Головахой и Н. В. Паниной (интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС))[4], Е. В. Давыдовой[5], а также методика измерения социального самочувствия с помощью регионального индекса потребительских настроений (РИПН)[6] и др. Основными детерминантами социального самочувствия выступают социальная и экономическая практика, уровень доходов граждан, степень востребованности их жизненного потенциала.

В основу поиска «измерителей» социального самочувствия сельского населения в период реализации Программы возрождения и развития села положены показатели, отражающие оценку респондентом своей жизни, его внутреннее состояние (здоровье, настроение, испытываемые чувства страха, тревоги), а также прогноз относительно изменения своей жизни в будущем.

Одним из наиболее «красноречивых» индикаторов социального самочувствия является субъективная оценка произошедших в жизни изменений, а также социального жизнеощущения населения. Согласно результатам республиканского опроса сельского населения, проведенного Институтом

[3] *Корель Л. В. Социология адаптаций… С. 330.*

[4] *Головаха Е. И. Измерение социального самочувствия…*

[5] *Давыдова Е. В. Измерение социального самочувствия молодежи.*

[6] *Дулина Н. В. Социальное самочувствие населения…*

социологии НАН Беларуси в 2009 г. (опрошено 727 жителей агрогородков и сел в трудоспособном возрасте по квотной целевой выборке), большинство сельчан (61,1 %) отмечает, что за последние годы в их собственной жизни и в жизни их семьи произошли изменения. Более половины жителей села (52,4 %) положительно и скорее положительно оценивают произошедшие изменения, отрицательную или скорее отрицательную оценку дал каждый десятый респондент. Следует отметить, что люди с более высоким уровнем образования и профессиональным статусом в большей степени склонны позитивно оценивать изменения в собственной жизни и жизни своей семьи: с ростом уровня образования и профессионального статуса наблюдается некоторое увеличение числа положительных и снижение отрицательных оценок.

Чтобы лучше понять, чем обусловлено субъективное восприятие жизненной ситуации, респондентам было предложено описать прошедший год в терминах, позволяющих отделить сугубо «личностные» события и детерминанты социального самочувствия (рождение ребенка, вступление в брак и др.) от «социальных» (потеря работы, утрата идеалов в обществе, материальная нужда и т. п.). Ведущими факторами, определившими для респондентов образ минувшего года, были следующие: упорный труд (21,4 % респондентов дали такой ответ), материальные затруднения (20,7 %), болезни, заботы о здоровье (13,7 %) и семейное счастье (11,7 %). А почти для половины опрошенного сельского населения (45,8 %) это был обычный год. Таким образом, субъективное восприятие сельчанами своей жизненной ситуации определяется как личностными факторами, так и факторами социального плана. В основном детерминанты жизненного самоощущения имеют нейтральную окраску.

ЛЮДИ С БОЛЕЕ ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СТАТУСОМ В БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ СКЛОННЫ ПОЗИТИВНО ОЦЕНИВАТЬ ИЗМЕНЕНИЯ В СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ЖИЗНИ СВОЕЙ СЕМЬИ

Интерес к работе, к другим сферам жизнедеятельности, возможности реализации жизненных программ, социальные настроения и социальное самочувствие во многом зависят от состояния физического и психологического здоровья. Здоровые люди активнее настроены на решение возникающих проблем, на преодоление трудностей. Люди, страдающие теми или иными заболеваниями, более пассивны, у них ниже самооценка, сильнее ощущение своей неконкурентоспособности, меньше решительности и оптимизма, умения сохранять и восстанавливать свои физические и психические силы. Результаты опроса жителей села показывают, что

только четверть из них (25,3 %) могут охарактеризовать свое здоровье как хорошее, немного более половины (55,7 %) – как удовлетворительное, а каждый десятый (12,8 %) считает, что у него плохое или скорее плохое здоровье. При оценке динамики собственного здоровья за последние пять лет ответы респондентов оказались еще более пессимистичными. Более трети респондентов (37,6 %) указали на ухудшение состояния своего здоровья, для половины (47,5 %) этот показатель остался неизменным, и лишь 2,9 % жителей села удалось улучшить свое здоровье. Основными детерминантами самооценки здоровья служат возраст и пол. В старшей возрастной группе (от 46 лет) доля оценивающих свое здоровье как хорошее оказалась в четыре раза меньше, чем среди респондентов до 30 лет, а число считающих свое здоровье плохим среди женщин в два раза превышает количество аналогичных оценок у мужчин.

В основе ухудшения состояния здоровья сельчан лежат в основном субъективные факторы. И это притом, что здоровье определяется жителями села как наиболее важная жизненная ценность: 80,9 % выбрали здоровье при ответе на вопрос о том, что для них является самым важным в жизни. Наиболее значимыми причинами ухудшения своего здоровья сельчане считают недостаток времени для отдыха (45,6 %), тяжелый труд (28,9 %), а также отсутствие привычки следить за своим здоровьем (24,9 %). Для каждого десятого причиной плохого здоровья стало курение (12,5 %) и несбалансированное питание (11,3 %), для 4,2 % – употребление спиртных напитков. Злоупотребление спиртными напитками на селе поистине приобретает угрожающие масштабы. По мнению пятой части опрошенных, это явление распространено среди половины их односельчан, а каждый десятый считает, что таких в их селе большинство. Среди основных причин пристрастия жителей села к крепким напиткам – отсутствие других развлечений, мест и способов проведения досуга (так считают 38,0 % опрошенных), отсутствие заинтересованности в сельскохозяйственном труде (29,7 %), излишняя доступность дешевых спиртных напитков (26,8 %), а также распространенность питейных традиций на селе (22,7 %). Эти явления в совокупности с отсутствием здорового образа жизни и несформированностью привычки следить за своим здоровьем пагубно сказываются на качестве человеческого капитала, существенно ухудшают социальное самочувствие.

ДЛЯ КАЖДОГО ДЕСЯТОГО ПРИЧИНОЙ ПЛОХОГО ЗДОРОВЬЯ СТАЛО КУРЕНИЕ (12,5 %) И НЕСБАЛАНСИРОВАННОЕ ПИТАНИЕ (11,3 %), ДЛЯ 4,2 % – УПОТРЕБЛЕНИЕ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ

Помимо физического здоровья важным фактором социального самочувствия является состояние психоэмоциональной сферы: испытываемые страхи, тревоги, настроения. В ходе опроса респондентам предлагалось ответить, по поводу каких обстоятельств они испытывают постоянное напряжение или некоторое опасение, а по поводу каких не испытывают чувства страха и тревоги. С целью выявления причин и источников психологического дискомфорта нами был построен индекс тревожности, рассчитываемый как отношение разности суммарного значения ответов «постоянное напряжение» и «некоторое опасение» и значения по признаку «не испытываю напряжения» к их сумме. Значения индекса варьируются в пределах от –1 до 1; результаты, близкие к 1, свидетельствуют о высокой значимости проблемы, при приближении полученных значений индекса к –1 важность показателя снижается. Индекс тревожности позволил выявить те проблемы, которые более всего беспокоят и пугают жителей села.

Наибольшую тревожность у тружеников села вызывает возможность снижения доходов: более половины опрошенных (56,4%) высказывают некоторое опасение, а 20,8% испытывают постоянное напряжение в связи с этим (значение индекса тревожности по данному показателю оказалось равным 0,81). Состояние психологического дискомфорта вызывает возможность болезни и смерти близких (значение индекса 0,54), а также последствий для Беларуси глобального экономического и финансового кризиса (0,45). Возможность неполучения или задержки зарплаты также беспокоит значительную часть сельского населения: 46,9% заявили, что испытывают по этому поводу некоторое опасение, а 16,9% – постоянное напряжение (значение индекса 0,34). Значимость материального фактора в ряду источников тревожности сельчан еще раз подтверждает гипотезу об определяющей роли материальной компоненты (уровня дохода, благосостояния) в состоянии социального самочувствия.

НАИБОЛЬШУЮ ТРЕВОЖНОСТЬ У ТРУЖЕНИКОВ СЕЛА ВЫЗЫВАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ СНИЖЕНИЯ ДОХОДОВ: БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ ОПРОШЕННЫХ (56,4%) ВЫСКАЗЫВАЮТ НЕКОТОРОЕ ОПАСЕНИЕ, А 20,8% ИСПЫТЫВАЮТ ПОСТОЯННОЕ НАПРЯЖЕНИЕ В СВЯЗИ С ЭТИМ

Среди других источников беспокойства сельчан – отток молодежи, запустение села (значение индекса 0,22), угроза преступности (0,16), возможность потери работы (0,04), необходимость материальных затрат на образование детей (0,04), разрушение дружеских связей и отношений взаимной поддержки между односельчанами (-0,12), возможность задержки или снижение уровня пенсии (-0,22) и изменения в пенсионной

системе (-0,13). Менее пугающими для респондентов оказались обстоятельства, наступление которых человек способен в той или иной степени контролировать (переезд на другое место жительства, распад семьи, необходимость переобучения и смены профессии, освоения новой техники и технологий на рабочем месте), а также перспективы, не связанные непосредственно с личной судьбой (передача сельхозпредприятий и земельных угодий в частную собственность).

Полученное распределение факторов тревожности является своего рода отражением системы ценностей. Ведь человек боится потерять именно то, что больше всего ценит. Анализ ответов на вопрос: «Что для Вас является самым важным в жизни?» – позволил выделить три основные ценностные группы. Ядро ценностной структуры, составили традиционные ценности: здоровье (80,9 % респондентов дали такой ответ), достаток в доме (72,5 %) и дети (71,8 %). Вторую группу составили так называемые ценности экзистенциального плана: дружба (29,8 %), душевный покой, комфорт (27,3 %), любовь (23,5 %), вера в Бога (22,0 %). Третья по значимости группа включает интересную работу (18,5 %), благосостояние страны (18,4 %), добрососедские отношения с односельчанами (13,1 %), самоуважение (12,3 %). Что касается стремления к обогащению, власти, удовольствиям – ценностей, чуждых традиционному крестьянскому сознанию, то число выбравших эти варианты не превышает 6 %. В основном это молодые люди с невысоким уровнем образования, у которых, как правило, нет желания трудиться в сельской местности. Менталитету жителей современного села, как и многих поколений их предков, свойственно стремление не к «несметным» богатствам, а к достатку, предполагающему не столько достаточный для нормальной жизни уровень накопления материальных благ, сколько объединяющему такие понятия, как большая дружная семья, хорошее питание, успешное хозяйство.

МЕНТАЛИТЕТУ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО СЕЛА, КАК И МНОГИХ ПОКОЛЕНИЙ ИХ ПРЕДКОВ, СВОЙСТВЕННО СТРЕМЛЕНИЕ НЕ К «НЕСМЕТНЫМ» БОГАТСТВАМ, А К ДОСТАТКУ, ОБЪЕДИНЯЮЩЕМУ ТАКИЕ ПОНЯТИЯ, КАК БОЛЬШАЯ ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ, ХОРОШЕЕ ПИТАНИЕ, УСПЕШНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Результирующим показателем социального самочувствия служит уровень социального оптимизма. Его оценка складывается из отношения индивидов (социальных групп) к своему прошлому, настоящему и будущему. Основным же индикатором социального оптимизма следует считать субъективную уверенность индивида в своем будущем. В ходе опроса трудоспособного сельского населения, проведенного в 2009 г.,

четверть опрошенных (24,9%) предположили некоторые улучшения в своей жизни в ближайшем будущем, в то время как число пессимистов, считающих, что их жизненная ситуация ухудшится, составило всего 4,0%. Примерно пятая часть сельчан (18,4%) полагала, что ничего не изменится. Вместе с тем половина сельчан (51,4%) затруднилась дать прогноз относительно каких-либо изменений в собственной жизни. Это может быть отчасти связано с обеспокоенностью в 2009 г. значительной части населения возможными последствиями глобального экономического и финансового кризиса (67,6% опрошенных в той или иной степени выражали опасения относительно данной проблемы). Следует отметить, что жителям села всегда было свойственно ровное, спокойное отношение к будущему без особых всплесков оптимизма или, наоборот, пессимизма.

Уровень оптимизма и социальное самочувствие индивида (социальной группы) в значительной мере определяются характером взаимоотношений с окружающими, степенью включенности в социальные сети. Сравнительный анализ данных по группам показывает, что для людей с плохим социальным самочувствием характерен достаточно низкий уровень социальной поддержки. Так, позитивные и оптимистичные оценки в большей степени свойственны респондентам, которые склонны оценивать взаимоотношения в своей сельской общине как дружеские. Для данной группы индекс оптимизма, рассчитываемый как разность долей респондентов, утверждающих, что их жизнь улучшится, и тех, кто предполагает ухудшения в своей жизни, составил 0,32. Менее всего оптимистичных прогнозов у тех, кто оценивает взаимоотношения как безразличные: значение индекса в этой группе оказалось равным 0,17. На отношение к своему будущему оказывает влияние уровень доверия в сельской общине. Значение индекса оптимизма у тех, кто никому не доверяет в своем селе и не имеет возможности обратиться к односельчанам за помощью в трудную минуту, в 5 раз ниже, чем у респондентов, указавших, что в их окружении довольно много людей, которым они доверяют (0,06 и 0,29 соответственно). Значения индекса оптимизма также существенно варьируются в зависимости от оценки отношений взаимопомощи в сельской общине: для тех, кто отмечает, что односельчане всегда безвозмездно помогают друг другу, индекс оптимизма оказался в два раза выше, чем для тех, кто считает, что такая взаимопомощь в их селе отсутствует (0,27 и 0,13 соответственно). Более тесные

по сравнению с городом взаимоотношения жителей села и их семей между собой в жизни и на работе, отсутствие отчужденности друг от друга, взаимная поддержка и взаимопомощь, ценность семьи и семейной жизни – характерные черты традиционного крестьянского образа жизни. Очевидно, что утрата этих традиционных элементов жизненного уклада сельчан, приобретение «городских» черт с их отстраненностью, изолированностью, отсутствием тесных связей в соседской общине будет способствовать ухудшению социального самочувствия жителей села.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что такие составляющие социального капитала, как включенность в социальные сети, уровень доверия, наряду с профессионально-статусными, образовательно-квалификационными и половозрастными характеристиками индивида (социальной группы) детерминируют состояние социального самочувствия.

В целом результаты исследования позволяют судить о довольно высоком и стабильном состоянии основных характеристик социального самочувствия сельского населения. Большинство сельчан положительно оценивает происходящие изменения. Социальное самочувствие, являясь критерием завершенности и успешности процесса адаптации, служит индикатором интенсивности изменений внешней среды. Сравнительно небольшое число респондентов, отмечающих ухудшение своей жизненной ситуации, позволяет сделать вывод о том, что адаптивная ситуация, переход к рыночным отношениям носит постепенный характер, не оказывает сильного стрессового воздействия на сельское население и воспринимается как естественное развитие жизнедеятельности села.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗВОЛЯЮТ СУДИТЬ О ДОВОЛЬНО ВЫСОКОМ И СТАБИЛЬНОМ СОСТОЯНИИ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В условиях социальных нововведений анализ основных параметров социального самочувствия позволяет получить представление о реальных пределах адаптации населения к осуществляемым преобразованиям и масштабах имеющейся дезадаптации. В связи с этим оценка темпов и хода реформ должна включать социологическую экспертизу, центральное место в которой занимает оценка социального самочувствия населения.

Список использованных источников

1. Головаха, Е. И. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС / Е. И. Головаха, Н. В. Панина, А. П. Горбачик // Социология: 4 М. – 1998. – № 10. – С. 47–71.
2. Давыдова, Е. В. Измерение социального самочувствия молодежи / Е. В. Давыдова // Социологические исследования. – 1992. – № 2. – С. 104–115.
3. Дулина, Н. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти / Н. В. Дулина, В. В. Токарев // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», Смоленск, 6–9 окт. 2009 г. – Смоленск, 2009. – С. 89–95.
4. Корель, Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 423 с.
5. Россия: трансформирующееся общество: сб. тр. / В. А. Ядов [и др.]; под ред. В. А. Ядова. – М.: Канон-пресс-Ц, 2001.– 640 с.
6. Человек и рынок: проблемы социальной адаптации / Л. В. Корель [и др.] // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике: материалы к XIII Всемирному социологическому конгрессу: в 2 ч. / Ф. М. Бородкин [и др.]; под ред. Ф. М. Бородкина, А. Р. Михеевой. – Новосибирск, 1994. – Ч. 1. – С. 13–30.

Дата паступлення ў рэдакцыю 08.11.2010.

КАВАЛЕНЯ АЛЯКСАНДР АЛЯКСАНДРАВІЧ

(Да 85-годдзя з дня нараджэння)

Аляксандр Аляксандравіч нарадзіўся ў г. п. Капыль Мінскай вобласці ў сям'і настаўніка. У 1970 г. паступіў на гісторыка-геаграфічны факультэт Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя А. М. Горкага. Вучобу ў інстытуце сумяшчаў з разнастайнай грамадскай дзейнасцю. З 1974 г. узначальваў прафсаюзны камітэт інстытута. На гэтай пасадзе А. А. Каваленя працаваў да залічэння ў 1979 г. у аспірантуру МДПІ, якую паспяхова закончыў у 1982 г. і абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Ідэйна-палітычная работа падпольных партыйных арганізацый КП(б)Б у партызанскіх зонах».

За гады працы ў педагагічным інстытуце прайшоў усе ступені выкладчыцкай працы: асістэнта, старшага выкладчыка, дацэнта кафедры гісторыі КПСС МДПІ. У 1983–1991 гг. з'яўляўся членам Рэспубліканскага каардынацыйнага савета па распрацоўцы праблем гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. У 1996 г. ён абіраецца загадчыкам кафедры айчыннай і сусветнай гісторыі БДПУ імя М. Танка, а ў 2000 г. абараніў доктарскую дысертацыю на тэму «Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944 гг. Вытокі. Структура. Дзейнасць».

Пад кіраўніцтвам Аляксандра Аляксандравіча на кафедры быў распрацаваны і выдадзены ў 2-х частках вучэбны дапаможнік «Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветных цывілізацый». А. А. Каваленя з'яўляецца аўтарам звыш 300 навуковых і метадычных артыкулаў і прац, у тым ліку каля 40 асабістых і калектыўных манаграфій, падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў, якія сталі значным укладам у беларускую гістарычную навуку.

У 2004 г. Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь даручыла А. А. Каваленю падрыхтаваць падручнік для агульнаадукацыйнай школы і для ВНУ краіны па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. За кароткі час аўтарскі калектыў, які ўзначаліў А. А. Каваленя, змог падрыхтаваць падручнік «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)». У гэтым жа годзе Аляксандр Аляксандравіч быў прызначаны дырэктарам Інстытута гісторыі НАН Беларусі.

Аб высокім навуковым аўтарытэце Аляксандра Аляксандравіча сведчыць яго ўдзел у міжнародных кангрэсах, сімпозіўмах і канферэнцыях. Ён з'яўляецца рэдактарам шэрагу навуковых зборнікаў і манаграфій. Яго прозвішча шырока вядома не толькі ў Беларусі і краінах СНГ, але і ў навуковых колах Германіі, Даніі, Ізраіля, Польшчы, Францыі, ЗША і іншых краін.

КАМЯНКОЎ ВІКТАР СЯРГЕЕВІЧ

(Да 65-годдзя з дня нараджэння)

Нарадзіўся Віктар Сяргеевіч у Магілёўскай вобласці. Сярэднюю школу скончыў з залатым медалём. З 1973 па 1978 г. вучыўся на юрыдычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сваю прафесійную дзейнасць пачаў стажорам у пракуратуры Кастрычніцкага раёна г. Магілёва. З 1979 па 1981 год – памочнік пракурора. У 1981–1983 гг. працаваў намеснікам пракурора Ленінскага раёна г. Магілёва. З 1983 па 1987 год быў старэйшым памочнікам пракурора Магілёўскай вобласці. У 1987–1992 гг. – намеснік, загадчык аддзела па назіранню за разглядам грамадзянскіх спраў у судах Пракуратуры Рэспублікі Беларусь. З 1993 па 1997 год працаваў намеснікам Старшыні Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь. З лютага 1997 года – першы намеснік Старшыні Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь. У кастрычніку 2001 г. прызначаны на пасаду Старшыні Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь.

У 1990 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю па грамадзянскім працэсе. Пастановай Прэзідыума Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 21 студзеня 2004 г. прысвоена вучоная ступень доктара юрыдычных навук.

Прафесар па спецыяльнасці “права”, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь, В. С. Камянкоў актыўна займаецца навуковай і грамадскай дзейнасцю, з’яўляецца аўтарам шэрага вучэбна-метадычных дапаможнікаў, манаграфій, слоўнікаў, а таксама артыкулаў і іншых публікацый па пытаннях грамадзянскага і гаспадарчага працэсу, грамадзянскага права, банкроцтва і інш.

З сакавіка 2004 г. абраны Старшынёй Савета старшыняў вышэйшых арбітражных, гаспадарчых, эканамічных і іншых судоў, якія вырашаюць спрэчныя справы ў сферы эканомікі. З 18 сакавіка 2005 г. з’яўляецца Старшынёй Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь. В. С. Камянкоў абраны акадэмікам Міжнароднай акадэміі інфармацыйных тэхналогій. З 2006 г. займае пасаду Старшыні Беларускага рэспубліканскага саюза юрыстаў.

Загадам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 01.11.2002 г. № 542 В. С. Камянкоў узнагароджаны ордэнам Пашаны.

Резюме

Бабосов Е. М. *УДК 328.185*

Масштабы, причины и пути преодоления коррупции в Беларуси: социологический анализ

В статье названы причины коррупции, показана оценка данного негативного явления представителями различных слоев населения Республики Беларусь, а также даны практические рекомендации по усилению действий, направленных на борьбу с коррупцией.

Вишневский А. Ф., Кучинский В. А. *УДК 340*

Право и законодательство: допустимо ли противопоставление?

В статье критически рассматривается устремленность некоторых современных правоведов и философов противопоставлять право как политическую или нравственную справедливость, выражающую и обеспечивающую социальную и личную свободу, действующему законодательству, которое может быть в целом или в некоторой своей части несправедливым и ограничивающим свободу, т. е. неправовым. Показано, что на самом деле за таким противопоставлением скрыто различие между идеологическим обоснованием того, каким законодательство должно быть, и тем, каким оно складывается на самом деле, т. е. между сущностью и явлением, содержанием и формой в праве. По мере формирования социального правового государства законодательство становится все более соответствующим современным идеалам социальной справедливости и свободы. Стремление же теоретически противопоставлять право и законодательство никак не может способствовать укреплению законности, противодействовать правовому нигилизму.

Евменов Л. Ф. *УДК 321*

Концептуальные основы политической философии объединенных наций Европы

В статье исследуются философские, идеологические, политико-экономические истоки идеи конвергенции, теорий конвергенции 50–60-х годов XX столетия, категории конвергенции и понятий, раскрывающих ее содержание и процесс ее реализации, как концептуальное основание политической философии Европейского союза.

Сокол С. Ф., Стрижак М. С. *УДК 340-053.2+343.85*

Теоретико-практическое содержание понятий, используемых в законодательном регулировании ювенальных правоотношений

В статье представлен понятийный аппарат, разработанный международным сообществом и отдельными странами в последние годы в законодательстве по защите прав и интересов несовершеннолетних, а также прав и интересов лиц, пострадавших от действий несовершеннолетних.

Для определения правового статуса несовершеннолетнего в ряде зарубежных государств употребляется термин «ювенальный». В статье сделан анализ ювенальных правоотношений. Поскольку они являются комплексными и охватывают несколько сфер жизнедеятельности несовершеннолетнего, правовой статус несовершеннолетнего рассмотрен не только с позиций общей теории права, но и отраслевого законодательства.

В рамках публикации определены общеправовые понятия, связанные с правовым регулированием действий несовершеннолетних, а также отдельные термины семейного и гражданского права. Анализ понятийного аппарата, используемого в законодательстве, проведен с точки зрения принципа справедливости.

Мельников А. П. *УДК 323.28*

Терроризм как средство политики в современном мире

Статья посвящена анализу проблем политического терроризма в современном мире. Раскрываются причины и особенности терроризма на внутригосударственном и международном уровнях. Рассматриваются средства и способы борьбы с терроризмом.

Паращенко В. В. *УДК 341.983.4*

Об оптимальном балансе диспозитивных и публично-правовых начал в гражданском судопроизводстве

В статье высказывается мысль о том, что одним из способов улучшения в сфере эффективной защиты прав и интересов человека является установление гармоничного соотношения диспозитивно-правовых и публично-правовых стандартов. Современные требования к гражданско-правовой процедуре должны быть приняты во внимание. Также должны быть соблюдены свобода процессуального поведения и необходимое поведение участников гражданско-правовой процедуры. В статье особо выделен тот факт, что такой гармонии не существует. Несколько процессуальных способов достижения этой цели предложены в статье.

Кибак И. А. *УДК 159.9:342.537*

Социальная потребность использования психологических знаний в законотворчестве

Рассматриваются проблемы использования психологических знаний в законотворчестве. Показано, что законотворчество имеет две стороны: объективную и субъективную, которые влияют на его эффективность. Особое внимание уделено исследованиям трех основных компонентов законотворчества: познания, деятельности и результата. Отражена эффективность правовой регуляции, которая зависит не только от правовой сущности принимаемых законов, но и от правовой социализации членов общества. Отмечается, что общеобязательную силу может приобрести лишь та правовая норма, которая способна выполнять функцию социально-психологической нормы, то есть отвечать психологической культуре законотворчества и социальным потребностям личности, общества и государства, соответствовать социально-психологическим

механизмам человеческого поведения. Намечены наиболее перспективные направления дальнейших исследований психологии законотворчества.

Степанов О. В. *УДК 349.2*

Регулирование труда трудящихся-мигрантов в Республике Беларусь: проблемы реализации правовых норм

В статье анализируются процессы трудовой миграции в Республике Беларусь, приводятся статистические сведения и практика реализации правовых ном, регулирующих трудовые и связанные с ними отношения с иностранным участием. В работе исследуются возможности совершенствования нормативных правовых актов, регулирующих социальные и трудовые права мигрантов. Так, автор предлагает в целях совершенствования правового регулирования труда с иностранным участием в Республике Беларусь, во-первых, изменить применяемый законодателем термин «внешняя трудовая миграция» в сторону дозволения субъектам внешней трудовой миграции осуществления трудовой деятельности по трудовому или гражданско-правовому договору, во-вторых, дополнить статью 1 Трудового кодекса Республики Беларусь определением «работник-мигрант». В частности, «работник-мигрант» – это иностранный гражданин или лицо без гражданства, постоянно проживающий за пределами Республики Беларусь, состоящий в трудовых отношениях с нанимателем на территории Республики Беларусь на основании заключенного трудового договора.

Маджаров Р. В. *УДК 343*

Приостановление предварительного расследования: история, современность, перспективы

В статье рассматриваются основные этапы развития законодательного регулирования приостановления предварительного расследования, практики его применения и теоретических взглядов на этот правовой институт в уголовном процессе Беларуси. Данные вопросы анализируются не только в тесной связи с формированием, развитием и изменением других процессуальных институтов, но и в контексте уголовной политики государства, повлиявшей на эти преобразования. На основании исследованных материалов автором раскрываются причины трансформации сущности и содержания института приостановления предварительного расследования, излагается собственная точка зрения на перспективы его дальнейшего развития.

Чаховский Ю. Н. *УДК 347.74*

Вексельное обращение в России и Беларуси: исторические аспекты

В статье исследуется ход становления и развития вексельного обращения на Руси и в Республике Беларусь, дается характеристика современного состояния правового регулирования оборота простых и переводных векселей в Республике Беларусь, включая вопросы применения электронного векселя. Автор приводит ряд предложений по совершенствованию законодательства Республики Беларусь в сфере вексельного обращения.

Бочкова Е. В. *УДК 330.101.8*

Сущностные аспекты кластеризации экономики страны (на примере России)

Статья посвящена особенностям формирования кластеров в российской экономике, выделены основные проблемы и барьеры, препятствующие кластеризации экономики России. Рассмотрены ведущие функционирующие кластеры России и определены основные направления организации кластерных структур. Автор делает вывод о необходимости кластеризации экономики России, которая будет способствовать повышению конкурентоспособности экономики в контексте инновационного вектора развития.

Солодовников С. Ю. *УДК 330*

Гносеологические проблемы формирования новой парадигмы инновационного развития Республики Беларусь

В статье рассматриваются основные теоретические подходы и практические рекомендации белорусских экономистов по совершенствованию социально-экономических механизмов инновационного развития страны; раскрываются проблемы, стоящие перед социально-научным сообществом в контексте глобальных цивилизационных тенденций и императивов; предлагается стратегия формирования новой социальной парадигмы инновационного развития страны с учетом современных тенденций и вызовов.

Енин Ю. И., Лавров Л. С. *УДК 339.9*

Развитие торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь и Сибирского федерального округа

В статье обосновывается необходимость формирования регионально-страновой внешнеэкономической стратегии развития Беларуси. Обращается внимание на значимость Сибирского федерального округа в развитии торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь с Российской Федерацией. В статье используется информация о среднесрочных федеральных, межрегиональных и региональных инвестиционных проектах и программах Сибирского федерального округа.

Тихомиров А. О. *УДК 339.52*

Экспортный потенциал: факторы формирования, методы оценки и анализа

Экспортный потенциал – это способность экономической системы производить товары, востребованные на мировом рынке. В статье рассматриваются факторы формирования, эффективность использования, методы оценки и анализа (на примере концерна «Беллесбумпром»).

Кузьменко Т. В. *УДК 316.334.55*

Социальное самочувствие сельского населения: социологический анализ

В статье рассмотрены методологические особенности исследования социального самочувствия, проанализированы основные показатели социального самочувствия жителей села.

Summary

J. Babosov

Scope, Reasons and the Ways of Overcoming Corruption in Belarus: Sociological Analysis

In the article we pointed out the reasons of corruption, shaw the estimation of these negative phenomenon by the representatives of different strata of society of the Republic of Belarus, also we give practical recomendations in order to strengthen measures directed to struggle against corruption.

A. Vishnevskij, V. Kuchinskij

The Law and the Legislation: whether Opposition Admissible?

In the article is critically considered the tendency of some modern jurists and philosophers to oppose the law as the political or moral validity expressing and providing social and personal freedom to the current legislation which can be as a whole or in some part unfair and limiting freedom, i. e. not legal. It shows that actually behind such opposite distinction between an ideological substantiation of what the legislation should be is hidden and that what it develops actually, i. e. between essence and the phenomenon, the contents and the form in the law. In process of formation of a social lawful state the legislation becomes to more and more corresponding modern ideals of social justice and freedom. Aspiration theoretically to oppose with the right and the legislation cannot promote strengthening of legality in any way, counteract legal nihilism.

L. Ewmenov

Conseptual Foundations of Political Philosophy of the United Nations of Europe

Philosophic, ideological, political and economic sources of the idea of convergence, convergence theories of the 50–60's of the 20-th century, categories of convergence and conceptions, revealed its context and the process of its realization as a conseptual foundation of political philosophy of the European Union are examined in the article.

S. Sokol, M. Strizhak

Theoretical and Practical Essence of the Notions, which are Used in Legislative Control of Juvenile Legal Relationships

In the article we shaw notions, created by international community and separate countries at the last years in legislation in order to protect the rights and interest of minors, as well as the rights and interest of the persons, which are suffered from the action of minors.
For determination of the legal status of minor term "juvenile" is used in some foreign states. In the article we analysed juvenile legal relationships. Since they are complex and cover

several spheres of vital activity of minor, legal status of minor is considered not only from the position of the general theory of right, but also from the position of branch legislation. Within the framework of the publication it is determined notions of general right, connected with legal regulation of the action of minors, and some terms of family and civil law. The analysis of the notions, which are used in legislation, is conducted from the point of view of the principle of equity.

A. Melnikov

Terrorism as a Policy Tool in the Modern World

This article analyzes the problems of political terrorism in the modern world. There disclosed the causes and characteristics of terrorism on domestic and international levels. There discussed ways and means of combating terrorism.

V. Paraschenko

About the Optimum Balance of the Dispositive and Public-legal Beginning in the Civil Legal Proceedings

It is said in the article that one of the ways of the improvement in the sphere of the effective defence of a person's rights and interests is the establishment of the harmonical correlation of dispositive-legal and public standards. Modern requirements to the civil legal procedure should be also taken into consideration. The freedom of a procedural behaviour and a necessary behaviour of the participants of the civil legal procedure must be observed. It is pointed out in the article that such a harmony doesn't exist. Some procedural ways of the achievement of this aim are proposed in this article.

I. Kibak

Social Requirements of Knowledge Deployment in Lawmaking

In this article problems of knowledge deployment in lawmaking are considered. It is shown, that lawmaking has two aspects: objective and subjective which influence its efficiency. The special attention is given to the researches of its three basic components in lawmaking: knowledge, activity and result. There is a reflection of efficiency of legal regulation which depends not only on legal essence of accepted laws, but also on legal socialization of society members. It is noticed, that only the rule of law that is capable to carry out the function of socially-psychological norm can get obligatory force, in other words the rule of law is to correspond to socially-psychological mechanisms of human behavior, to answer psychological culture of lawmaking and social requirements of a person, society and state. The most perspective directions of the further researches of lawmaking psychology are planned.

O. Stepanow

The Legal Regulation Labor of Foreign Workers in the Republic of Belarus

The present article reviews local conditions of the labor for foreign workers in the Republic of Belarus. Regulations of the Labor code are analyzed; opinions of famous jurist-authors

are cited in the article. Beside the author hade analyzed the current legislation in Belarus on this question and the problems that, have sagged ways of decision state protection problems.

R. Madhzarov

The Suspension of the Preliminary Investigation: History, Present and Prospects

The author of the article examines the main stages of the development of legislative regulation of the suspension of the preliminary investigation, its practical application and theoretical views on this legal institution in the criminal process of the Republic of Belarus. These problems are analyzed not only in the close connection with the formation, development and change of other procedural institutions, but also in the context of the criminal policy of the state that has influenced these changes. Basing on the studied issues, the author reveals the reasons of the transformation of the nature and content of the institution of the suspension of preliminary investigation, present his own point of view on the prospects of its further development.

Y. Chahovsky

Historical Legal Aspects of the Bill of Exchange Development in the Republic of Belarus

The article examines the process of formation and development of Bills of exchange and Promissory notes in Russia and in the Republic of Belarus, characterizes contemporary state of legislation of Bills of exchange and Promissory notes exchange in the Republic of Belarus, including some aspects of electronic Bills of exchange application. The author gives some suggestions for legislation improvement in the Republic of Belarus in the sphere of bills of exchange usage.

E. Bochkova

Essential Aspects of the Clusterization of the Russian Economy

The article is devoted to the peculiarities of the formation of clusters in the Russian Economy, highlights the main challenges and barriers of clusterization of the Russian Economy. The author considered the leading operating clusters of Russia and the main directions of the organization of cluster structures. Also the author concluded that the need for clusterization of the Russian Economy, which will enhance the competitiveness of the economy in the context of the innovation vector of development.

S. Solodovnikov

Gnoseological Problems of the Forming of a New Paradigm of Innovation Development of the Republic of Belarus

In the article we shaw the main theoretical approaches and practical recomendations of the Belarusian economists directed to the improvement of socio-economic mechanisms of innovation development of the country; we describe the problems of social and scientific

community in the context of the global civilizational tendencies and imperatives; we propose a strategy of the forming of a new social paradigm of innovation development of the country taking into account modern tendencies and challenges.

Y. Enin, L. Lavrov
The Development of Trade and Economic Cooperation between the Republic of Belarus and the Siberian Federal District

The article substantiates the necessity of the formation of regional and country's foreign economic strategy of the development of Belarus. We pay attention to the importance of the Siberian Federal District in the development of trade and economic cooperation between the Republic of Belarus and the Russian Federation. In the article information on mid-term federal, interregional and regional investment projects and programs in the Siberian Federal District are used.

A. Tihomirov
Export Potential: the Factors of Formation, Evaluation Methods and Analysis

Export potential is the ability of the economic system to produce goods demanded in the global market. The article discusses the factors of formation, utilization, evaluation methods and analysis (for example Bellesbumprom Concern).

T. Kuzmenko
Social Feeling of Rural Population: a Sociological Analysis

Methodological peculiarities of the research of social feeling are considered. Principal indicators of villagers' social feeling are analyzed in the article.

Ад рэдакцыі

Рэдакцыя часопіса «Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні» запрашае да супрацоўніцтва аўтараў навуковых, вучэбных і метадычных матэрыялаў у адпаведных галінах ведаў. Правілы прадстаўлення матэрыялаў для публікацыі:

1. У часопісе публікуюцца артыкулы на беларускай і рускай мовах памерам да 1 аўтарскага аркуша (40 000 знакаў з прабеламі).
2. Рукапіс артыкула падаецца раздрукаваным у двух экзэмплярах (шрыфт 14 пт., праз два інтэрвалы), з подпісам аўтара на апошняй старонцы, а таксама ў выглядзе электроннага файла на дыскеце ці дыску ў фармаце “rtf” ці “doc”.
3. Ілюстрацыі (фатаграфіі, малюнкі, табліцы, схемы) дадаюцца ў выглядзе асобных файлаў, выкананых у адпаведных фарматах.
4. Спасылкі на выкарыстаныя крыніцы прыводзяцца ў тэксце ў дужках. Спіс выкарыстаных крыніц змяшчаецца ў канцы тэкста і афармляецца ў адпаведнасці з Інструкцыяй па афармленню дысертацыі, аўтарэферата і публікацый па тэме дысертацыі (Пастанова ВАК РБ № 2 ад 22.02.2006). На першай старонцы артыкула павінен быць прастаўлены індэкс УДК.
5. Да артыкула таксама дадаюцца:
   - інфармацыя пра аўтара (аўтараў): месца працы, пасада, вучоная ступень, вучонае званне, кантактныя тэлефоны, галіна навуковых інтарэсаў, галоўныя тэарэтычныя ці практычныя дасягненні;
   - фатаграфія аўтара (калі магчыма, лічбавая);
   - анатацыя на рускай і англійскай мовах памерам 100-150 слоў.

Паштовы адрас:
220004, г. Мінск, вул. Караля, 3, БІП – Інстытут правазнаўства.
E-mail: seipd@yandex.ru.

Адрас рэдакцыі:
г. Мінск, вул. Каліноўскага, д. 74-а, каб. 13.